

Посвящается памяти *Валентина Ивановича Рассадина* —
доктора филологических наук, профессора, академика РАН,
основателя кафедры филологии Центральной и
Восточной Азии Бурятского государственного университета,
директора Научного центра монголоведных и алтаистических
исследований Калмыцкого государственного университета,
выдающегося российского востоковеда, монголоведа, тюрколога,
специалиста по сравнительно-исторической алтаистике и
изучению монгольских и тюркских языков Сибири и
Центральной Азии, создателя письменностей для малочисленных
тюркских народов — тофаларов и сойотов,
заслуженного деятеля науки РСФСР, Бурятской АССР,
Республики Калмыкия, передовика науки Монголии,
почетного работника высшего профессионального
образования Российской Федерации, кавалера орденов Дружбы,
Полярной звезды, Хубилай хана

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА»

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО МОНГОЛЬСКОМУ И ТЮРКСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ
ПАМЯТИ В. И. РАССАДИНА**

(Улан-Удэ, 15–16 ноября 2022 г.)

Научный редактор
Н. Б. Бадмацыренова
кандидат филологических наук, доцент

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
имени Доржи Банзарова
2024

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
DORZHI BANZAROV BURYAT STATE UNIVERSITY

**MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC
CONFERENCE ON MONGOLIAN AND TURKIC LINGUISTICS
IN MEMORY OF V. I. RASSADIN**

(Ulan-Ude, November 15–16, 2022)

Scientific editor
N. B. Badmatsyrenova
Cand. Sci. (Philol.), assistant professor

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing Department
Dorzhi Banzarov
2024

УДК 811.512 (082)
ББК 81.63
С 232

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета
Протокол № 3 от 13.12.2023 г.

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Ответственный редактор

Т. В. Тонтоева, ст. преп.

Редакционная коллегия

Д. В. Дашибалова, канд. филол. наук, ст. преп.

О. Ф. Золтоева, канд. филол. наук, доц.

Э. В. Ванданова, канд. филол. наук, доц.

А. Галданова, ст. преп.

А. Б. Этагорова, магистрант (отв. секретарь)

Рецензенты

И. Г. Актамов, канд. пед. наук,

зав. лабораторией «Центр переводов с восточных языков» ИМБТ СО РАН

Б. Д. Бальжинимаева, канд. филол. наук,

доц. БГУ им. Д. Банзарова

С 232 **Сборник материалов международной научной конференции по монгольскому и тюркскому языкознанию памяти В. И. Рассадина** (Улан-Удэ, 15–16 ноября 2022 г.) / научный редактор Н. Б. Бадмацыренова; ответственный редактор Т. В. Тонтоева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова, 2024. 126 с.
ISBN 978-5-9793-1902-5
DOI 10.18101/978-5-9793-1902-5-2024-1-126

Настоящий сборник включает в себя научные статьи ученых — монголоведов и тюркологов — научных и образовательных учреждений России, Монголии, Италии, Кыргызстана, Азербайджана, посвященные актуальным вопросам монгольской и тюркской филологии.
Адресовано широкому кругу специалистов в области востоковедения.

Collection of materials of the International Scientific Conference on Mongolian and Turkic Linguistics in memory of V. I. Rassadin (Ulan-Ude, November 15–16, 2022) / scientific editor N. B. Badmatsyrenova, executive editor T. V. Tontoeva. Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University Publishing Department, 2024. 126 p.
ISBN 978-5-9793-1902-5

This collection includes scientific articles by Mongolian scholars and Turkologists from scientific and educational institutions of Russia, Mongolia, Italy, Kyrgyzstan, and Azerbaijan on topical issues of Mongolian and Turkic philology.
Addressed to a wide range of specialists in the field of Oriental studies.

УДК 811.512 (082)
ББК 81.63

ISBN 978-5-9793-1902-5

© Бурятский госуниверситет
имени Доржи Банзарова, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике представлены материалы докладов участников международной научной конференции по монгольскому и тюркскому языкознанию памяти В. И. Рассадина (Улан-Удэ, 15–16 ноября 2022 г.), организованной кафедрой филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова. Данная конференция была посвящена памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки Бурятской АССР и РСФСР, передовика науки Монголии, кавалера ордена Дружбы, выдающегося ученого, монголоведа, тюрколога, алтаиста, наставника, педагога, просветителя Валентина Ивановича Рассадина. В. И. Рассадин является основоположником академического монголоведного языкознания в Бурятском государственном университете, основателем и первым заведующим кафедрой филологии Центральной Азии, которая в 2022 году отметила свой тридцатилетний юбилей.

В сборник вошли работы ведущих ученых монголоведов и тюркологов из России, Монголии, Казахстана, Кыргызстана, Азербайджана, Италии, касающиеся актуальных вопросов монгольской и тюркской филологии, проблем сравнительно-исторического исследования языков тюрко-монгольского ареала, вопросов грамматической и лексико-семантической типологии монгольских и тюркских языков, универсального и национального в тюрко-монгольской языковой картине. Кроме того, сборник охватил работы по исследованиям монгольских и тюркских письменных памятников, генетическим и ареальным особенностям монгольских и тюркских языков в сравнительно-исторической и типологической перспективе.

Предлагаемые материалы подразделяются на следующие тематические группы: 1) аспекты истории рунической письменности и лингвистического исследования рунических памятников Монголии и Алтая (доклады И. Я. Селютиной, Т. Загарпэрэнлэй, Д. Содномжамц; 2) тюрко-монгольские языковые контакты и изучение тюркских лексических заимствований в монгольских языках (доклады Т. К. Абдиева, Абдикарим Нурзия, Төкенқызы Гүлназ, С. М. Трофимовой, Гусейновой Арзу Идрис кызы); 3) фонология монгольских и тюркских языков (доклады Т. Б. Тагаровой, В. В. Тишина, Б. З. Нанзатова); 4) лексикологические и фразеологические исследования по монгольским и тюркским языкам (доклады Д. В. Дашибаловой, А. Галдановой, П. Алимаа, Р. Г. Жамсарановой); 5) социолингвистика и социология монгольских языков (доклады Халтар Нармандах, Ширнэн Цолмон); 6) лингвистическое исследование монгольских источников (доклады Б. Л. Тушинова, В. В. Хартаева). Отдельные авторы в своих работах затрагивают различные аспекты бурятской диалектологии (Б. Хабтагаева), историю исследования «Сокровенного сказания монголов» в Китае (А. Б. Этагорова), символику в фольклоре монгольских народов (Д. Д. Цыренжапова).

Статьи сборника располагаются в алфавитном порядке фамилий авторов (в русской транслитерации).

Редакторы сборника выражают глубокую признательность ректорату Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, исполняющему обязанности директора Восточного института В. А. Родионову и профессору Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова С. М. Трофимовой за неоценимую организационную и финансовую поддержку.

УДК 811.512

КЫРГЫЗСКО-БУРЯТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

© **Абдиев Таалайбек Камбарович**

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркологии,

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»

Кыргызстан, г. Бишкек

taalaykambar@gmail.com

Аннотация. Недавно вышедший «Этимологический словарь монгольских языков» (Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.) представляет большой интерес для компаративистов в области алтайского языкознания, специалистов по монгольским и тюркским языкам. Здесь представлены интересные языковые материалы по кыргызскому и бурятскому языкам. В статье делается попытка рассмотреть отдельные тематические группы по данным материалов.

Ключевые слова: тюркские монголизмы, монгольские тюркизмы, тюрко-монгольские элементы.

В 2015 году вышел в свет трехтомный «Этимологический словарь монгольских языков», уникальный труд выдающегося ученого, монголоведа с мировым именем, профессора Гармы Данцарановича Санжеева. Сам по себе словарь уникален, поскольку он является первым опытом этимологического словаря корневых (неразложимых) слов монгольских языков. Он является ценным источником не только для монголистики, но и для тюркологии, поскольку привлечены данные не только монгольских, но и древних тюркских, тунгусо-маньчжурских и ряда других языков. В словаре достаточно много интересного материала по монгольским тюркизмам.

В свое время кыргызский ученый С. Сыдыков защитил кандидатскую диссертацию «Монголо-тюркские языковые параллели» под руководством Г. Д. Санжеева. В 1983 году во Фрунзе была опубликована монография по результатам кандидатской диссертации. С тех пор данная тема в кыргызском языкознании не была объектом специального исследования, хотя и встречаются отдельные публикации. В настоящем докладе мы постараемся выявить конкретные кыргызско-бурятские лексические параллели на основе материалов вышеуказанного этимологического словаря. Заметим, что в отличие от других тюркских и монгольских народов, между кыргызами и бурятами не было контактов в течение длительного времени.

По нашим подсчетам количество кыргызско-бурятских лексических параллелей в данном словаре равняется 140 лексическим единицам. Следует отметить, что отдельные лексемы характерны и для других тюркских языков, но поскольку они приведены в словаре как лексические параллели, мы так и оставили их. То же самое можно сказать и в отношении бурятского языка.

Кыргызско-бурятские лексические параллели распадаются на три группы:

- 1) тюркские монголизмы, т. е. отмеченные в словаре монгольские лексические заимствования в кыргызском языке;
- 2) монгольские тюркизмы, т. е. отмеченные в словаре тюркские лексические заимствования в бурятском языке;
- 3) тюрко-монгольские элементы, т. е. общие кыргызско-бурятские элементы.

1. *Тюркские монголизмы.* Как известно, кыргызский язык относится к тем тюркским языкам, которые наиболее насыщены монголизмами после сибирских тюркских языков. По сведениям В. И. Рассадина, в них насчитывается около 400 слов бесспорно монгольского происхождения [1, с. 94]. По данным «Этимологического словаря монгольских языков» количество кыргызских монголизмов равняется 68, из них 46 — это имена существительные.

Бросятся в глаза термины родства: *кирг.* бөлө дети сестер; *бур.* бүлэ, бөлө дети сестер; *кирг.* куда сват; *бур.* сват, кум; *кирг.* кудагый сватья; *бур.* худагы сватья; кума.

Можно выделить следующие тематические группы:

Конская упряжь: *кирг.* канжыга торока; *бур.* ганзага торока; *кирг.* бүлдүргө петля у рукоятки кнута; *бур.* бүгэлдэргэ петля у рукоятки кнута; *кирг.* жылоо уздцы; *бур.* жолоо, елоо уздцы; *кирг.* чидэр тренога; *бур.* шүдэр тренога, пути; *кирг.* нокто недоуздок; *бур.* ногто недоуздок; *кирг.* бөктөргө ремешки на досках седла; *бур.* бүгтэргэ ремешки на досках седла. Основа последнего слова также является монголизмом: *кирг.* бөктөр- привязывать к торокам; *бур.* бүгтэр- класть поперек сзади седла, (иногда) наваливаться поперек.

Домашняя утварь: *кирг.* аргамжы волосяная веревка; *бур.* аргамжа длинная веревка (чаще из кожи); *кирг.* бокчо чемодан, мешок; узел с ценными вещами; *бур.* богсо переметная сумка; седельная кобура; *кирг.* жебе стрела, наконечник стрелы; *бур.* зэбэ наконечник стрелы; *кирг.* күрмө безрукавка; *бур.* хүрмэ меховая куртка поверх шубы; *кирг.* шибеге шило; *бур.* шүбгэ шило; *кирг.* шири сыромятная копченая кожа крупного скота; *бур.* шэрэ кожа, шкура (крупного скота, зверя); сыромять; *кирг.* топчу пуговица; *бур.* тобшо пуговица; *кирг.* тулга таган-треног; *бур.* тулга столб; подпорка, таган; *кирг.* көрөңгө закваска для кумыса; *бур.* хүрэнгэ закваска; фермент; *кирг.* коломто очаг в юрте; *бур.* гуламта, голомто очаг.

Домашние животные: *кирг.* унаа рабочий скот; *бур.* унаа верховое животное; тягловая сила, перевозочные средства, (иногда) рабочий скот; *кирг.* серке кастрированный козел; *бур.* һэрхэ кастрированный козел.

Части тела и болезни: *кирг.* чечекей хрусталик глаза; *бур.* сэсэгы зрачок, зеница; *кирг.* кежиге затылок; *бур.* гээзгэ коса, косички; *кирг.* чакалай мокрый лишай (на голове человека, на теле теленка); *бур.* сахалай (мед.) лишай; затвердение, огрубление кожи от обветривания; *кирг.* чыйкан чирей; *бур.* шийхан чирей; *кирг.* чырай черты лица, красота лица; образ; *бур.* шарай лицо, облик.

Слова с измененной семантикой: *кирг.* мерген ружейный охотник, стрелок; *бур.* мэргэн меткий; ловкий; мудрый; *кирг.* оен богатырь; господин; *бур.* ноен (феодалный князь), господин; начальник, чиновник; *кирг.* чечен красноречивый *бур.* сэсэн умелый, мудрый.

Разные: *кирг.* чычырканак облепиха; *бур.* шасаргана (бот.) облепиха; *кирг.* чоло досуг, свободное время; *бур.* сүлөө досуг, свободное время; *кирг.* керез, керээз завещание; дитя, оставшееся на чьих-либо руках от умершего; *бур.* гэрээд завещание, завет, последняя воля усопшего; *кирг.* жерге ряд, строй; *бур.* зэргэ ряд, степень, уровень; *кирг.* төлгө ворожба, гадание на камешках, альчике косули; *бур.* дүлгэ, түлгэ знамение, предзнаменованье; предчувствие; гадание; *кирг.* дабыркай еловая смола, камедь; *бур.* дабирхай смола, деготь, сера; *кирг.* толкун волна; *бур.* долгин волна.

В словаре указаны 10 глаголов, отмеченные как тюркские монголизмы: *кирг.* аңкай — зиять, быть широко открытым; *бур.* ангай — открываться, зиять; разевать, раздвигать; *кирг.* жобо — горевать, печалиться; *бур.* зобо — мучиться, страдать; беспокоиться, горевать; *кирг.* толку — вздымать волны; *бур.* долги — волноваться, вздыматься; *кирг.* кулгу- отрыгивать жвачку; срыгивать (например, о грудном ребенке), отрыгивать, тошнить; блевать, рвать (о детях); *бур.* гулги — срыгивать, отрыгивать, тошнить; блевать, рвать (о детях); *кирг.* була — брать силой, грабить; *бур.* буля — отнимать, вырывать насильно; ограбить; *кирг.* ылга- различать; выбирать, отбирать; *бур.* илга — различать, отличать; отделять, обособлять; (перен.) ставить кого-либо по сравнению с другими в худшее положение, обходить; *кирг.* ышкыр — свистеть, шипеть; *бур.* эшхэр — шипеть (о змее); *кирг.* кубул — изменяться, быть непостоянным; *бур.* хубил — изменяться, быть непостоянным; *кирг.* тукур- натравливать, науськивать; *бур.* тухир — натравливать, науськивать; (перен.) подзуживать; *кирг.* каңтар — привязывать лошадь (поводья задеваются за луку седла); *бур.* хантар — туго натягивать поводья (например, к луке седла, чтобы лошадь не ушла).

Количество прилагательных сравнительно мало, всего 8. Имена прилагательные, обозначающие цвета, в большинстве случаев относятся к мастям животных. Например, *кирг.* *жээрде* рыжий; *бур.* зээрдэ рыжий (о лошади); *кирг.* күрөң бурый; *бур.* хүрин коричневый; бурый (о масти). Иногда они имеют также переносные значения: *кирг.* коңур темно-бурый, смуглый; (перен.) мягкий, нежный, смирный; *бур.* хонгор буланный, соловый, светло-рыжий (о масти лошади); (перен.) простодушный, милый, обаятельный. Отдельные прилагательные относятся к погоде: *кирг.* бүркөк покрытый; пасмурный; *бур.* бүрхэг пасмурный, облачный, темный; *кирг.* серүүн прохладный, освежающий; *бур.* һэрюун свежий, прохладный, нежаркий (о воздухе в жаркое время года). Некоторые из них употребляются и как наречие: *кирг.* бүкүлү целый; целиком; *бур.* бүхэли цельный; весь целиком. Остальные обозначают различные свойства: *кирг.* кашаң ленивый, медлительный; нерадивый; *бур.* хашан ленивый, медлительный; *кирг.* сейрек единичный, редко встречающийся; редкий (не густой); *бур.* һиирэг редкий (не густой), разреженный, рассеянный.

Среди заимствованных слов присутствуют два наречия: *кирг.* көлдөлөң попереk; *бур.* хүндэлэн попереk; попереkный; *кирг.* өйдө, өөдө вверх, (перен.) выше, лучше; *бур.* өөдэ вверх, кверху; против течения. Следует отметить, что көлдөлөң встречается только в южном диалекте кыргызского языка.

Среди кыргызских монголизмов есть также два междометия. Например, *кирг.* калак, калакай! ой, как горячо! ой, обожгло! *бур.* халаг! увы! эх! как жаль! К. Сейдакматов в «Кратком этимологическом словаре кыргызского языка» встречаемые в междометии «калак чолок калматай!» слова относит *калак* к калмыцкому *халаг*, слово *чолок* к калмыцкому *цольгх*, а *калматай* к монгольскому *халуунт* [5, с. 131].

Есть также часто используемое междометие кайран: *кирг.* кайран милый, дорогой; горемычный; *бур.* хайран бедненький; жалкий; милый; как жаль (об утраченном).

2. *Монгольские тюркизмы.* Их сравнительно мало, всего насчитывается 24 слова, 18 из которых — имена существительные. Большинство относится к фауне: *кирг.* аргымак аргамак; *бур.* аргамаг аргамак; лучшая верховая лошадь; *кирг.* күлүк

скакун, скаковая лошадь, бегунец; *бур.* хүлэг аргамак, скакун, быстрый богатырский конь; *кирг.* теке козел; козерог; *бур.* тэхэ козел; *кирг.* төл приплод; *бур.* түл приплод, молодняк; *кирг.* бөлтгүрүк волчонок; *бур.* бэлтэргэ; *кирг.* тоодак дрофа, дудак; *бур.* тоодог дрофа, дудак.

Остальные имеют разные абстрактные или конкретные значения: *кирг.* чак время, пора; *бур.* саг время; *кирг.* бөлүк часть; *бур.* бүлэг группа, кружок; часть, раздел, глава (книги); *кирг.* жут джут; *бур.* джут гололедица, бескормица; *кирг.* булуң угол, залив; *бур.* булан(г) угол (внутри помещения), уголок; изгиб; залив; *кирг.* калка прикрытие, укрытие; *бур.* халха прикрытие, заслон, щит; ширма; *кирг.* той пир, празднество; *бур.* той [баяр] праздник; *кирг.* тамга клеймо, жженое тавро; *бур.* тамга тавро, клеймо, печать; *кирг.* темир железо; *бур.* түмэр железо; *кирг.* чагарак кольцо; *бур.* сахариг обруч, обод, кольцо; *кирг.* домбура домбра (род балалайки); *бур.* домборо дómра, балалайка; *кирг.* кайрак точильный брусок; *бур.* хайраг точильный камень; *кирг.* тамыр корень; кровеносный сосуд; *бур.* тамир сила, энергия; здоровье; (анат.) кровеносный сосуд.

Следующие 4 глаголы отмечены как монгольские тюркизмы: *кирг.* аңгар-вникать, стараться понять; понимать; *бур.* анхар — обращать внимание, всматриваться; *кирг.* жалбар — умолять, униженно просить; *бур.* зальбар — молиться; умолять, просить; *кирг.* тоно — грабить; *бур.* тоно — грабить; *кирг.* кара — смотреть, глядеть, осматривать; заботиться о ком-либо; *бур.* хара-смотреть, увидеть; караулить, стеречь; присматривать (например, за немощным).

3. *Общая лексика.* Количество слов — 48, из них 30 — имена существительные. Среди них есть термины родства: *кирг.* бажа свояк; *бур.* база свояк; *кирг.* бүлө член семьи; семья; *бур.* бүлэ семья, семейство; домашние, члены семьи; *кирг.* төркүн родня замужней женщины (родители, братья); *бур.* түрхэм родня замужней женщины (родители, братья).

Интересно отметить, что среди такой лексики присутствуют в том числе омонимы: *кирг.* аң I зверь, дикое животное как предмет охоты; *бур.* ан(г) I зверь, дикое животное; *кирг.* аң II яма, промоина, длинный обрыв; *бур.* ан(г) II щель, отверстие, дыра, трещина; *кирг.* саба I большой кожаный бурдюк, в котором готовят кумыс; *бур.* хаба I посуда, сосуд,местилище чего-либо; *кирг.* саба — II бить, колотить, хлестать, стегать; *бур.* хаба — II стегать; ударять плашмя; хлопать.

В разделе «Общая лексика» можно выделить следующие тематические группы:

Фауна: *кирг.* куран самец косули или джейрана; *бур.* гуран дикий козел, самец косули, гуран; *кирг.* кыргоол фазан; *бур.* горгол фазан; *кирг.* бөдөнө перепелка; *бур.* бүдэнэ перепелка; *кирг.* бүргүт беркут; *бур.* бүргэд орел, беркут; *кирг.* шумкар кречет; *бур.* шонхор сокол, кречет.

Домашняя утварь: *кирг.* табак блюдо; *бур.* табаг тарелка, блюдо; *кирг.* таар дерюга; *бур.* таар мешок из дерюги; дерюга; *кирг.* талкуу кожемялка; *бур.* талхи кожемялка; *кирг.* талкан толокно; *бур.* талхан мука; тесто; хлеб; *кирг.* көөкөр бурдючок; *бур.* хүхүүр кожаный бурдюк, мешок; *кирг.* шаты лестница; *бур.* шата лестница, ступень; *кирг.* чана сани; *бур.* сана лыжи; *кирг.* така подкова; *бур.* таха подкова; *кирг.* кандагай мужские штаны из кожи горного козла; *бур.* хандагай лось, сохатый.

Части тела: *кирг.* алакан ладонь; *бур.* альган ладонь; *кирг.* тапан, таман подошва, ступня; *бур.* табгай ~ табхай лапа, ступня.

Разные: *кирг.* айыл аул; (ист.) группа юрт близких родственников; *бур.* айл группа юрт; семья; селение; соседи — жители одного селения; *кирг.* шалбаа луг, сырое место с густой высокой травой; *бур.* шалбааг лужа; *кирг.* шор несчастье, беда; *бур.* шоро беда, несчастный случай, злой рок; *кирг.* булак родник (в болотистом месте, на берегу реки), ручеек; золотуха; *бур.* булаг родник, ключ; источник; золотуха, гнойник, грудница; гной из ушей; *кирг.* арча древовидный можжевельник; *бур.* арса (бот.) можжевельник; *кирг.* кулку сера в ушах; *бур.* холхи ушная сера.

В этой группе глаголов больше (18): *кирг.* сура — спрашивать, просить; *бур.* һура — спрашивать, осведомляться; *кирг.* кака — давиться, поперхнуться; набиваться, застрять, *бур.* хаха — давиться, поперхнуться; набиваться, застрять (например, о соломе в барабане молотилки); *кирг.* сүңгү — нырять, купаться; вонзаться; *бур.* шунга — нырять, погружаться в воду; *кирг.* аңка — томиться жаждой; *бур.* анга — испытывать жажду; *кирг.* аңкы- исходить, распространяться (о приятном запахе). *бур.* ангил — сильно пахнуть, благоухать; *кирг.* аарчы — чистить, очищать, отчищать; *бур.* арша — чистить, вытирать, стирать; *кирг.* баркыра — реветь, издавать рев; *бур.* бархира — кричать, орать, голосить; рыдать; *кирг.* бүркө — покрывать, закрывать; *бур.* бүрхэ — покрываться, заволакиваться; становиться пасмурным; *кирг.* көңтөр — перевернуть, опрокинуть; *бур.* хүнтэр — опрокидываться, перевертываться (например, о посуде); вываливаться, выливаться; *кирг.* күзө-, күсө — желать, хотеть; *бур.* хүсэ-, хүһэ — желать, хотеть, добиваться; *кирг.* Тара — расходиться, разбредаться; распространяться; *бур.* тара — расходиться, разъезжаться; распространяться; *кирг.* чапчы — бить передней ногой, копытом о землю; взрывать землю передними ногами (о звере); *бур.* сабша — рубить; бить копытом (о лошади); *кирг.* Чач — брызгать, разбрасывать, рассыпать; сеять (семена); *бур.* саса — брызгать, опрыскивать; разбрасывать, раскидывать, рассыпать; *кирг.* чаңка — чувствовать жажду, хотеть пить; нуждаться в поливе; *бур.* санга испытывать жажду, сохнуть во рту; *кирг.* жалга — надставлять, соединять; *бур.* залга — присоединять, сцеплять, приставлять; продолжать; *кирг.* мөөрө — мычать; *бур.* мөөрэ — мычать (о скоте); *кирг.* бултай — высыпать наружу; вздуться, вспухнуть; *бур.* бултай — высываться, выглядывать, выдаваться; *кирг.* Чулчуй — вздуться (о щеке), быть толстощеким; *бур.* сулсай — быть пухлым (например, о ребенке).

Академик Б. М. Юнусалиев на основе языковых материалов предполагал, что «общая лексика для древнекиргизской и монгольской групп языков является результатом языкового взаимодействия их носителей в эпоху нахождения предков современных киргизов поблизости от Монголии и Бурятии. Все другие предположения, в том числе о возможности заимствования в эпоху монгольского нашествия в XII–XIII вв. от ассимилировавшихся в Средней Азии с другими тюркоязычными народами монгольских племен, отпадают, ибо в этом случае указанные слова должны были быть как у казахов, так и у узбеков, в этнический состав которых вошли, как известно, немало монголоязычных племен» [4, с. 420].

Большое количество глагольных параллелей говорит о том, что языковые контакты между носителями вышеуказанных языков были продолжительными и интенсивными.

Литература

1. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. Москва: Наука, 1980. Текст: непосредственный.
2. Санжеев Г. Д., Орловская, М. Н., Шевернина, З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН // Редакторы Г. Д. Санжеев, Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Москва: Изд-во ИВ РАН, 2015. Текст: непосредственный.
3. Сыдыков С. Монголо-тюркские языковые параллели. Фрунзе: Илим, 1983. Текст: непосредственный.
4. Юнусалиев Б. М. Избранные труды. Бишкек: Учкун, 2005. Текст: непосредственный.
5. Сейдакматов К. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү. Фрунзе: Илим, 1988. Текст: непосредственный.

KYRGYZ-BURYAT LEXICAL PARALLELS

© **Taalaipek K. Abdiev**

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Department of Turkology,
Kyrgyz-Turkish Manas University
Kyrgyzstan, Bishkek
taalaykambar@gmail.com

Abstract. The recently published “Etymological Dictionary of the Mongolian Languages” by Sanzheev G.D., Orlovskaya M. N. and Shevernina Z. V. is of great interest to comparativists in the field of Altai linguistics, specialists in Mongolian and Turkic languages. There are also printed interesting language materials on the Kyrgyz and Buryat languages. The article attempts to consider thematic lexical groups based on the materials of this dictionary.

Keywords: Turkic Mongolisms; Mongolian Turkisms; Turkic-Mongolian elements.

**КАЗАХ, МОНГОЛ ХЭЛНҮҮДИЙН НЭР ТОМЬЁО ОРЧУУЛАХ
ЗАРЧИМУУДЫГ ХАРЬЦУУЛСАН СУДАЛГАА
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ
В КАЗАХСКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ**

© **Абдикарим Нурзия**

PhD,

«Ш.Шаяхметовын нэрэмжит «Тил-Казына» хэмээх Үндэсний шинжлэх ухаан,
практикийн төв" АБХН-ийн нэр томьёоны газрын
тэргүүлэх судлаач,
Казахстан, Астана хот
nursana@yandex.ru

© **Төкенқызы Гүлназ**

PhD,

«Ш. Шаяхметовын нэрэмжит «Тил-Казына» хэмээх Үндэсний шинжлэх ухаан,
практикийн төв" АБХН-ийн зөв бичлэгийн газрын
тэргүүлэх судлаач,
Казахстан, Астана хот
adon70@mail.ru

Хураангуй: Уг өгүүлэлд казах, монгол хэлний гадаад нэр томьёог эзэмших асуудлыг судалсан байна. Даяаршлын эринд аливаа ард түмэн өөрийн өвөрмөц онцлог, соёл, хэлээ байгалиас нь авч үлдэхийг эрмэлздэг. Үүнээс ирээдүйн зорилгоо тодорхойлохын тулд холбогдох хэлний түүхэн хөгжлийг судалж, суралцах нь мөрийн хөтөлбөр юм. Казах хэл шинжлэлийн эдгээр шийдэгдээгүй, маргаантай асуудлын нэг бол гадаад нэр томьёог хүлээн авах зарчим юм. Энэ асуултын хариултыг олохын тулд зөвхөн түрэг хэлтэн ард түмний гадаад нэр томьёог хүлээн авах зарчмыг төдийгүй Алтай хэлний бүлэгт багтах монгол хэлний туршлагыг харьцуулах нь онол практикийн ач холбогдолтой юм. Учир нь түүхийн хувь заяа, хэл нь ижил төстэй бүтэцтэй ард түмэн гадаад нэр томьёог эзэмших ижил төстэй үйл явцтай байсан. Энэ зорилгоор өнгөрсөн зууны 20-иод оноос хойшхи казах-монгол хэлний гадаад нэр томьёог эзэмших үе шат, зарчмуудыг харьцуулан судалжээ. Уг нь эдгээр хэлнүүдийн гадаад хэлний нэр томьёоны хувьд эхний байр суурь ижил төстэй боловч одоогийн байдлаар казах хэлний нэр томьёоны 70–80 хувь нь гадаад хэлнээс орос хэлээр дамжин орж ирсэн нэр томьёо юм. Казах хэлтэй харьцуулахад монгол хэлний гадаад нэр томьёог хүлээн авах зарчмыг хурдан системчилж, богино хугацаанд хэрэгжүүлж эхэлжээ. Гиймээс гадаад үг хэллэгийг өөрийн хөрсөнд шингээдэг уламжлал бий. Монгол хэлний энэхүү туршлагыг судалж, гадаад нэр томьёог хөгжүүлэх, казах хэлний жам ёсны хөгжилд хувь нэмэр оруулна гэж баталж байна.

Түлхүүр үгс: казах хэл; халх-монгол хэл; гадаад хэлний нэр томьёо; нэр томьёоны зарчим; гадаад хэлний нэр томьёог эзэмших; хэлний байгалийн байдал; хэлний бодлого; нэр томьёоны комисс.

Уг гарал болон бүтэц хэлбэр, хэв маягаараа тун ойрхон төрөл хэлнүүд шинжлэх ухаан, техник, байгаль нийгмийн тодорхой нэгэн салбарт хэрэглэх нэр томьёогоо хэвшүүлэхдээ гадаад үгсийг ямар зарчим баримталж, ямар арга барилыг гол болгосон бэ гэдэг асуудал бидний анхаарлыг татаж байна. Улс үндэстнүүд өөрийн төрөлх хэлээ хязгаар нь алдагдсан цахим ертөнцийн үед, даяаршилын үед

яаж унаган төрхөөрөө хадгалан хөгжүүлэх вэ гэсэн бас нэг хурц асуудалтай тулгараад байна. Мөн казах, монгол мэт орос хэлний нөлөөн дор байсан хэлнүүд уг хэлнүүдийн төрөлх шинжтэй үл дүйцэх зохиомол арга барилуудыг, зарчимуудыг мөрдснөөс болоод нилээд алдаатай эсвэл учир дутагдалтай нэр томьёонуудыг хэвшүүлсэн билээ. Ер нь бусад турк-монгол хэлнүүдийг бодоход казах, халх-монгол хэлнүүдийн харьцуулсан судалгаа Б. Базылхан, С. Гүлгайша, Б. Напил г. м. эрдэмтдийн ачаар хэлзүйн болон эртний дурсгалт бичгүүдийн хэлний асуудлууд судалгаанд хамаарагдсан байдаг. Бидний өгүүллийн сэдэвтэй холбогдох асуудлаар казахын эрдэмтэд Ө. Айтбаев, Ш. Курманбайулы нарын эрдэмтэд нэр томьёо зохиох явцад монгол хэлний туршлаганд анхаарлыг хандуулах хэрэгтэйг удаа дараа сануулсан байна. Жишээлбэл, Ө. Айтбаев өөрийн бүтээлүүдэд казах хэлний үгсийн санд эбдире — авдар, алтын — алтан, бай — баян, аймак — аймаг, адак — адаг, дулыга — дуулга, баран — бараан, денежин — дөнжин, жасак — засаг г. м. үгсийн амьдрах ухаан, газар зүй, албан тушаал, аж төрлийн салбарт идэвхтэй хэрэглэгдэж байсныг дурдаад эдгээр үгсийн дийлэнх нь өнөө үед хуучирсан үгсийн тоонд байгаа ч бүтэц, бүрэлдэхүүнээрээ ижил төстэй хэлнүүдийн нэр томьёо зохиох туршлагыг харгалзан үзэх нь зүйтэй гэсэн саналаа илэрхийлжээ. Оросын монголч эрдэмтэн В. Рассадин тэмээтэй холбогдох аж ахуйн үгсийг харьцуулан авч үзээд, эдгээр үгсийг турк хэлнүүдийн байр сууриас авч үзэхэд л ойлгомжтой мөн тухайн үгс бурят, халмиг хэлнүүдэд байгаа нь монгол угсаатны нэн эрт үед эртний турк хэлнүүдээс зээлдсэн үгс болно гэж тайлбарласан байна [4, с. 21]. Дашрамд хэлэхэд, ийм үгсийг нэг нь нөгөөгөөсөө зээлдсэн гэдэг нь учир дутагдалтай бөгөөд тэдгээрийг үгсийн сангийн түгээмэл, нийтлэг үгсээр тооцох хэрэгтэй гэсэн саналтай эрдэмтэд ч бас байгаа юм. Тэгэхлээр «Шинжлэх ухаан, техникийн маш их хурдацтай өнөө үед нэр томьёонуудыг нэг мөр болгон журамлах үеэр нэр томьёо болох үгсийн уг гарал, зориулалтыг мэдэх нь нэн чухал. Үгсийн уг гарал, бүтэх аргыг мэдсэнээр бид түүний утгын тайлбарыг, зохиомол, тусгай зориулалтын үг бүтээх чадамжийг анзаарах болно» [1, с. 86]. Энэ бол тухайн хэлнүүд дэх нэр томьёоны үүргээр хэрэглэгдэж байгаа ижил төстэй үгсийн жагсаалтыг гаргахтай холбогдох асуудал бөгөөд бид өгүүлэлийнхээ хэмжээнд захирагаад казах, халх-монгол хэлнүүдэд гадаад нэр томьёог өөрийн болгож «нутагшуулахад» ямар зарчим баримталж ирснийг авч үзнэ.

Гадаад нэр томьёог орчуулах зарчим дээр арга барил, техник нь сууриладаг бөгөөд эх хэлнийхээ боломжтой бүх нөөцийг ашиглан түүний онцлог дээр тулгуурлан хэвшсэн тусгай зориулалтын үгс тухайн хэлний үгсийн санг арвижуулах бас нэгэн эх сурвалж болох нь маргаангүй. Гэхдээ орчуулагчийн ур чадвар, тухайн үеийн улс төрөөс эрхэмлэх хэлний бодлого г.м. гадаад дотоод хүчин зүйлээс болоод эх хэлнийхээ унаган төрхийг алдагдуулахад хүргэх явдал бас үүсдгийг үгүйсгэж үл болно. Казах хэл шинжлэлийн түүхэнд «Нэр томьёог бүтээлчээр зохиох бус харь хэлнүүдээс бэлэн байдлаар хүлээж авах зуршил бий боллоо. Түүний улмаас нэр томьёоны 70–80 хувийг орос хэлнээс ямар ч өөрчлөлтгүй орж ирсэн зээлдмэл (калька) үгс эзэлнэ» [5, с. 176] гэж акад. Ш. Курманбайулы тэмдэглэжээ. Ер нь казах хэлний түүхэн нэр томьёог орчуулах, боловсруулах, зохиох зарчмыг 1910–1920-иод оны үеийн (А. Байтурсынулы, Е. Омарулы, Х. Досмухамедулы, К. Кемеңгерулы, Н.Төрекулулы, Н. Каратышканулы), 1930-аад оны үеийн (К. Жубанов), 1990-ээд оны үеийн (Э. Кайдар) гэж онцлог бүхий 3 үед хувааж болох

бөгөөд анхны үеийн эрдэмтэд гадаад нэр томъёог эх хэлнийхээ зүй тогтол, онцлогтой харгалзан түүнтэй нийцүүлэн хэрэглэх хэрэгтэй гэсэн байр суурьтай байжээ. Эдгээр эрдэмтэд үзэл нэгтнүүдийн хамт улс төрийн хэргээр хэлмэгдэж, тэд нарын бүтээсэн, хэвлүүлсэн ном зохиолыг тараах, хэрэглэх хорио 1930-аад үеэс тавигдсан байна. Түүнээс хойш казах хэл шинжлэлд өмнөх үеийнхээ (А.Байгурсулулы тэргүүтэй буюу улс төрийн хэргээр хэлмэгдсэн казахын анхны эрдэмтэн судлаачид) нэр томъёо зохиогчдыг шүүмжлээд, оросоос, түүгээр дамжин европ хэлнүүдээс авч байгаа «тусгай үүрэгтэй» үгсийг аль болох орос хэлний эхтэй тулган, бараг өөрчилөхгүйгээр хэвшүүлэхийг зорьсон К. Жубановын боловсруулсан нэр томъёоны зарчмыг мөрдөх болсон байна. Ийм учраас казах хэлний авиазүйн тогтолцоонд байхгүй ф, ц, ч, щ, в, ю, я г. м. үгсийг нэмж оруулсан буюу ист, изм (дагварууд); ре, син, анти, контр г.м. угтварудыг казах үгстэй хамжуулан хэрэглэх болсон. Монгол хэлний нэр томъёочдын ур чадварын, баримталсан зарчимын, эх хэлнийхээ унаган төрхийг хадгалах эрмэлзлэлийн үр дүнд казах, монгол хэлнүүдэд байхгүй гадаад хэлнүүдийн угтваруудыг ч «өөрийн болгож» чадсан байна. Үүнийг Ц. Пюрбеев «Терминоэлементы» — наречные частицы и послелоги» [3, с. 103–105] гэж нэрлэсэн буюу казах хэлэнд ийм үгс бас байгаа ч түүнийг эвлүүлэн орчуулах боломжгүй гэсэн санал казах хэлшинжээчдийн санаанд бэхжисэн нь харамсалтай. Энэ нь нэг талаас монгол судлаачид 1928 онд байгуулагдсан Улсын нэр томъёоны комиссоос (УНТК) гадаад хэлнээс нэр томъёог орчуулж, онооход баримтлах зарчмыг боловсруулан баталсантай; нөгөө талаас акад. Ц. Дамдинсүрэн (1957) харь хэлний нэр томъёог аль болох орчуулан хэрэглэх, хэрвээ тийм нөхцөл үгүй бол хэвээр нь үлдээх, гэхдээ анхандаа олон нийт ойлгохгүй учраас орчуулаад, бүх нийтэд ойлгомжтой болмогц гадаад үгсийг хэрэглэх нь зүйтэй гэсэн 3 зарчим буюу УНТК бэлтгэсэн зарчимууд даруй мөрдөгдөж эхэлсэнтэй холбоотой гэж үзэж байна. Яагаад гэвэл казах хэлний нэр томъёоны дийлэнх нь бас угтвар, дагаврыг хүртэл бэлэн байдлаар хуулбарлан хэрэглэх болсон нь акад. В. В. Виноградовын «ЗХУ-ын үндэстнүүдийн үгийн бүтцийг хөгжүүлэхэд орос хэлний үүрэг» (1959) гэсэн илтгэл тавигдсан нилээд ээдрээтэй үеэс шууд шалтгаална. Энэ үед Т. А. Бертагаев, Ю. Д. Дешериев, Н. А. Баскаков нарын турк-монгол судлаачид ч орос хэл дээр үндэслэсэн зөвлөлтийн бүх хэлнүүдэд түгээмэл нэр томъёо төлөвшүүлэх асуудлыг дэмжиж, улс төрийн зүгээс тус хэлнүүдийн нэр томъёоны ялгааг ялимгүй болгох зарчим (принцип минимальных расхождений) боловсруулах зорилго тавигдсан [5, с. 176]. Үүний улмаас казах хэлшинжлэлийн нэр томъёог цэгцлэх асуудал 1930-аад оноос хойш коммунист намын бодлогыг хэрэгжүүлэх уриан дор явагдаж, өнгөрсөн зууны 90-иэд оныг хүртэл үргэлжилсэн билээ. Энэ хугацаанд намын баримталсан хэлний бодлого, үзэл суртал болон орос хэлний бага үндэстнүүдийн хэлийг давамгайлах эрмэлзлэлийн уршигаас болж бусад хэлнүүд хүлээн авагч (хүлцэн шингээгч), идэвхгүй хэлний тоонд орж, улмаар төрөлх хэлнийхээ нөөцийг шавхан ашиглах боломжгүй болсон байна. Харин монгол нэр томъёоны орчуулга судлалын түүхийг сөхөн үзэхэд Ц. Дамдинсүрэн авгайн дараа Чой. Лувсанжав (1986), Р. Гүрбазар (1996) нарын нэр томъёочид, орчуулагчдын анхаарвал зохих зарчимуудыг дэвшүүлсэн нь тус хэлний тэр үеийн «манлайлагч» хэлнээс хамаагүй ангит хөгжиж байсныг харуулна. Зөвхөн зарчим бус Э. Вандуй (1959), Б. Содном (1972), Ж. Төмөрцэрэн (1974), Д. Дашдаваа (1977), Ч. Догсүрэн (1988), О. Адъяа (1999) нарын хэлшинжээчид нэр томъёо оноож, тогтоох арга боловсруулж байсан байна

[2, с. 195–197]. Өөрөөр хэлбэл, монгол нэр томъёочид энэ удаан хугацаанд гадаад үгсийг орчуулах хэд хэдэн зарчмыг боловсруулсан буюу ихэнхдээ зарчимаа бус арга барил, техникээ өөрчилсэн нь уг хэлний нэр томъёогоо цэцгилэх асуудал дээр идэвхтэй байр суурьтай байсныг илтгэж байна. Харин казах хэлзүйчдийн зүгээс энэ удаан хугацаанд ердөө л дээр дурьдсан 3 үеийн төлөөлөгчдийн: 1) төрөлх хэлнийхээ нөөцийг шавхан хэрэглэж, унаган төрхийг хадаглах эрмэлзлэлтэй (1920–30); 2) орос хэлнээс шүүлтүүргүй шингээгч байр суурьтай 1930–1990); 3) хэлнийхээ (1990-ээд оноос хойш) дотоод нөөцийг ашиглан түүний уянгалиг мөн чанарыг хадгалахыг эрмэлзсэн 3 зарчим дэвшүүлэгдсэн буюу хэрэгжсэн байна. Орчин цагийн казах хэлний нэр томъёоны асуудлыг шийдэх талаар А.Байтурсынулы авгайн зарчим дээр онцгой анхаарлаа тавьсан А. Кайдар, Ш. Курманбайулы нарын эрдэмтэд тус хэлний нэр томъёоны салбарыг хөгжүүлэх замыг боловсронгуй болгох, нэр томъёо зохиох болон хэвшүүлэх зарчимуудыг сайжруулах, хэлний дотоод нөөцийг улам их цар хүрээтэй ашиглах, үүний тулд төрөл болон хэв маягаараа төсөөтэй хэлнүүдийн туршлагыг харгалзан үзэх нь зүйтэй гэсэн байр сууринаас хандаж байна. Ингээд казах, монгол хэлнүүдийн нэр томъёо зохиох зарчимуудыг харьцуулан толилуульж байна.

Хүснэгт

Казах, монгол хэлнүүдийн гадаад нэр томъёо зээлдэх зарчимууд

№	«Казахын эрдэм шинжилгээний ажилтнуудын анхдугаар их хурал» (Хичээлийн нэр томъёо, илтгэгч Е.Омарулы, 1924 оны 6 сар, Оренбург) ¹	Монгол Улсын нэр томъёоны комисс (Түмэн бодис, хумхийн тоос, дэлхийн байдал, 1924оны 2 сарын 28)
1	Хичээлийн (сургалтын — А. Н.) нэр томъёонуудыг казах хэлнээс авах хэрэгтэй, тийм боломж үгүй байвал харь хэлний нөлөөнөөс ангид бусад турк хэлнүүдээс хайх	Монгол хэлэнд орчуулж болох аваас монгол үгээр орчуулан бичсүгэй
2	Европын аль хэдий хэвшсэн бүх нийтийн шинжтэй үгсийг казах хэлний онцлогт тохируулах ба европ болон казах хэлнүүдийг зэрэгцүүлэн бичих	Тогтсон монгол нэр байхгүй, орчуулах боломжгүй бөгөөд монгол хэлний үндсэнээс шинэ нэр зохиож болох ахул тийнхүү монгол шинэ нэрээр нэрлэх
3	Өөр хэлнээс авсан хичээлийн үгсийг казах хэлний дүрмийн дагуу өөрчлөх	Орчуулах, монгол нэр өгөх боломжгүй бол анх гарсан нэрээр нь нэрлэх
4	Хичээлийн үгсийг шалган шүүх ерөнхий комисс ажиллуулах; ...эхлээд салбарын мэргэжилтнүүд шалгах, дараа нь олон нийтийн сонин хэвлэлд хэлэцүүлж, олон нийтээр шүүлгэсний дараа комиссын гишүүд хэлэлцээд батлах	Түмэн бодис, чулуу, ургамал, амьтан гурван аймаг ба физик, химийн ангид монгол хэлэнд тохирох үггүй бол турк, манж, унгар зэрэг хэлэнд хэрэглэж буй нэрээс монгол хэлэнд илүү тохирох, илүү нийцтэйг нь сонгон авах
5	Казах хэлний үгсийг цагаан толгойн дэс дараагаар эрэмбэлж, толь бичиг зохиох	... монголын төрлийн хэлэнд гүйцэх нэр байхгүй буюу байвч тохирохгүй ахул тэр

¹ Илтгэлийн эхийг бид утгачлан орчуулсан болно.

		номны утга, чанарыг илэрхийлж чадахаар монгол нэр зориуд өгөх
6		Газар, уул талын нэрийг нутгийн ард түмний өгсөн, арай илүү тарж алдаршсан нэрээр нэрлэх, нэр хадмал толь бичиг, шинжлэх ухааны зургуудад европын нэрийг нэг зэрэг хэрэглэх

Казах монгол хэлнүүдийн гадаад нэр томъёог өөрийн хэл дээр «нутагшуулах» тухай зарчимууд цаг хугацааны ч гэсэн, хөндөгдөж буй асуудлуудаара ч төсөөтэй гэдэг нь илэрхий байна: 1) юуны түрүүнд сургалтанд хэрэгтэй нэр томъёог батлахын чухал болгосон; 2) хэлнийхээ дотоод нөөцийг шавхан хэрэглэхийг зорьсон; 3) харь хэлний нэр томъёог эх хэлнийхээ хууль дүрмийн дагуу бичихийг зөв гэж үзсэн; 4) гадаадын нэр томъёог эх хэл дээр оноох боломжгүй бол бусад төрөл хэлнүүдээс эрэн хайх буюу авч хэрэглэхийг зөвөлдсөн; 5) гадаад нэр томъёог орчуулах, монгол нэр өгөх боломжгүй нөхцөлд л анхны нэрийлтийг хадгалахыг тохиролцсон; 6) шинээр орчуулагдсан нэр томъёоны учир зүйг олон нийтэд хүртээлтэй болгохын тулд хадаж толиулах хэрэгтэй гэж үзсэн. Гэхдээ казах хэлзүйчид гадаад нэр томъёог бичих, бүртгэх, комиссор батлуулах зэрэгт илүү анхаарлаа хандуулсан бол монголын Судар бичгийн хүрээлэнгийн комисс нэр томъёог эх хэл дээрээ орчуулах асуудлыг чухалчилсан байна; мөн газарзүйн нэрийг тэр хэвээр нь үлдээх зарчмыг баримталсан нь талархалтай байна.

Казах хэлшинжлэлийн түүхэнд үндэсний нэр томъёо зохиоход анхдагч бөгөөд асар их нөлөө үзүүлсэн эрдэмтэн бол Ахмет Байтурсынулы юм. Тэрбээр 1926 онд Баку хотноо болсон «Бүх зөвлөлтийн турк судлаачдын анхдугаар их хуралд» тавьсан илтгэлээрээ турк хэлнүүдэд түгээмэл зарчмыг хэлэлцүүлсэн байна. Казах хэлний бичиг үсгийг латын бичгээр солихыг эрмэлзэж байгаа өнөөгийн Казахстан улсын хэлний бодлого эрхлэгчид буюу судлаач эрдэмтэд А. Байтурсынулы дэвшүүлж байсан зарчимуудыг хэрэгжүүлэх нь зүйтэй гэдэгт санал нийлээд байна. А. Байтурсынулы үндсэн 4 зарчим дэвшүүлсэн бөгөөд түүний 2 зарчим нь олон улсын нэр томъёог авч болно, гэхдээ тэдгээрийг казах хэлний зүй есоор өөрчлөх хэрэгтэй; дуудлагаараа казах хэлний дүр төрхөнд харшлах үгсийг казах хэлний дуудлагын аясаар дуудах хэрэгтэй шк, 190-192/ гэж үзсэн байна. Харамсалтай нь А. Байтурсынулы тэргүүтэй анхны эрдэмтэд улс төрийн хэргээр хилсдэж, тэд нарын бүтээл, зохиолууд хоригдсноос хойш коммунист намын зүгээс тулгасан дүрэм журмыг дагаж, казах хэлний дийлэнх нэр томъёо нь төрөлх хэлний ямар ч төрхийг тусгаагүй орос буюу түүгээр дамжин орж ирсэн бусад хэлний нэр томъёоны «хоригдол» болсон байна. Үүнийг бодоход монгол хэлний нэр томъёочид эх хэлнийхээ дүр төрхийг хадгалахыг эрмэлзэж, хэлнийхээ дотоод нөөцийг маш сайн ашиглаж чадсан байна бөгөөд зөвлөлт улсуудын И. Мещанинов, Г. Сердюченко нарын «зохиомол ялгааг арилгах» зорилготой «Орос хэлний мөн олон улсын нэр томъёонууд орос хэлний дүрмээр бичигдэнэ» гэсэн зарчимаар мөрдөгдөөгүй нь монгол хэлнийхээ унаган төрхийг хадгалагдах нөхцлийг бүрдүүлсэн байна. Тухайлбал, гэтэл казах хэлэнд байхгүй гипер-, супер-, ультра- и архи- г.м. угтвартай үгсийг ч үгээр солих боломжгүйд тооцож тэр чигээр нь авч хэрэглэж ирсэн нь учир дутагдалтайг хүлээн зөвшөөрөх хэрэгтэй. Энэ бол монгол хэлэнд үүнийг туслах үгсээр орлуулан орчуулсан нь казах эрдэмтдийн талаас талархал хүлээж байна [5, с. 16].

Өнөөгийн цахим ертөнцийн үед, даяаршилын үед харь хэлний нэр томъёог бэлэн буюу хагас бэлнээр авч хэвшсэн казах, монгол мэт хэлнүүдэд маш их хурдацтай нэвтэрч байгаа гадаад нэр томъёог цэгцлэх, журамлах асуудал чухал болоод байна. Эрдэмтэн Б. Калиулы олон улсын нэр томъёог өөрийн болгож боловсруулах нь газар нутаг, бүсийн асуудалтай холбоотой гэж үзээд 5 бүс аймагт хуваасан байна. Бид ч гэсэн энэ саналыг дэмжиж байгаа бөгөөд үүн дээр төрөл хэлнүүдийн гадаад нэр томъёог орчуулах, онооход монгол, казах хэлнүүд тэргүүлсэн бүх монгол, турк болон алтайн хэлнүүдийг нэр томъёоны аймгийн нэг бүсэд нэгтгэж, өөр хоорондоо туршлага солилцох, тус хэлнүүдэд түгээмэл зарчим боловсруулах, гадаад нэр томъёо хэвшүүлэх арга техникийг боловсронгуй болгох, энэ асуудалтай холбогдох эрдэм шинжилгээг олон улсын хамтарсан төслийн хэмжээнд гүйцэтгэх нь зүйтэй гэж үзэж байна.

Номзүй

1. Айтбайұлы Ө. Основы казахской терминологии. Алматы: Абзал-Ай, 2014. 384 с. + 16 стр. цветная вклейка. Текст: непосредственный.
2. Мөнхцэцэг Н. Нэр томъёоны орчуулга судлал. Улаанбаатар, 2020. 425 хуудас.
3. Пюрбеев Г. Ц. Современная монгольская терминология (лексико-семантические процессы и деривация). Москва: Наука, 1984. 122 с. Текст: непосредственный.
4. Рассадин В. И. Тюрко-монгольские термины по верблюдоводству в халха-монгольском языке // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Часть I. Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2015. С. 19–21. Текст: непосредственный.
5. Құрманбайұлы Ш. Қазақ терминологиясы: зерттеулер, оқулық, сөздік, библиография. Алматы: «Сардар», 2014. 928+16 бет.

COMPARATIVE STUDY OF THE PRINCIPLES OF TRANSLATION OF TERMS IN THE KAZAKH AND MONGOLIAN LANGUAGES

© **Abdikarim Nurzia**

Candidate of Philology,
Leading Researcher,
Office of terminology, NAO "National Scientific and Practical Center "Til-Kazyna" named after Sh. Shayakhmetov"
Kazakhstan, Astana
nursana@yandex.ru

© **Tokenkyzy Gulnaz**

Candidate of Philology,
Leading Researcher,
Spelling Office, NAO "National Scientific and Practical Center "Til-Kazyna" named after Sh. Shayakhmetov"
Kazakhstan, Astana
adon70@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of mastering foreign terms in the Kazakh and Khalkha-Mongolian languages. In the modern era of globalization, any nation seeks to preserve its identity, culture and language in their natural state. For this, the agenda is the issue of studying and learning from the historical development of related languages to determine

future goals. One of these problems is that the principles of accepting foreign terms are not defined in Kazakh linguistics, which are one of the most controversial and unresolved issues. In order to find an answer to this question, it is of theoretical and practical importance to compare not only the Turkic-speaking people, but also the experience of the Mongolian language, which belongs to the group of Altaic languages. Because peoples with a similar historical fate and languages with a very close structure also had a similar process of development foreign terms. To do this, the authors compare and study the stages and principles of mastering foreign terms in the Kazakh-Mongolian languages since the 20s of the last century. In fact, although the first positions of these languages in terms of foreign language terms are similar, at present 70-80 percent of the terms of the Kazakh language are terms that have entered from a foreign language through the Russian language in finished form. In comparison with Kazakh, the principles of accepting foreign terms of the Khalkha-Mongolian language were quickly systematized and began to be implemented in a short time. Therefore, there is a tradition of "absorbing other people's terms into one's own soil." The authors assure that the study and study of this experience of the Khalkha-Mongolian language will contribute to the development of foreign terms and the natural development of the Kazakh language.

Keywords: Kazakh language; Khalkha-Mongolian language; foreign language terms; terminological principles; development; of foreign language terms; natural state of the language; language policy; terminological commission.

АРЕАЛЫ ТОПОНИМОВ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

© Бахшыева Тунзала Лятиф кызы

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
национальная Академия наук Азербайджана,
Институт языкознания им. Насими, отдел топонимии
Азербайджан, г. Баку
tunzale-111@mail.ru

Аннотация. В последние годы появились новые направления в области топонимических исследований. Одно из таких направлений включает в себя изучение ареальных топонимов. Исторически сложилось много параллельных топонимов тюркского происхождения в местах проживания тюрков. В формировании топонимов тюркского происхождения участвовали тюркские языки, входившие в разные группы в разные периоды. При изучении топонимов определение их ареалов и фонетических характеристик является одним из важных вопросов. Каждая из ареальных топонимических единиц отражает языковые особенности периода, в котором она была создана. Исследования показывают, что иногда один и тот же топоним встречается в разных вариантах в разных местностях. Это было связано с тем, что тюркские племена расселились на большой территории, смешались между собой, но сейчас говорят на языках с единым происхождением. К ареальным топонимам относятся древнетюркские слова и элементы, считающиеся архаичными для современных тюркских языков. Многие из них были созданы в период до нашей эры. Часть ареальных топонимов сохранилась на территориях, в настоящее время заселенных тюркоязычными народами. Исследование ареальных топонимических единиц, образованных от архаичных слов тюркского происхождения, дает ценный материал с точки зрения изучения исторической лексики тюркских народов. В результате определения параллелей географических названий можно более корректно дать их объяснение.

Ключевые слова: топоним, ареал, этноним, семантика, язык, древнетюркские слова.

В топонимах территорий, населенных тюркскими народами, наблюдается явление замещения гласных. Например, Elmalı (Кипр), Almalık, (Азербайджан) для звукового соответствия е~а, Гузелюрт (Кипр), Гозелджедаг (Азербайджан) для звукового соответствия ü~ö Цукуроба (Турция), Узек Цокур (Татарстан) u~o для замены звука: Эки тебе (Кабардино-Балкария), Икинджи Каранлы (Азербайджан) для звуковой совместимости i~e, Кючюккой (Кипр), Кючюкюкдаг (Азербайджан), Кычык Сорү (Горный Алтай) для совместимости звуков ü~i~ı, Инджирли (Кипр), Анджирлидаг (Азербайджан) для звуко сочетания э~i, Бойюконук (Кипр), Гонагкэнд (Azərbaycan) для звукового соответствия u~a, Копчак (Молдова), Кипчак (Азербайджан) для звукового соответствия i~o, Карасу (Азербайджан), Корасув (Узбекистан) для звукового соответствия i~o, Бешпармак (Кипр), Бешбармак (Азербайджан) для звуковой совместимости p~b, Музбел (Казахстан), Бузлуг (Азербайджан) для звуковой совместимости m~b и др.

Этнотопонимы тесно связаны с историей народа, а названия племен и племен тюркского происхождения нашли отражение в турецкой ареальной топонимии.

Изучение параллелей этнотопонимов азербайджанского происхождения в других регионах имеет важное значение с точки зрения выявления племен и этносов, участвовавших в этногенезе тюркоязычных народов и формировании их языков. Племя гараман, принявшее участие в генезе тюркских народов, оставило свой след в топонимии территорий Кипра и Азербайджана: Караман (Кипр), Гараман, Гараманлы, Ашагы Гараманлы, Юхары Гараманлы (Азербайджан). Топонимы, связанные с названием племени гараман/караман, распространены на обширной территории. Встречаются топонимы Караман, Караманлы в Турции, Караман в Крыму, Караман в Узбекистане, Караман тау в Казахстане, Караман в Туркмении. Параллельно этнотопонимы встречаются на территориях Кипра и Азербайджана в названии тюркского племени, например, Туркели (Кипр), Туркоба (Азербайджан).

В параллельных топонимах на территории Кипра и Азербайджана встречается название племени Чакир: Чапырлар (Кипр), Чахирли (Азербайджан). В «Огуз-наме» упоминается название племени Чакур, а в эпосе «Китаби- Деде Горгуд» Гарачекур упоминается как имя собственное. «Четверо молодых людей носили никаб в Огузе. Один из них Гантурал, один из Карачекура и его сын Кырхгунуг и Бейрак из Бозайгира. Левым крылом племени сельджуков были чакир».

На территории Азербайджана название туркменского племени встречается в параллельных топонимах. На Кипре есть села с названием Тюркменкёй, а в Азербайджане — Тюркмен. Туркмены пришли в Иран, Азербайджан и Малую Азию в составе сельджуков. Туркмены, сыгравшие важную роль в политической жизни Азербайджана, отделились от Аггоюнли, вошли в состав Гильзбашского племенного союза и участвовали в создании Сефевидского государства.

По нашему мнению, ойконимы Сабунчи в Азербайджане, Сабанче в Татарстане образовались на основе этнонима сабанчы/сабанчу.

Слово сабан, в значении «плуг», «соха» использовался в древних тюркских языках. Думаем, что омоним сформировался в результате развития земледелия.

Есть предположение, что слово «балта», как этноним участвовал в основе параллельных топонимов как на территории Азербайджана, так и на территории Татарстана, например: Балталы, Балтадереси, Балталы дюзю, Балтацай в Азербайджане, Балтач, Балтачы в Татарстане.

Есть также предположение, что слово «балта» было антропонимом и топонимы с основой «балта» антропонимичны. Если детально анализировать такие топонимы, как: Болта Чекрак (Крым), Балтабай, Балталы, Балтакол, (Казахстан), Балтагазы, Кара Балта (Киргизия), Балта (в Одесской области Украины), Майлы балта (Узбекистан), Кызыл Балта (Горный Алтай), Балта, Балталы Балтачы (Турция), Даш Балта, Балтачы (Иран) и другие с учетом распространения их ареала, то предположение о том, что слово изначально было этнонимом, выглядит более логично и мы в свою очередь придерживаемся этой точки зрения.

Относительно названий некоторых географических местностей, параллельно встречающихся на обеих территориях, мы считаем, что они связаны с именем Булгар, известного нам как название древнего тюркского племени, например: гидроним Болгарчай в Азербайджане, ороним Булгар в Турции, ойконим Болгар в Татарстане. По мнению историков, болгары участвовали в формировании этногенеза азербайджанского народа.

Анализ топонимов *казан* и *газан* на территории Азербайджана и на территории Татарстана показал, что в их формировании также участвовал этноним *казан/газан*: *Казанчи, Казанлы, Казандаг*.

Существует пласт параллельных топонимов, образованных на основе слов, обозначающих цвет. Большинство данных топонимов помимо цвета указывают и на размер, высоту, цвет скал, качество воды, наличие или отсутствие растительности и т. д.

На территории Кипра и Азербайджана в основе топонимов встречаются слова, обозначающие цвет: белый цвет (Акчичек, Аксу — Кипр, Агдаш, Агдам — Азербайджан), красный цвет (Кырмызи Бурун — Кипр, Кырмызасаккал, Кырмызычай — Азербайджан), серый цвет (Боздаг — Кипр, Боздаг — Азербайджан) и др.

Особое место среди параллельных географических названий занимают топонимы с числовыми компонентами. Тюркоязычные народы больше всего внимания уделяли числам *один, три, семь, девять и сорок*. Данные числительные являются общетюркскими и имеют аналогии в других тюркских языках с некоторыми фонетическими изменениями.

В параллельных топонимах встречается *два* (Икидера — Кипр, Икинджи Дарешам — Азербайджан, *три* (Учшегитлер, Учзейтунлер — Кипр, Учтепе, Учгёль — Азербайджан), *четыре* (Дортйол — Кипр, Дортхолма — Азербайджан), *пять* (Бешевлер — Кипр, Бешбармак, Бешгёль — Азербайджан) и т. д.

В качестве основ некоторых параллельных топонимов выступают зоонимы. XIX веке в Казахском уезде Елизаветпольской губернии Азербайджана существовало село Чоратан. В Татарстане наблюдается гидроним Чортанлы йелга. Чортан в значении рыбы щуки зафиксировано во многих современных тюркских языках.

Слово буга в значении олень часто встречается в составе некоторых топонимов. В Азербайджане в данной позиции встречается и топонимы с основой марал.

Одними из интересных топонимов, привлёкших наше внимание, были топонимы с основой «сай» в своем древнетюркском значении «чистая вода, питьевая вода» [1, с. 23], «мелководье в русле воды, образованное вследствие занесение водой песчинок, сухое речное ложе покрытое гравием и мелкими камешками» [2, т. III, с. 219]. В Азербайджане существуют оронимы, гидронимы, ойконимы Су-сай, Катты-сай, Саук-булак (Сибир) Урсай (Татарстан).

В топонимии тюркских народов характерным является участие в словообразовании слов, обозначающих рельеф. Некоторые из этих лексических единиц, общие для тюркских языков и сейчас активны в современных тюркских языках и диалектах, а некоторые устарели и находятся в пассивном фонде. Со словом чухур/чокур в Азербайджане связаны топонимы Чухурюрд, Чухуроба, Чухурмахла, а в Татарстане Узек Чокур и другие топонимы. «Чокур» означает вырытую яму или образовавшееся в земле углубление или расположенную ниже окружающей местности и не имеющую стоков впадину.

В значении «отвесная скала, овраг» слово «яр» встречается в таких топонимах, как: Бененяр, Агяр, Джардам, Джар, Чартепе. Отметим, что чередованию звуков ч/й/ характерно для тюркских языков. Кроме того, в топонимии нашей страны встречаются топонимы с основой «чал». Например: Чалдаг, Чалдаш и другие. Отметим, что «чал» значит сивый, седой, беловатый.

Органы человека также выступают в качестве основы для топонимов, например: баш (голова), гаш (бровь), гез (глаза), богаз (горло), боюн (шея), дабан

(пятка), агыз (рот), бел (талия). Данные топонимы можно назвать анатомическими географическими терминами. В топонимии Азербайджана и в тюркской топонимии часто встречаются топонимы с компонентом баш: Башлыбел, Башкенд, Башдам (Азербайджан), Карабаш, Югары Арбаш, Тубен Арбаш (Татарстан), Башкой (Турция). На разных территориях, заселенных тюркскими народами, встречаются топонимы, связанные с минералом «зей». Например: гидронимы Зейем, Зейдере, Зейликчай, ойконим Зейлик (Азербайджан), Заинск (город Зей) Степной Зай (Татарстан, приток Камы). Слово йол/йул (дорога) также является одним из активных компонентов в топонимии как Азербайджана, так и других тюркских регионов. Например, в Турции Акуол, Азербайджане Ёлагадж, Ёлпай, Ёлкулу, Ёлусти, Ёл оджаг, Ёлайрыджы, Ёлусти, в Татарстане Кызылйул и другие.

Топонимы в Азербайджане, связанные со словом «тархан», который когда-то означал титул в тюркских языках: Терханлы, Терханйолы. Этот компонент встречается и в топонимии Татарстана (Большой тарханский) в Крыму (Тюп-Тархан), Астрахань (Хаджи-Тархан) и другие.

Компонент даш/таш/тас активно выступает в тюркской топонимии. В Азербайджане даш: Дашбаш, Дашалты, Дашбулаг, Дашгала, Дашкэнд, Дашарх, Дашкесен, Акташ, Ташкирман в Татарстане и др.

Топонимы с отличительными элементами, обозначающими направление, очень характерны для местной топонимии: юкары (верхний), орта(середина). Например, в Азербайджане Юхары Аралык, Юхары Астанлы, Юхары Аурым, Орта оба, Орта лай, в Татарстане Юкары Отар, Юкары Каралез, *Юкъары* Джамы, Югары Арбаш, Урта Кирмен. Участие отличительных элементов со значением направления в топонимах характерно для тюркской топонимии. Данные элементы могут занимать как препозицию, так и постпозицию относительно топонима. Указанные элементы могут состоять как из слов одной семантической группы, так и из слов, принадлежащих разным группам. Географическое расположение, объем объекта, дата его образования, этническая принадлежность, а также принадлежность к какому-либо частному лицу являются важными уточняющими деталями тюркских топонимов.

Широкое изучение тюркских ареальных топонимов является одной из задач, стоящих перед тюркологией.

Литература

1. Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969, 676 с. Текст: непосредственный.
2. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Том III, часть 1. Санкт-Петербург, 1905. С. 1260. Текст: непосредственный.

AREAS OF TOPONYMS OF TURKIC ORIGIN IN AZERBAIJAN

© **Bakhshiyeva Tunzale Latif gizi**

Chief Researcher

National Academy of Sciences of Azerbaijan, Institute of Linguistics named after. Nasimi,

Department of Toponymy

Azerbaijan, Baku

tunzale-111@ma

Abstract. In recent years, new directions in the field of toponymic research have appeared. One direction includes the study of areal toponyms. Historically, there have been many parallel toponyms of Turkic origin in the places of residence of the Turks. The formation of toponyms of Turkic origin involved the Turkic languages, which were part of different groups in different periods. When studying toponyms, determining their areas and phonetic characteristics is one of the important issues. Each of the areal toponymic units reflects the linguistic features of the period in which it was created. Studies show that sometimes the same toponym is found in different variants both in the near and in the distant area. This was due to the fact that the Turkic tribes settled over a large territory, mixed with each other, but speak languages with a single root. The areal toponyms include ancient Turkic words and elements that are considered archaic for modern Turkic languages. Many of them were created in BC. Some of the areal toponyms have been preserved in the territories currently inhabited by Turkic-speaking peoples, and some are found only in their sources. The study of areal toponymic units formed from archaic words of Turkic origin provides valuable material from the point of view of studying the historical.

Keywords: toponym, area, ethnonym, semantics, language Toponym, area, ethnonym, semantics, language, ancient Turkic words

О СЛОВАРНЫХ СТАТЬЯХ К СЛОВУ «МАТЬ» В СЛОВАРЯХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

© Гусейнова Арзу Идрис кызы

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики,
Институт языкознания имени Насими НАН Азербайджанской Республики
Азербайджан, г. Баку
argzu.i.huseynova@gmail.com

Аннотация: Слово **cici/ciji**, употребляющееся в значении «мать, мама, бабушка» во многих диалектах Азербайджанского языка, напоминает слово **эж** в монгольских языках. Употребление вариантов слова **cici /ciji** охватывает многие районы Азербайджанской Республики и компактные районы проживания азербайджанцев в Грузии. Это слово употребляется в нескольких вариантах в различных диалектах, что было отмечено исследователями Азербайджанского языка и занесено в диалектологические словари. В данной статье приводятся примеры из толкового и диалектологических словарей Азербайджанского языка, а также примеры употребления слова 'мать' в бурятском, монгольском и калмыцком языках. Приведем пример употребления слова из «Диалектологического словаря Азербайджанского языка» — 2007 года: 1. *Sijim mənə bir bədəncə tikdi* — Мать мне сшила один архалук [Архалук — разновидность верхней женской плечевой одежды] — Уджар. Новые исследования в области родственной терминологии в тюрко-монгольских языках проливают свет на многие языковые процессы. Такие языковые соответствия в тюркских и монгольских языках не единичны, что отмечалось ученым В. И. Рассадным и другими исследователями и лингвистами.

Ключевые слова: словарная статья, диалектологические исследования, языковой вариант, этнолингвистический, языковое, наречие, тюркский, монгольский.

Диалектологические исследования в тюрко-монгольском мире востребованы и актуальны. Многие слова, зафиксированные в диалектологических словарях и употребляющиеся в современных тюркских и монгольских языках, находят свои языковые соответствия. К примеру, слово **cici/ciji** в Азербайджанском языке употребляется в значении «мать, мама, бабушка» в различных диалектах, в монгольском языке ему соответствует слово **эж**. Употребление вариантов слова **cici /ciji** охватывает многие районы Азербайджанской Республики: Агджабеди, Агдам, Агдаш, Дашкесан, Гядябйа, Геранбой, Гейчай, Имишли, Газах, Тауз, Шамкир, Уджар, Евлах, Гартар, Мингячевир, а также компактные районы проживания азербайджанцев в Грузии — Болниси, Борчалы и в других регионах. Это слово употребляется в нескольких вариантах. Приведем примеры употребления слова из «Диалектологического словаря Азербайджанского языка» — 2007 года:

1. *Sijim mənə bir bədəncə tikdi* — Мать мне сшила один архалук [Архалук — разновидность верхней женской плечевой одежды] — Уджар.

Примеры из «Нахчыванского диалектологического словаря Азербайджанского языка»: **Cici I** (Babək, Ordubad) — *nənə. Anama kətdə uşaxlı-bö:xlü hammi cici de:r* — В деревне все: малые и взрослые- мать называют **чичи** (Aşağı Buzqov). **Cicibaci I** (Kəngərli, Naxçıvan) — *oyun adı. Cicibacını qızdar oynuyur. Evcix' qururlar, yeməx' pişirillər, bir-birinə qonax gedip-də-gə:llər* — название игры. Девочки играют в чичибачи. Строят домик, готовят еду, друг к дружке в гости ходят (Naxçıvan) [3,

с. 86]. **Cici** (Üstüpi) — nənə. — Məni elə xırdalıxdan ciciyə saxlayır — Меня с младенчества бабушка вырастила — Нахчыван (Уступу).

Э. Азизов считает, что всесторонний и широкий анализ отличительных и общих особенностей какого-либо конкретного языка с близкими родственными языками возможен в результате исторического диалектологического исследования [5, с. 4]. Исследователями диалектов и наречий Азербайджанского языка также отмечаются и такие варианты употребления слова, например, **cicə** в значении ‘мать’, бабушка в Ярдымлинских наречиях. К. Гулиева также отметила разные варианты: **сесə** ‘мать’ в Дербендском диалекте Азербайджанского языка, **ciyi** в значении ‘мать’ в Шекинском диалекте, **ciçə** ‘мать’ — в Западном Азербайджане, в Нахчыване, Шаруре [7, с. 120, 121].

В Азербайджанском языке употребляется и такое слово, как **ciji-baji** в значении ‘подруга’. Оно зафиксировано в диалектологических словарях и в «Толковом словаре Азербайджанского языка»: **Cici-Baci** is.dan. Bir-birinə çox yaxın olan rəfiqələr haqqında. *Bu qızlar lap cici-bacıdırlar.* ***Cici** — **bacı olmaq** — bir birilə çox yaxın olmaq, ana-bacı kimi olmaq. В «Толковом словаре Азербайджанского языка» приведен и фразеологизм ***Cici** — **bacı olmaq** — Быть неразлучными, близкими подругами [1, с. 416].

В монгольских языках учеными также отмечаются особенности употребления слова ‘мать’. Так, Г. Ц. Пюрбеев, анализируя термины родства и семейных отношений в памятнике монгольского права XVIII в. «Халха Джирум», отмечает, что в значении ‘мать’ используется слово *eke* (XIV, 20–276). С такой же первичной семантикой употребляется слово *ezi* (IV, 8–153) эджи ‘мать, мама’ [10, с. 122]. В тюркских языках также употребляются варианты слова: каз. — эже, в туркм. — еже. А. А. Бурькин, рассматривая систему терминов родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах, отмечает, что у якутов *эджий* — старшая сестра, *балыс* — младшая. По В. Л. Серошевскому младшая сестра жены именуется *кюребалыс* [31, с. 543] [9, с. 242]. Кстати, золовка в Азербайджанском языке именуется *балдыз*.

В. И. Рассадин отмечал, что «особенно много таких соответствий в области животноводческой лексики, военной, бытовой, среди названий флоры и фауны, ландшафта, металлов и веществ, родственной терминологии и т.п. Очень много также сходных прилагательных и глаголов» [11, с. 62]. Далее В. И. Рассадин, С. М. Трофимова, касаясь происхождения общей лексики, ставят вопрос: «является ли она действительно исконной тюрко-монгольской, наследницей тюрко-монгольского праязыка, или это результат иноязычного влияния, например, тюркского происхождения в разные периоды истории монгольских племен в процессе контактирования монгольского этноса с тюркским и начавшегося еще в доисторическую эпоху на уровне монгольского и тюркского праязыков» [12, с. 134]. М. М. Содномпилова приводит языковые факты употребления терминов родства в среде забайкальских бурят: бабушку называют *хугиэн эжи* [Басаева, с. 44–45] [13, с. 101]. У хоринских бурят бабушка называется на бурятском языке *нагаса эжи* [13, с. 102].

Душевные лирические песни о маме существуют у всех народов. У бурятского народа песня о маме называется «Эжидээ», у калмыцкого народа песня о маме называется «Ээджин дун», у монголов песни о матери носят названия «Алсад су-

угаа ээж минь», «Монгол ээж». Кстати, песня «Ээжийн дун» — одна из лирических старинных песен о матери на бурятском, монгольском, калмыцком, сонгольском языках, песня воина-кочевника, вспоминающего в походе свою мать. Ведь задушевные мысли о матери дают силу воину выдержать все жизненные невзгоды.

Таким образом, рассмотрение приведенных параллельных употреблений названий матери в данной статье у монгольских и тюркских народов **ээж, ээжин, хугшэн эжи** / каз. **эже**, туркм. **еже**, азерб. **cici/ciji** дает нам возможность сослаться на слова великого ученого В. И. Рассадина: «Возможно, подобные соответствия являются наследием гипотетического тюрко-монгольского общего языка-предка. Но может и так случиться, что при выработке более современной методики этимологического анализа, а также при выявлении более архаичных письменных памятников по тюркским и монгольским языкам удастся уточнить происхождение таких слов. Но это дело будущего. Пока же можно лишь констатировать общность этих слов» [11, с. 62]. И в подтверждение пророческих слов В. И. Рассадина в Азербайджанской Республике вышел в печати в 2022 году «Карабахский и Восточно-Зангезурский диалектологический атлас», посвященный «Году Шуши» [4, с. 1]. Атлас был подготовлен сотрудниками Диалектологического отделения Института Языкознания имени Насими НАН Азербайджанской Республики. Кстати, «Атлас» является для ученых языковедов необходимым научным пособием при выявлении происхождения слов.

Итак, этнолингвистический анализ диалектов и наречий приведет к новым языковым открытиям в тюрко-монгольском мире.

Литература

1. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti dörd cildə. I cild (A-D). Bakı, “Şərq-Qərb”. 2006. S.744.
2. Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti (A-Z), Bakı, “Şərq-Qərb”. 2007. 568 s.
3. Azərbaycan dilinin Naxçıvan dialektoloji lüğəti (A-Z), Bakı, “Elm və təhsil”. 2017. 302 s.
4. Azərbaycan dilinin Qarabağ və Şərqi Zəngəzur dialektoloji atlası, AMEA Nəsimi adına Dilçilik İnstitutu. “Elm və təhsil”. Bakı, 2022. 358 s.
5. Əzizov E. Azərbaycan dilinin tarixi dialektologiyası: Dialekt sisteminin təşəkkülü və inkişafı. Dərs vəsaiti. 2-ci nəşri. Bakı: “Elm və təhsil” nəşriyyatı. 2016. 351 s.
6. Quliyev Ə., Əliyeva N. Naxçıvan dialekt və şivələrin lüğəti, Naxçıvan. 2017. 298 s.
7. Quliyeva K. Azərbaycan dili dialekt və şivələrində qohumluq münasibətləri bildirən sözlərin leksik-semantik xüsusiyyətləri. Elm və təhsil. Bakı, 2022. 138 s.
8. Басаева К. Д. Семья и брак у бурят: вторая половина XIX в. — начало XX в. Новосибирск: Наука. 1980. 223 с. Текст: непосредственный.
9. Бурькин А. А. Система терминов родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах / Алгебра родства. Вып. 5. Санкт-Петербург, 2000. С. 213–242. Текст: непосредственный.
10. Пюрбеев Г. Ц. Термины родства и семейно-родственных отношений в памятнике монгольского права XVIII в. «Халха Джирум» // Вестник Калмыцкого инс. гум. исследований РАН. 2013. № 3. С. 121–123. Текст: непосредственный.
11. Рассадин В. И. О характере монгольско-казахских лексических параллелей // Гуманитарный вектор. 2008. № 4. С. 61–63. Текст: непосредственный.
12. Рассадин В. И. Трофимова С. М. Тюрко-монгольские параллели среди терминов родства и свойства в монгольских языках. Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 133–137. Текст: непосредственный.

13. Содномпилова М. М. «Река начинается с родника, а родство — с дяди по матери»: группа нагасанар в монгольском социуме // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 8. С. 100–109. Текст: непосредственный.

ABOUT DICTIONARY ENTRIES FOR THE WORD ‘MOTHER’ IN THE DICTIONARIES OF THE AZERBAIJANI AND MONGOLIAN LANGUAGES

© **Huseynova Arzu Idris**

PhD in Philology

Senior Research Fellow, Department of Applied Linguistics

Institute of Linguistics named after Nasimi NAS of Azerbaijan Republic

Baku, Azerbaijan

arzu.i.huseynova@gmail.com

Abstract. The word *cici/ciji*, used in the meaning of "mother, mother, grandmother" in many dialects of the Azerbaijani language, resembles the word *eezh* in the Mongolian languages. The use of variants of the word *cici / ciji* covers many regions of the Republic of Azerbaijan and compact areas of residence of Azerbaijanis in Georgia. This word is used in several variants in various dialects, which was noted by the researchers of the Azerbaijani language and entered into dialectological dictionaries. This article provides examples from the explanatory and dialectological dictionaries of the Azerbaijani language, as well as examples of the use of the word 'mother' in the Buryat, Mongolian and Kalmyk languages. Here is an example of the use of a word from the "Dialectological Dictionary of the Azerbaijani Language" — 2007: 1. *Cijim mənə bir bədəncə tikdi* — Mother sewed one *arkhaluk* for me [*Arkhaluk* is a type of upper women's shoulder clothing] -Ujar. New studies in the field of related terminology in the Turkic-Mongolian languages shed light on many language processes. Such linguistic correspondences in the Turkic and Mongolian languages are not isolated, which was noted by the scientist V. I. Rassadin and other researchers and linguists.

Keywords: dictionary entry, dialectological studies, language variant, ethnolinguistic, linguistic, dialect, Turkic, Mongolian.

УДК. 811.512.

**АНТРОПОНИМЫ В ЛЕГЕНДЕ О МАНДУХАЙ СЭЦЭН-ХАТУН
И В РОМАНЕ Ш. НАЦАГДОРЖА «МАНДХАЙ ХАТАН»:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

© **Дашибалова Дарима Владимировна**

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов,
ФГБУН ИМБТ СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
dardash3@gmail.com

© **Галданова Ариуна**

старший преподаватель,
кафедра филологии Центральной Азии,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
ariuna_gald@mail.ru

Аннотация. В статье дается анализ антропонимической лексики в текстах «Легенды о Мандухай Сэцэн-хатун», включенной в состав монгольских летописей XVII–XVIII вв., и исторического романа Ш. Нацагдоржа «Мандхай хатан». Выявлено, что имена персонажей «Легенды» являются двухсоставными и трехсоставными. Большая часть их сгруппирована по формальным признакам, на основании наличия в составе имени устойчивой части, или «форманта». Двухсоставные антропонимы романа образованы при помощи дефиниционного способа, также рассмотрены антропоформанты, образующие личные имена от основ существительных. Предварительный анализ антропонимов в сравнительном аспекте выявил различия в статистическом отношении (15 единиц в тексте «Легенды», около 80-ти в романе), в силу чего расширены возможности для привлечения формантного, корреляционного способа образования антропонимов. Изучение фольклорных, литературных и исторических антропонимов представляется ценным и важным для последующего всестороннего анализа данных языковых единиц, а также определения их роли в формировании и развитии духовности и национальной идентичности.

Ключевые слова: антропонимы, монгольские летописи, историческая легенда, исторический роман, Мандухай Сэцэн-хатун, Ш. Нацагдорж, двухкомпонентная модель, формантный способ.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии») № 121031000263-3.

Имена собственные как значимый эстетический компонент в системе художественно-изобразительных средств, характеризующих стилевые особенности отдельного жанра или индивидуальный почерк писателя, способны решить литературоведческие проблемы. Однако без лингвистического анализа антропонимической лексики, построения моделей ее функционирования невозможно полноценное «погружение» в текст художественного произведения.

Антропонимический мир является частью «внутреннего мира художественного произведения, знаки которого служат для образного отражения действительности и соединяются друг с другом в некоей определенной системе, живут в своем художественном времени и пространстве» [6, с. 38–39]. Всестороннее исследование антропонимических единиц позволят также определению их роли в формировании менталитета и духовной культуры этноса.

«Легенда о Мандухай Сэцэн-хатун» входит состав монгольских летописей XVII в. «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна, «Алтан тобчи» Лубсан Данзана, анонимных «Хураангуй Алтан тобчи» и «Шар тууж»; «Болор эрихэ» Рашипунцага (XVII в.) и др. По тематическому облику и специфической прозапоэтической структуре она сходна с так называемыми «микророманами» из «Сокровенного сказания монголов».

Повеествование о Мандухай Сэцэн-хатун является отражением устоявшейся летописной традиции монголов соединять описания реальных исторических событий со сказочными сюжетами, сопровождать их мудрыми изречениями, историческими легендами, образцами эпического фольклора.

Из шестнадцатой главы «Алтан тобчи» Лубсан Данзана, которая называется «Даян-хан и его потомки», следует, что Мандухай хатун была вдовой Мандугул-хана, самостоятельно возглавляла монгольское воинство и бесстрашно сражалась с четырьмя тумэнами ойратов. В ту пору ей было немногим более 20 лет. После смерти Мандугул-хана престол должен был унаследовать старший сын Баян-Мунке, но и он был убит. Его сын Бату-Мунке (будущий Даян-хан) остался круглым сиротой, он был отдан на воспитание Мандухай. Ради укрепления государства Мандухай-хатун возвела семилетнего Бату-Мунке на ханский престол и стала его женой.

Между тем, на руку Мандухай-хатун претендовал хасарский Унэболд/ Ноёнболд («Буду огонь твой зажигать, буду кочевьем твоим управлять»), очевидно, и она любила его, но отказала с такими словами: «Разве ты, потомок Хасара, хочешь проглотить удел моего хагана? Разве мы хотим проглотить твой удел? Не смогу поднять двери [в твоей ставке], не смогу перешагнуть порог [в твоей ставке]. До тех пор, пока существует потомок моего хагана, я к тебе не пойду!» [2, с. 278]. Затем она попросила совета у алагчугутского Сатай Дугуланга и Дзаган Аха. Дзаган Аха сказал:

«Если пойдешь за потомка Хасара,
Поведешь себя по плохому пути,
Лишишься всего своего народа,
Потеряешь [почетное] имя «хатун».
Если пойдешь за потомка хагана,
Под защитой Неба-владыки ты будешь,
Править станешь всем своим народом,
Прославишь [почетное] имя «хатун».
Если пойдешь за ребенка,
Поведешь ты себя по светлому пути,
Править станешь тумэнами чахаров
И безмерно прославишь имя свое!» [Там же].

После этого Мандухай-хатун дала клятву: «Чтобы не погасить очаг Монголии, я выращу сироту и стану его женой». С твердыми намерениями она направилась на моление к Восьми Белым священным юртам, чтобы испросить разрешение и получить благословление у Эши-хатун (т.е. Бөртэ үжин):

«Как невестка, поклоняюсь в том месте, где не различишь масти вороного коня.
Назвала я [мужем] потомка твоего хагана,
Потомок же дяди Хасара сказал: «Возьму тебя в жены!» —
Вот и пришла я к чертогу из яшмы.
Как невестка, поклоняюсь в том месте, где не различишь масти пегого коня;
Потомок, твой правнук, еще малолетен,
Потомок же дальнего дяди сказал: «Возьму тебя в жены!»
Устрашившись, жизнь свою отвергаю —
Вот и пришла я к твоему золотому чертогу.
Устрашившись, пала я духом своим,
Стыдливое лицо мое смущено.
Легки стали твои широкие и высокие двери,
Узок стал твой высокий, великий порог.
Если одобришь эти мои слова,
Эши-хатун, моя матушка,
Пусть на внутреннюю полу мою
Родятся семь сыновей!
Пусть на внешнюю полу мою
Родится единственная дочь!
Если пожелает по просьбе моей семерых сыновей,
Каждому из семи дам тогда я имя «Болд» [2, с. 280].

Согласно легенде, Мандухай-хатун, действительно, родила семь сыновей и всем дала двойное имя: близнецы Төрболд, Улсболд, близнецы Арсболд, Барсболд, близнецы Очирболд, Алчболд и Ариболд.

Практически все зарегистрированные нами имена персонажей «Легенды о Мандухай Сэцэн-хатун» являются двухсоставными и трехсоставными. Большая часть их может быть сгруппирована по формальным признакам, например, на основании наличия в составе имени какой-либо устойчивой части, или «форманта».

Приведем имена, имеющие в качестве одной из составных частей титул (I), название родовой принадлежности (II), название металла (III), физические характеристики (IV), прозвище (V), социальная принадлежность (VI), эпитеты (VII).

Двухсоставные имена с формантом *титул*: **хаан** — «хан»: Мандуул-хан, Даян-хан¹, **хатун** — титул супруги хана: Мандухай-хатун, Эши-хатун², **джинон** (jīnong) — княжеский титул, ближайший родственник хана: Баянмөнх жонон; с формантом *физическая характеристика*: **их хамарт** Юнгин — «большеносая» Юнгин; с формантом *название металла*: **болд** — «сталь»: Төрболд, Улсболд, Арсболд, Барсболд, Очирболд, Алчболд, Ариболд.

¹ Б. З. Базарова вслед за летописцами Гомбоджабом и Рашипунцугом и американским ученым Г. Серрейсом считает, что титул «Даян» восходит к китайскому да-юань, от которого пошла семантическая филиация даян ~ даяар 'всеобщий, повсеместный' [1, с. 236].

² Под именем Эши-хатун подразумевается Борте-уджин, супруга Чингис-хана [3, с. 174].

Трехсоставные имена с формантами *эпитет + титул*: **сайн** — «хороший, добрый», **хатун** — титул супруги хана: Мандухай Сайн хатун — Хорошая, добрая Мандухай-хатун; **цэцэн** — «мудрый», **хатун** — титул супруги хана: Мандухай Цэцэн хатун — Мудрая Мандухай-хатун; с формантами *родовая принадлежность + название металла*: **Хорчины** Үнэболд — хорчинский Үнэболд, компонент **болд** — сталь; с формантами *родовая принадлежность + физическая характеристика*: **Алагчугудын** Сатай **доголанг** — алагчугудский хромой Сатай, компонент **доголон(г)** — хромой, хромоногий; с формантами *титул + социальная принадлежность*: **Өрлөгийн** Жаган **ах** — **өрлөг** — титул ближайших сподвижников Чингис-хана, **ах** — старейшина рода — орлугский Джаган ах.

Образ Мандухай Сэцэн-хатун вдохновил известного монгольского ученого-историка, писателя, академика Шагдаржавын Нацагдоржа на создание большого эпического полотна — романа «Мандхай Цэцэн» («Мудрая Мандухай»). Изданный в 1981 году, он снискал особую популярность у монгольских читателей. Сюжет романа послужил основой одноименного многосерийного фильма. В романе отражен тот важный и интересный период истории монголов, когда они, обескровленные междоусобными войнами, пытались вновь добиться объединения, восстановить политическое единство страны.

Блестящий ученый, высокопрофессиональный специалист в области монгольской истории и культуры, Ш. Нацагдорж широко использовал в своем романе летописные версии о Мандухай-хатун, творчески осмыслил изображенный в них образ легендарной героини, и на этой основе написал интересное и значительное произведение. Каждая строка романа пронизана мыслью, формирующей главное идейное содержание: только единое и монолитное государство способно решить будущее народа. Образ Мандухай — художественное воплощение этой идеи, образ, ставший несомненной удачей и для самого автора, и для монгольского исторического романа в целом. Ш. Нацагдоржу удалось воссоздать облик живой человеческой личности, не статичную фигуру, а непрерывно меняющийся, растущий и крепкий характер.

Исторический роман — не занимательное повествование, а самостоятельное художественное произведение, поэтому важно, чтобы в нем жили и действовали живые люди, а не «манекены» своих исторических прототипов. Автор романа «Мудрая Мандхай» сумел избежать в своем произведении перенаселенности действующими лицами, каждое из них узнаваемо внешне и по характеру. Не менее интересно, чем образ главной героини, выписаны и мужские образы Мандул-хана, Унуболда, Батмунха и Мянхая.

Если в «Легенде о Мандухай Сэцэн-хатун» фигурирует около пятнадцати персонажей, то в романе Ш. Нацагдоржа, по предварительным подсчетам, свыше восьмидесяти.

В тексте романа представлены антропонимы, состоящие из нескольких компонентов. Большая часть образована при помощи дефиниционного способа. К составным антропонимам относятся в основном двухкомпонентные онимы исконно монгольского происхождения: Алтансүх [4, с. 359] «золотой+топор», Алтаншагай [4, с. 259] «золотой+игральная кость», Аригбөх [4, с. 223] «чистый+прочный, крепкий», Батмөнх [4, с. 108] «крепкий, прочный+вечный», Баянмөнх [4, с. 23] «богатый+вечный», Жаалхүү [4, с. 95] «маленький+мальчик; сын», Нарангэрэл [4, с. 66] «солнце+свет», Өнөболд [4, с. 24] «давно, долго+сталь», Тогоонтөмөр [4,

с. 104] «котел+железо», Тогтохбух [4, с. 23] «устанавливаться+бык», Төрболд [4, с. 252] «власть+сталь», Улсболд [4, с. 252] «государство+сталь», Хонгорзул [4, с. 9] «милый+лампадка», Чинбат [4, с. 78] «твердый, непоколебимый+крепкий, прочный», Чинбаатар [4, с. 152] «твердый, непоколебимый+богатырь, герой».

В романе Ш. Нацагдоржа «Мандхай цэцэн» зафиксированы слова-маркеры, имеющие место только в антропонимиконе данного произведения: Авдархман худалдаач «торговец», Баянмөнх жонон «соправитель хана», Ажаа тайж «тайджи, князь», Арагтай тайш «тайши (феодално-чиновничий титул)», Баасан тавнан «зять князя», Бажиг хиа «телохранитель» и др.

Вслед за Е. В. Сундуевой [5, с. 70] мы рассматриваем антропоформанты, образующие личные имена от основ существительных, образных слов, прилагательных, реже числительных и глаголов.

Приведем несколько примеров образования антропонимов от именных основ:

1) аффикс –аа: Хадаа [4, с. 17] от хад(ан) «кислица; смородина высочайшая». Посредством данного аффикса образуются производные формы существующих имен или так называемые дериваты, которые используются при обращении к денотату в неофициальной обстановке, в кругу знакомых, друзей, близких и родных. В тексте романа Ш. Нацагдоржа «Мандхай цэцэн» функционируют дериваты Мандаа (обращение Бажиг эмгэн к главной героине Мандхай), Бажаа (полное имя Бажиг);

2) аффикс — бай: Цоросбай [4, с. 9;] от цорос «название одного из ойратских родов, к которому принадлежали ойратские князья».

3) аффикс — гчин: Борогчин [4, с. 10], морфологический показатель женского рода (обычно самок животных).

4) аффикс — дай, -дэй: Баядай (хуурч), Баядай (управляющий Нисмана) [4, с. 20, 97] от баян «богатый», Баядай [4, с. 240], Билгүүдэй [4, с. 24] от билгийн «вещий; прозорливый, проницательный», Урианхайдай [4, с. 67] от этнонима урианхай «урянской», Цагаадай [4, с. 187] от цагаан «белый». В антропонимическом пространстве романа аффикс — дай является одним из наиболее продуктивных.

И в романе Ш. Нацагдоржа и в «Легенде о Мандухай Сэцэн-хатун» зафиксирован аппозитивный (два существительных) тип при сопровождении личных имен персонажей словами-маркерами со значением пола, социального статуса, возраста, рода деятельности, титула и родства. В романе самыми частотными являются маркеры хаан «хан», хатан «ханша», ван «князь», түшмэл «сановник, министр», жанжин «полководец», ноён «нойон; князь», сайд «сановник».

В целом, приведенного сравнительного материала и предварительного анализа антропонимической лексики в «Легенде о Мандухай Сэцэн-хатун» и в произведении Ш. Нацагдоржа, на наш взгляд, достаточно для того, чтобы составить общее представление о принципах образования и функционирования данных языковых единиц.

Литература

1. Базарова Б. З. Монгольские летописи — памятники культуры. Москва: Academia, 2006. 368 с. Текст: непосредственный.

2. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной. Москва: Наука, 1973. 440 с. Текст: непосредственный.

3. Лувсанданзан. Алтан товч. Улаанбаатар, 1990. 192 х. Текст: непосредственный

4. Нацагдорж Ш. Мандхай хатан. Улаанбаатар: Монгол улсын хэвлэл, 1981. 336 х.
5. Сундуева Е. В. Проприальное словообразование в современном монгольском языке: монография. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2005. 132 с. Текст: непосредственный.
6. Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. 103 с. Текст: непосредственный.

**ANTHROPONIMS IN “THE LEGEND OF MANDUHAI SETSEN KHATUN”
AND IN SH. NATSAGDORJ’S NOVEL “MANDHAI KHATAN”:
COMPARATIVE ANALYSIS**

© **Darima V. Dashibalova**

Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Ulan-Ude
dardash3@gmail.com

© **Ariuna Galdanova**

Senior Lecturer
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
ariuna_gald@mail.ru

Abstract. The article provides an analysis of anthroponymic vocabulary in the texts of “The Legend of Manduhai Setsen-Khatun”, included in the Mongolian chronicles of the 17th -18th centuries, and the historical novel “Mandhai Khatan” by Sh. Natsagdorj. It was revealed that the names of the characters in “Legends” are two-part and three-part. Most of them are grouped according to formal characteristics, based on the presence of a stable part, or “formant,” in the name. The two-part anthroponyms of the novel are formed using the definitional method; anthropoformants that form personal names from the stems of nouns are also considered. A preliminary analysis of anthroponyms in a comparative aspect revealed differences in statistical terms (15 units in the text of “Legends”, about 80 in the novel), due to which the possibilities for using the formant, correlational method of forming anthroponyms have been expanded. The study of folklore, literary and historical anthroponyms seems valuable and important for the subsequent comprehensive analysis of these linguistic units, as well as determining their role in the formation and development of spirituality and national identity.

Keywords. Anthroponyms, Mongolian chronicles, historical legend, historical novel, Manduhai Setsen-khatun, Sh. Natsagdorj, two-component model, formant method/

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ ХОРИ-БУРЯТ

© Жамсаранова Раиса Гандыбаловна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры китайского языка,
ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
Россия, г. Чита
rebeca_zab@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения свода исторической антропонимии хори-бурят на материале ревизских описей 1830–1831 гг., извлеченных из документов Государственного архива Забайкальского края. Стратификация свода личных имен хори-бурят 14 родов подтвердила наличие до-тибет-монгольских имен как самого внушительного пласта исторической антропонимии. Выявилось достаточно большое количество имен, значения которых объяснимы из самодийских, кетского и тюркских языков Сибири. Самым внушительным слоем антропонимов в до-тибет-монгольской страте явился эвеноязычный субстрат. Данные результаты являются косвенным подтверждением тезиса В. И. Рассадина о тех аборигенных языках, которых повлияли на становление бурятской фонологии в историческом ракурсе. Антропонимическая лексика, объясняемая из апеллятивной лексики с учетом номинативных принципов ономастики, способна подтвердить ключевые выводы известных монголоведов. Таким образом, изученное состояние исторической антропонимии хори-бурят позволяет «говорить» не только о сложении народности из разноэтничных компонентов племен Сибири, но и определить фонологические трансформации в морфоструктуре антропонима в монголоязычной языковой среде. Исследованная историческая антропонимия хори-бурят дает основание определить перспективность изучения, степень взаимовлияния структурно неродственных языков на примере исторической лексики (антропонимов), в том числе.

Ключевые слова: ревизские описи; хори-буряты; роды; историческая антропонимия; стратиграфия; разноэтничные элементы.

Данная статья посвящена описанию предварительных результатов по изучению свода исторической антропонимии всех 14 родов хори-бурят, выписанного из ревизских описей 1830–1831 гг. [Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 284, оп. 1, дело 50. Именной список кочевых братских народцев Цаганского рода 1831 г. июля 7 дня Иркутской губернии Верхнеудинского округа ведомства Хоринской степной думы. 359 л.]. В рамках трехлетнего грантового проекта РФФИ исследовательскому коллективу удалось создать Словарь исторической антропонимии хори-бурят [1], который представляет собой не только верифицированный продукт авторских научных гипотез по описанию наличия кетоязычного, самоедоязычного, тюркоязычного языковых субстратов в ономастике Восточного Забайкалья, но и выдвинутых ранее известными монголоведами тезиса о необходимости тщательного изучения бурятского языка в контексте межъязыковых и межэтнических контактов [2, с. 129].

Научно-поисковая и научно-исследовательская работа проводилась в несколько этапов. Поисково-исследовательская работа с архивными фондами на предмет выписки исторических личных имен хори-бурят из общего числа (14 родов с учетом их деления на роды Зунь- и Барунь) велась в течение двух первых

лет — 2020–2021 годы. Эти аутентичные тексты — ревизские описи инородцев-бурят, представлены в виде Приложений в научных изданиях по всем 14 родам [3, с. 98–156]. Помимо «зеркального» повторения текста архивного документа (ревизской описи рода) издания предусматривают написание авторских текстов, посвященных лингвистическому описанию антропонимических пластов имен бурят данного рода, стратифицированных по этноязыковой принадлежности — до-тибет-монгольские, санскрит-тибетские, бурят-монгольские и русские имена крещеных бурят, переведенных в сословие крестьян [4, с. 117–120].

В качестве иллюстративного материала аутентичного текста приведем отрывок из архивного документа (табл. 1).

Таблица 1

Исторический именной хор-бурят Цаганского рода, выписанный из ревизской описи Государственного Архива Забайкальского края (далее — ГАЗК) 1831 года, представлен в виде таблицы имен одной семьи, переписанной в ревизской описи под номером 247¹ [ГАЗК: Лл. 349-349 об.]

номер	Имена и прозвания	по переписи 1823 л*та	по переписи 1831 года		пояснение
			ниже 18 и выше 50 лет	от 18 до 50 лет, т. е. способных к работам и промыслам	
247	Балдан Гундыгенов	52	-	-	в 1827 году помер
	Намжил Балданов	31	-	39	
	сын Намцарай	-	7	-	новорожденной
	Биликту Балданов	29	-	37	
	сыновья Быцый	-	6	-	новорожденной
	Сондуй	-	2	-	новорожденной
	Былгы Балданов	15	-	23	
	Бойсон Балданов	36	-	44	
	сыновья Улан	6	14	-	
	Даши	-	6	-	новорожденной
	Данцухан	-	2	-	новорожденной
	Ирдыни Балданов	32	-	40	
	сын Иркыту	-	6	-	новорожденной

Ранее мы уже описывали именной состав данного документа [5, с. 50–53], где основной состав антропонимии данной семьи санскрит-тибетского происхождения. И только имена как Быцый, Былгы, Бойсон, Улан и Данцухан не являются тибет-монгольскими. Значение, а значит и языковое происхождение имен типа Быцый, мы связали с тофаларским апеллятивом бос [босы] ‘кряква’ (вид утки)

¹ Оригинальность стиля документа сохранена.

[см.: 6, с. 26]. Имя Бойсон с тофаларским баьса, паьса ‘снова, опять; еще, еще раз’ [см.: 6, с. 21] как отпрозвищные имена собственные. Сын Балдана по имени Бойсон — это четвертый сын, что позволяет по значению имени определить родительское «отношение» к новорожденному. В сойотско-бурятско-русском словаре лексема даһый нар, дахин, дахижа, дахяад ‘еще, снова, опять; ср. баьса’ [7, с. 39]. Приемных детей, особенно тех, кто «пришел» вместе с матерью, называют пренебрежительным дахуул (ухибуун) — *букв.* «пришедший вслед за матерью». По поводу лексического значения имени Бойсон возможно предположить и «участие» апеллятива боо [боосы] ‘ружье’ [см.: 6, с. 25] как прозвищного имени с охранной семантикой, типичного для «языческих» имен [см.: 8, с. 241–246].

Однако в словарной статье мы придерживаемся следующего объяснения: БОЙ-СОН. БОСОН. Значение имен, на наш взгляд, сопряжено с сойотской лексемой бузаа [бузаасы] ‘новорожденный теленок (крупных домашних и диких копытных животных)’. Также в словарной статье приводим лексико-семантические параллели — шорского пыза ‘теленка (до года)’; тувинского бызаа ‘теленка’ (до года); бузаа *диал.* ‘теленка’ (*тодж.*); ‘лосенок’ [1, с. 50].

Имя Данцухан также представляет собой отпрозвищное имя, сопоставляемое с сойотским данса [дансасы] ‘ганза / курительная трубка’ [см.: 6, с. 39], не исключая и другой лексемы дыңзыг ‘крепкий, тугой (туго натянутый)’, которая уже относит данное имя к именам с пожелательной семантикой. Также не исключено объяснить значение имени от тувинского дун ‘первый (о ребенке)’ [9]. К этому ряду примыкают личные имена ДЫНЫКОВЪ. ДЫНКІЙ. ДЫНЖУ. ДЫНЧИНТУ. ДАНСУЕВЪ. ДАНЦУ. ДАНЦУХАН. ДАНУНОВЪ. ДАНСОЛУНЪ. ДАНСОРЪ. ДАНКИТЪ. ДАНХА. ДАНХАЙ. ДАНГУЕВЪ. ДАНХАЙ. ДАНГАЕВЪ. ДАНГАНЪ. ДАНГИНЪ. ДОНИ. ДОНАЕВЪ. ДОНОВЕВ. ДОНИЕВЪ. ДОНГОРЪ. ДОНДОГОВЕВЪ. ДОНДОВЕВЪ. ДОНЛУ. ДОНОВЕВЪ. ДОНОЙ. ДОНБОНЪ. ДОНОНЪ. ДОНЖУГПЕВЪ. [1, с. 69, 71]. Любопытно отметить типологическое сходство тувинского апеллятивного дун ‘первый (о ребенке)’ с нганасанским динтэ [-диндэ]; диндү; -жу] 1) ‘лук (оружие)’; 2) *перен.* ‘мальчик’ [10]. Благопожелательный характер имени может явиться рефлексом на бывшее билингвальное состояние автотонного населения исторической Даурии на каком-то этапе межъязыковых контактов как следствие условного «перехода» самоедоязычных насельников на какие-то тюркские «наречия», а впоследствии на монгольские.

Такие имена, как Былгы, полагаем, возможно пояснить из лексики селькупского языка, где палгай *прил.* ‘единственный’ [11]. Также не исключены и другие версии: от хакасского пулгах ‘полный, толстый; здоровяк’ [12], например. К тому же, в якутском языке имеется лексема биһһээ ‘размножаться, плодиться’ [13], что позволяет предполагать о наличии некогда отглагольного существительного, значение которого связано с понятием «новорожденный». Во всяком случае, семный анализ значений данных лексем, и самодийской, и тюркских языков дает основание полагать о гипотетическом наличии апеллятива, объединяющего в своем семном поле и такие значения как «единственный (ребенок)», «полный, здоровый» как дополнительные значения понятия «новорожденный». Отметим, что в ревизской описи записаны следующие имена Балга Башилиевъ [ГАЗК, с. 337 об.] и «Адуши Занданова сын Былгы» [ГАЗК, с. 345], что позволяет полагать об относительной частотности этого имени в историческом именнике бурят и тунгусов Урульгинской степной думы.

Личное имя Улан Цаганского рода как и имена УЛАГАНОВЪ > УЛАГАНЪ. УЛАГАН. УЛАГИЕВЪ, возможно связать с телеутской лексемой уулчак ‘мальчик, подросток’; телеутского ууланак ‘молоденький’, в основе которых лежит исходное уул ‘парень’ [14]. Причем, такие личные имена как УЛАДИЙ. УЛАМА. УЛАМАЕВЪ. УЛАНАКЪ. УЛАНАШИ. УЛАНЪ. УЛАНОВЪ. УЛАХАЕВЪ. УЛАХАРОВЪ. УЛАШИ [1, с. 223], как инварианты имени с антропоосновой ула- в условиях агглютинативной природы бурятского языка «приобрели» аффиксальные окончания, хотя основа объяснима именно от телеутского ууланак ‘молоденький’. Факультативные «значения», которые возникают как результат вторичности переосмысления имени на какой-то иной языковой основе могут быть пояснены как, например от тофаларского улуғ-аң [улуғ-аңы] ‘лось’[6], а также от дагурского улээр ‘лошадь сиво-пёстрой масти’[15] (имена типа УЛАХАРОВЪ). Попутно отметим наличие в долганском языке атрибутивного улакан 1) ‘большой’, которое также возможно привести в качестве доказательства такого, к примеру, имени как УЛАГАНОВЪ или УЛАГАНЪ.

Это представляет собой пример уже второй антропомодели, когда значение личных имен может быть сопряжено с благопожелательной семантикой ряда т.н. отпрозвищных имен, объясняемых от апеллятивов, номинирующих оленей, оленят, жеребцов, коней, а также диких животных, известных своей физической силой, выносливостью. Таким образом условный номинант того времени старался «присвоить» новорожденному качества и физические характеристики тех животных, включая и диких, которые олицетворяли собой природную силу и мощь, необходимые мальчику. Позже, уже в сознании носителя бурятского языка «возникают» ложно-этимологические значения, когда УЛАЗАНОВЪ. УЛАЛЗАЕВ [1, с. 223] пытаются объяснить от бурятского улалзай ‘распустившаяся саранка’, что представляет собой яркий пример межъязыковой омонимии. И, как правило, подобного рода имена являются инвариантами исходного именования мальчика в тюркских языках как первой антропомодели — самой объективной в антропонимике. Тогда как антропомодель «олень», возможно, является вторичной вследствие утраты архаичного (или устаревшего) слова из апеллятивной базы многих языков Сибири, которые в прошлом являлись бесписьменными.

Бесценен вклад академика В. И. Рассадина в дело научного исследования тюрко-монгольских языковых контактов [16]. Наши антропонимические материалы способны проиллюстрировать многие тезисы ученого об актуальности межъязыковых связей: «...почти полное отсутствие работ по истории бурятского языка и его взаимоотношений с языками соседних народов (якутов, хакасов, алтайцев, тувинцев, тофаларов, эвенков и др.) создает известные трудности при разрешении проблемы этногенеза бурят, которая до сих пор окончательно не разрешена» [2, с. 129].

Академик В. И. Рассадин создал фундаментальные труды по истории фонологии бурятского языка (1982), по тюрко-монгольским языковым контактам (2007), словари сойотского и тофаларского языков (2003; 2005), что представляет собой тот академический фундамент как для монголоведения, так и тюркологии в целом. Мы внесли определенный вклад на ономастическом поле, исследовав массив личных имен, документально зафиксированных, обнаруживающий частный этап сложения бурятской народности.

Так, такие личные имена как БАЖИ > БАЖИЕВЪ. БАЖУЕВЪ, конечно, сопоставимы с тувинским бызаа ‘теленок (до года)’; бузаа *диал.* ‘теленок (*тодж.*); лосенок’. Распространена забайкальская фамилия БОЗИН(А) или БУЗИН(А), в основе которых, вероятно, лежит тувинский апеллятив именованья теленка. А вот такие имена как БАЖИГИ > БАЖИГИЕВЪ. БАЖИГИДАЕВЪ. БАЖОНО. БАЖИМИД. БАЖУ могут иметь разноязыкие объяснения: 1. От энец. базегу(сь) ‘расти’. 2. От хак. пазаним *кач.* ‘первый ребёнок’. 3. От тоф. бышыг ‘крепкий, прочный’. 4. От сойот. бышыг *прил.* ‘крепкий, прочный, закаленный’. При этом в Словаре имена БАЖОГУ КУРИЛДЕЙ. БАЖУГИЕВЪ мы даем как производные от энецкого базегу(сь) ‘расти’ [см.: 17]. Такие имена как БАЗАЙ > БАЗАЕВЪ, можно отнести и к энецким (от энец. базегу(сь) ‘расти’), так и к сойотскому бузаа [бузаасы] ‘новорожденный теленок (крупных домашних и диких копытных животных)’, лексически сопоставимое с шорским пыза ‘теленок (до года)’, тувинским бызаа ‘теленок (до года)’; бузаа *диал.* ‘теленок (*тодж.*); лосенок’. В тофаларском «осталась» лексема баьштаанай [баьштаанаэ] ‘оленок, родившийся раньше срока массового отела’ [см.: 6], которое, вероятно, имеет типологическое родство с именованьем теленка до года шорского, тувинского, сойотского языков.

Личные имена сойотского языкового происхождения — это такие имена как ХОВАРАКЪ ЛАМА ЖИШИ. ЖИШИ. ЖИЧИПОВЪ, значение которых связано с сойотским апеллятивом чаш~чаш *прил.* ‘новорожденный (ребенок, детеныш)’ или же от тофаларского чеш ‘1. новорожденный, грудной (о ребенке)’. Личное единичное имя ЗАЗИ [1, с. 223] объяснимо как от сойотского чаш~чаш *прил.* ‘новорожденный (ребенок, детеныш)’, так и от тофаларского чеш ‘1. новорожденный, грудной (о ребенке)’. К тому же в тофаларском чууча [чуучасы] также означает ‘дитя, малыш’ [6].

Ряд следующих личных имен ЗАЛПЕВЪ. ЗАЛА. ЗАЛАНЪ. ЗАЛБА. ЗАЛБУГИЕВЪ могут быть объяснены только от сойотского чалыы *прил.* ‘молодой, юный’ [7], что коррелирует в лексико-семантическом отношении с бурятским залуу ‘молодой, юный’. Мы не можем исключить и того, что в основе как сойотской, так и бурятской лексемы может «лежать» исходное именование новорожденного, поэтому «напрашивается» сравнение с селькупским апеллятивом ияля /тур./суц. ‘ребеночек’ [11]. Протетические явления в морфологии личных имен оказались довольно частотными, что демонстрирует как наличие былого билингвизма автохтонного населения, так и условный период «перехода» с одного языка на другой, в орбиту которого оказались «втянутыми» и имена собственные людей.

В частотном отношении весь свод имен при распределении стратиграфических пластов оказался неравнозначным. Так, почти около 80% всех мужских имен (следует отметить, что в ревизии 1830 года записаны только имена личные мужчин) оказались до-тибет-монгольского происхождения, тогда как тибет-монгольских имен намного меньше. Проиллюстрируем это положение следующими цифрами из анализа первых семи родов — Цаганского, Шараицкого, Батанай, Хальбин, Зунь-Хоацай, Зунь-Кубдутьского и Галзуут.

Таблица 2

Количество душ, семей и личных имен по родам

Название рода	Количество имен санскрит-тибетского происхождения	Количество имен бурят-монгольского происхождения	Всего семей // всего душ / единиц личных имен в роду
Цаганский	137 ед.	62 ед.	362 семьи / 1114 душ / ~ 1814 единиц имен
Батнай	135 ед.	33 ед.	458 семей / 1277 душ / ~ 1977 единиц имен
Барунь-Кубдуцкий	206 ед.	58 ед.	562 семьи / 1277 душ / ~ 1977 единиц имен
Зунь-Хоацай	208 ед.	62 ед.	1103 семьи / 1978 душ / ~ 2678 единиц имен
Шараицкий	203 ед.	56 ед.	582 семьи / 1672 души / ~ 2372 единицы имен
Хальбин	127 ед.	35 ед.	210 семей / 1011 душ / ~ 2372 единицы имен
Галзут	1521 ед.	136 ед.	789 семей / 2454 души / ~ 3154 единицы имен
Итого	2537 ед.	442 ед.	16 344 единицы личных мужских имен

Примерный подсчет единиц личных имен обусловлен суммой душ мужского пола + фамилии (+ ~ 700 ед.). У бурят до недавнего времени существовала двучленная система личных имен, т. е. имя эго + имя отца, поэтому примерное количество единиц мужских имен по семи из четырнадцати родов хоринских бурят включает все инварианты имен (формы имени), определенное в среднем ок. 700 единиц.

Особый интерес вызвал свод имен до-тибет-монгольского происхождения, составляющий естественное большинство. Из общего числа личных имен 7 родов хори-бурят, выписанных из ревизских описей за 1830 год, основной массив личных имен — это до-тибет-монгольские имена субстратного происхождения и составляют 15 682 единицы. Выявилось частотное наличие имен субстратного происхождения — самоедоязычного (селькупских, ненецких, нганасанских, энецких), юкагирияязычного, кетоязычного, тюркоязычного (чувашских, долганских, якутских, сойотских, тофаларских, шорских, тувинских, телеутских), дагурского, тунгусо-маньчжуроязычных (эвенского, эвенкийского, маньчжурского). Известно, что уже к ревизии 1858 года подавляющее число переписанных ясачных бурят имеют тибет-монгольские имена.

Наибольшее число личных имен хори-бурят, которые могут быть идентифицированы как имена эвенские, многие из которых явно переосмыслены в бурятском языке. Следует заметить, что в ономастике функционально значимы принципы дачи имени, имеются антропомодели в отношении значения имени. В случае отсутствия при определении антропонимического субстрата таких значений как «ребенок», «дитя» или «юноша, мальчик» значение данного имени не соответствует принципам номинации в антропонимике и является переосмысленным субстратным именем, значение которого надо искать в других языках, но не в бурятском. Поэтому именно эвеноязычные имена как до-тибет-монгольские имена личные хори-бурят всех без исключения 7 описанных родов являются ономастическим подтверждением тунгусо-маньчжурского субстрата в исторической антропонимии хори-бурят. Данные результаты согласуются с субстратной тунгусо-маньчжурской топонимией Восточного Забайкалья, где топонимические изоглоссы практически совпадают ареально с хоринскими землями, т.е. теми территориями, которые были заняты «инородцами» Хоринской и, позднее, Агинской степных дум. Данное разрешает некоторые вопросы и этногенеза хори-бурят. В этом плане бесценны роль и значение наличия и изучения семейно-родовых генеалогий как этнокультурных источников.

Литература

1. Жамсаранова Р. Г., Алтаева В. И., Бардаханова З. Д. Словарь исторической антропонимии хори-бурят: словарь / научный редактор Р. Г. Жамсаранова // Забайкальский государственный университет. Чебоксары: Изд-во Среда, 2022. 332 с. Текст: непосредственный.
2. Рассадин В. И. О тюркизмах в бурятском языке // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1969. С. 130. Текст: непосредственный.
3. Жамсаранова Р. Г. Личные имена бурят рода Барунь-Кубдуд за 1830 г. / научный редактор Р. Г. Жамсаранова, З. Д. Бардаханова, В. И. Алтаева. Чита: Читинская городская типография, 2021. 158 с. Текст: непосредственный.
4. Жамсаранова Р. Г. Личные имена бурят рода Батнай за 1830 г. / редакторы Р. Г. Жамсаранова, З. Д. Бардаханова, В. И. Алтаева. Чита: Читинская городская типография, 2021. 122 с. Текст: непосредственный.
5. Жамсаранова Р. Г. Субстратные антропонимы в историческом именнике хори-бурят // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России: Языки народов Сибири и сопредельных регионов: тезисы всероссийской научной конференции с международным участием. Новосибирск: Академиздат, 2020. С. 50–53. Текст: непосредственный.
6. Рассадин В. И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: учебное пособие для учащихся средних школ. Санкт-Петербург: Дрофа, 2005. 296 с. Текст: непосредственный.
7. Рассадин В. И. Сойотско-бурятско-русский словарь / ответственный редактор И. Д. Бураев. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. 180 с. Текст: непосредственный.
8. Малиновская С. М., Райская Л. М. Мотивационные признаки в древнеселькупском антропонимиконе // Вестник Сибири. 2012. № 5(6). С. 241–246. Текст: непосредственный.
9. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / ответственный редактор Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2002. 388 с. (Т. II: Д, Ё, И, Й.). Текст: непосредственный.
10. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский / составители Т. Ю. Жданова, Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде / ответственный редактор В. Ю. Гусев. Санкт-Петербург: Просвещение, 2001. 126 с. Текст: непосредственный.

11. Селькупско-русский диалектный словарь / под редакцией В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с. Текст: непосредственный.
12. Хакасско-русский словарь. Хакас-Орыс сөздігі. Ок. 20 000 слов / под общей редакцией О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с. Текст: непосредственный.
13. Якутско-русский словарь. Ок. 25 300 слов / под редакцией П. А. Слепцова. Москва: Советская энциклопедия; Якутский филиал Сибирского отделения АН СССР. Инст-т языка, литературы и истории. 1972. 608 с. Текст: непосредственный.
14. Телеут-оруссөзлик. Телеутско-русский словарь / составители Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева. Кемерово: АО Кемеровское кн. изд-во, 1995. 120 с. Текст: непосредственный.
15. Краткий дагурско-русский словарь / составители Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с. Текст: непосредственный.
16. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков / под редакцией Д. М. Насилова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 166 с. Текст: непосредственный.
17. Энецко-русский словарь / авторы-составители И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 488 с. Текст: непосредственный.

HISTORICAL ANTHROPNYMY OF KHORI-BURYAT

© **R. G. Zhamsaranova**

Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor at Chinese Language Chair,
Transbaikal State University
Russia, Chita
rebeca_zab@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of studying the corpus of historical anthroponymy of the Khori-Buryat on the basis of censuses of 1830–1831, extracted from the documents of the State Archive of the Trans-Baikal Territory. The stratification of the set of personal names of the Khori-Buryats of 14 genera confirmed the presence of pre-Tibetan-Mongolian names as the most impressive layer of historical anthroponymy. A fairly large number of names were revealed, the meanings of which are explainable from the Samoyedic, Ket and Turkic languages of Siberia. The most impressive layer of anthroponyms in the pre-Tibetan-Mongolian stratum was the Even language substratum. These results are an indirect confirmation of the thesis of V.I. Rassadin about those native languages that influenced the formation of Buryat phonology from a historical perspective. Anthroponymic vocabulary, explained from appellative vocabulary, taking into account the nominative principles of onomastics, is able to confirm the key conclusions of well-known Mongolian scholars. Thus, the studied state of the historical anthroponymy of the Khori-Buryats allows us to “speak” not only about the composition of the nationality from the multi-ethnic components of the tribes of Siberia, but also to determine the phonological transformations in the morphostructure of the anthroponym in the Mongolian language environment. The studied historical anthroponymy of the Khori-Buryatkins gives basis to determine the prospects for studying the degree of mutual influence of structurally unrelated languages on the example of historical vocabulary (anthroponyms).

Keywords: censuses; Khori-Buryat; kins; historical anthroponymy; stratigraphy; multi-ethnic elements.

УДК 812+ 904

ДААХИЙН БИЧЭЭС
РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ В МЕСТНОСТИ ДААХЬ

© **Загарпэрэнлэй Түмэнбаяр**

Судлаач,
Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Хэл зохиолын хүрээлэн
Монгол Улс, Улаанбаатар хот
zagaraa0904@gmail.com

© **Содномжамц Дамчаабадгар**

Судлаач,
Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Археологийн хүрээлэн
Монгол Улс, Улаанбаатар хот
sodnomjamts.num@gmail.com

Хураангуй: Бид энэхүү илтгэлдээ Өвөрхангай аймгийн Өлзийт сумын нутгаас шинээр илрүүлсэн руни бичгийн нэгэн дурсгалын уншлага, судалгааг толилуульж байна. Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Археологийн хүрээлэнгийн эрдэм шинжилгээний ажилтан Д. Содномжамц 2022 оны 8-р сард тухайн нутагт хийсэн хээрийн хайгуул судалгааны ажлын хүрээнд тус бичээсийг анх илрүүлжээ. Бичээсийг цайвар шаргал өнгийн боржин хадан цохионд, хадны өнгөн хэсгийг холцруулан цохих аргаар бичжээ. Тиймээс үсэгт тэмдэгт гүн бус ч ялгарч тод харагдах ажээ. Руни бичгийн энэхүү шинээр илэрсэн дурсгал нэг мөр, таван үсэг тэмдэгтээс бүрдэх бөгөөд бичээст шууд холбогдох нэг тамгатай. Тус бичээс үсэг тэмдэгт цөөн, хэмжээний хувьд багахан, түүхэн чухал үйл явдал тэмдэглэгдээгүй боловч эртний Түрэг, Уйгурын үеийн үсэг бичиг, үгийн сан судлалд чухал дурсгалд зүй ёсоор тооцогдож байна.

Бид энэхүү судалгаандаа бичээст гарах үгсийн утгыг тайлбарласнаас гадна Монголын руни бичгийн бусад дурсгалуудад ямар утгаар, хэрхэн тохиолдож буй давтамжийг тодруулж тухайлан өгүүлэхийг хичээлээ.

Бичээст шууд холбогдох тамга, түүний тархцын талаар товч дурдав. Тамгаар баримжаалбал, бичээсийг Уйгурын хаант улсыг байгуулалцсан Карлук аймгийн хүн бичиж үлдээсэн байх боломжтой бөгөөд он цагийн хувьд ч мөн энэ үед холбогдох бололтой.

Түлхүүр үг: Даахийн бичээс, руни бичиг, үсэг бичиг судлал, Түрэг судлал, хэл шинжлэл

Өвөрхангай аймгийн Өлзийт сумын төвөөс баруун урд зүгт 21 км зайд Өлзийт хайрхны зүүн хойд талд орших боржин чулуун тогтоцтой хадан цохио бүхий газрыг нутгийн ардууд Даахь [Зураг 3] хэмээн нэрлэдэг. Даахийн цохионы урд тал хуучин бууцны үлдэгдэл бүхий чулуун хашаатай ба зүүн урд талд орших жижиг нуурыг Даахийн нуур гэнэ. Бичээсийн оршиж буй газар нь гурван хэсэг хадан цохио бүхий бөгөөд зүүн урд талын цайвар шаргал өнгийн боржин чулуунаа уг бичээс бий [Зураг 4]. Гурван үе давхарлаж тогтсон тогтоц бүхий хадан цохионы дунд үе давхаргын тэгш гадаргууд уг бичээсийг бичсэн нь одоо ч харьцангуй тод харагдах ажээ.

Хадан цохио олон зуун жилийн нар салхи, бороо цасны ус чийгт элэгдсэн байгалийн элэгдэл, хорогдлоос гадна, чулууны насжилтаас шалтгаалж бүхэлдээ хагарсан, холцорч унасан, цаашдаа ч хагарч, цуурч холцорч унах эрсдэл өндөр байгааг онцлон тэмдэглэх нь зүйтэй болов уу.

Дурдсан хадан цохион урагш харсан тэгш гадаргуу дээр бичсэн нэг мөр, таван үсэг тэмдэгт бүхий руни бичээсийг бид “Даахийн бичээс” [Зураг 5] хэмээн нэрлэж судалгааны эргэлтэд оруулж байна.

Монголын руни бичгийн дурсгалын судалгааны тойм, холбогдох бусад ном бүтээл, эрдэм шинжилгээний тайлан, эх хэрэглэгдэхүүнүүдэд уг бичээсийн талаар тэмдэглэсэн, дурдсан зүйл хараахан үгүй учир бид шинээр илрүүлсэн бичгийн дурсгал мөн хэмээн үзлээ.

Даахийн бичээсийн үсэг тэмдэгтийн өндөр дунджаар 16 см, өргөн нь 4–6 см байх ажээ. Тус бичээсийн мөрийн эхэнд нэг тамга байх бөгөөд маш тод тодорхой дүрслэлтэй. Уг тамганы өндөр 40 см, өргөн нь 26 см.

Тамга цохиж улмаар үргэлжлүүлэн бичээс бичсэн бололтой бөгөөд тамга, бичээсийн нийт урт 60 см байна.

Боржин чулуун тогтоцтой гурван хэсэг хадан цохио бүхий хаданд ихэвчлэн хүрэл зэвсгийн үед холбогдох цөөн тооны хадны зурагтай бөгөөд бид хожмын судалгаандаа хадны зургийн талаар тухайлан өгүүлэх болно.

Хамрагдах ангилал: Монгол нутгаас олдсон руни бичгийн дурсгалуудын ангилалын тухайд эрдэмтэн Ц. Баттулга өөрийн саналыг дэвшүүлсэн байдаг. Тэрээр “*руни бичгийн дурсгалыг чухам юун дээр бичиж тэмдэглэсэнд тулгуурлан*” (Ц. Баттулга, 2020: 20), “1. Хөшөөний бичээс, 2. Хадны бичээс, 3. Чулуун дээрх бичээс, 4. Мэлхий чулуун дээрх бичээс, 5. Тахилын хавтангийн бичээс, 6. Буган чулуу дээрх бичээс, 7. Хүн чулууны бичээс, 8. Модон эдлэл дээрх бичээс, 9. Ясан эдлэл дээрх бичээс, 10. Шавар вааран эдлэл дээрх бичээс, 11. Металл эдлэл дээрх бичээс” (Ц. Баттулга, 2020: 20) хэмээн ангилсан байдаг. Энэхүү ангилал нь Монгол нутагт оршиж буй 180 гаруй руни бичээсийг бичигдсэн зүйл дээр нь тулгуурлан хийсэн хамгийн бодтой ангилал гэж үзэж байна. Энэхүү ангилалаас үзэхэд 2020 оны байдлаар Монгол нутаг дахь нийт руни бичээсийн дийлэнх нь буюу 121 бичээс нь (Ц. Баттулга, 2020: 21) хадны бичээст хамаарагдаж байжээ.

Харин бидний уншлага, судалгааг нь шинээр толилуулж буй бичээс цайвар шаргал өнгийн том ширхэгтэй боржин хадан цохионоо бичигдсэн учир тухайн ангилалын дагуу хадны бичээст хамаарагдана гэж үзэж байна. Бидний нийтлүүлж буй эл бичээсээс гадна “*Сүхбаатар аймгийн Баяндэлгэр сумын төвөөс 22 км зайтай орших Таван толгой хэмээх баруунаас зүүн тийш чиглэсэн цувраа дэл хадтай толгой...*” - ноос (Р. Мөнхтулга, 2022: 35, 36) руни бичгийн нэгэн шинэ дурсгал мөн олдсон бөгөөд тухайн бичээсийг Р. Мөнхтулга уншиж “Таван толгойн бичээс” нэртэйгээр нийтлүүлсэн байна (Р. Мөнхтулга, 2022). Нийтлүүлсэн судалгаанаас үзэхэд тухайн бичээс нь мөн хадны бичээсийн ангилалд хамрагдах бололтой. Ийм учир Монгол нутгаас олдсон хадны бичээсийн нийт тоо 123 болж байна.

Мөн эрдэмтэн Ц. Баттулга, “...*Чулууны бичээст хүн өргөж зөөж болохуйц чулуунд бичиж үлдээсэн дурсгалуудыг оруулав. Хадны бичээст багтах нэг төрөл мөн боловч нэгэнт анхны байрлалаас хөдөлгөж, хол ойр зөөсөн тул “чулууны” гэж тодорхойлж тодотгохоос өөр аргагүй. Энэ төрлийн дурсгал голдуу музейд хадгагдаж байна. Чулууг зассан, эс зассаныг үл харгалзан энэ ангилалд оруулав*” (Ц. Баттулга, 2020: 20) хэмээжээ.

Хамрагдах төрөл: Монгол нутаг дахь руни бичээсийг бичлэгийн агуулга, хэмжээгээр нь сонгодог болон бага дурсгал хэмээн ерөнхий хоёр зүйл болгон авч үздэг. Бидний судалж буй дурсгал нь руни бичгийн бага дурсгалд хамаарна. Эдгээр бага бичгийн дурсгалуудыг эрдэмтэн Ц. Баттулга, бичиж үлдээсэн арга,

бичлэгийн тиг хэлбэрт тулгуурлан *сийлмэл бичээс, цохимол бичээс, зураасан болон зурчмал бичээс, бэхэн бичээс, хөөмөл бичээс* (Ц. Баттулга, 2020: 21) хэмээн нийт дөрвөн төрөлд ангилан судалсан байна. Энэ ангилал нь одоогоор Монголын руни бичгийн дурсгалыг цогцоор нь судалж буй эрдэмтний хийсэн хамгийн бодтой ангилал юм. Даахийн бичээс нь энэхүү ангилалын “цохимол бичээс”-ийн төрөлд хамаарч байна. Өөрөөр хэлбэл, цохимол бичээсийн “үсэг тэмдэгийг бичихдээ хад, чулууны өнгөн хэсгийг холцруулж, гүнзгий бус цохиж үлдээсэн бичээс”-ийн (Ц. Баттулга, 2020: 21) төрөл бөгөөд уг бичээс нь “*тодорхой мэт харагдах боловч ихэнх тохиолдолд дардас авах боломжгүй байдаг*” (Ц. Баттулга, 2020: 21) ажээ. Даахийн бичээсийг өндөр цохион хадны тэгш гадаргуу дээр өнгөц цохиж бичсэн нь тод харагдана. 2020 оны байдлаар Монгол дахь руни бичгийн нийт 158 (Ц. Баттулга, 2020: 22) бага дурсгал байсан бол бидний энэхүү Даахийн бичээс болоод дээр дурдсан “Таван толгойн бичээс” нэмэгдэж, бага дурсгалын нийт тоо 160-д хүрч байна. Харин цохимол бичээсийн тоо 2020 онд 57 (Ц. Баттулга, 2020: 22) байсан бол Даахийн бичээс нэмэгдэж нийт 58 болж байна.

Бүс нутаг дахь бичээсүүд: Одоогийн байдлаар Өвөрхангай аймгийн [Зураг 2] нутгаас нийт руни бичгийн 5 дурсгал илэрч олдсоны дотор Уянга сумын Онгийн гэрэлт хөшөө, Нарийнтээл сумын Тавьтын бичээс, Богд сумын Тэгшийн (Тэвш) улааны бичээс, Баруунбаян-Улаан сумын Хутаг уулын бичээс болон аймгийн музейд олдсон газар нь тодорхойгүй Өвөрхангайн бичээс нэртэй дурсгал тус тус багтана (Ц. Баттулга, 2022: 182–197). Харин Өлзийт сумын Даахийн бичээс нь тус аймгийн нутгаас олдсон руни бичгийн зургаа дахь дурсгал болно.

Үсэг зүй: Руни буюу эртний түрэг бичээс нь зөв бичих зүй тогтлын хувьд маш төгөлдөржсөн тухайн үеийн Түрэг, Уйгурын хаант улсын төрийн бичгийн хэл байсан нь ялангуяа сонгодог дурсгалуудаас тодорхой ажиглагддаг. Тухайлбал, эр болоод эм үгийг эгшиг, гийгүүлэгчээр нь ялган бичдэг төдийгүй, уншлага, дуудлагын хувьд ижилхэн, үүргийн хувьд ялгаатай дагавар нөхцөлийг ялган тэмдэглэсэн байдаг. Энэ нь тухайн үгийг авианы түвшинд ялгаж буй хэлбэр бөгөөд бичгийн хэлний хөгжлийн дээд түвшнийг илтгэнэ. Даахийн бичээс нь нийт таван зурлага үсгээс бүрдэх бөгөөд тухайн үсгүүдийн нэгээс бусад нь тодорхой, бичлэгийн түвшинд нэлээд тогтворжсон үед бичигдсэн болох нь ажиглагдаж байна. Өөрөөр хэлбэл бичээс бичгийн сонгодог хэлбэрээ олчихсон байх үед бичигджээ. Харин бичээсийн төгсгөлийн нэгэн зурлага үсэг нь төдийлөн тодорхой бус байна. Энэ учир бид тухайн бичээснээ тун балархай тохиолдож буй төгсгөлийн гийгүүлэгч үсгийг сайн нягталж, бичээсийн хоёр дахь үгийн эхний “*çu-*” язгуураас хөөн, эр үгийн [r] R гийгүүлэгч байх магадлалтай хэмээн үзэж байна. Ийм болбоос тухайн үг нь эртний Түрэгийн ялангуяа Уйгурын хаант улсын үед идэвхтэй хэрэглэгдэж байсан “чур” хэмээх цол болох юм.

Бичээсийн уншлага:

Эхийн сийрүүлэг: гос гК

Үсгийн галиг: Q R ё W R

Үгийн галиг: Кар ёг

Орчуулга: Кар Чур ~ Кар[a] Чур

Кар[а] Чур хэмээхийн тухай: Баянхонгор аймгийн Галуут сумын нутагт орших Дээд цохиотын бичээст “...qar čur...” (Ц. Баттулга, 2022b: 139) хэмээн тохиолдох бөгөөд энэ нь бидний судалж буй Даахийн бичээстэй утга агуулгын хувьд ижилхэн байгаа нь ихээхэн анхаарал татаж байна. Өөрөөр хэлбэл тухайн бичээсийг хоёр өөр газарт нэг хүн бичсэн байх магадлалтай. Баянхонгор аймгийн Галуутын сумын нутагт орших Дээд цохиотын бичээс нь тухайн үеийн Түрэг, Уйгурын хаант улс одоогийн Монгол улсын Архангай, Өвөрхангай аймгийн нутагт тодруулбал Орхоны хөндийд нийслэлээ байгуулсантай шууд холбоотой байж болох юм. Өөрөөр хэлбэл Орхоны хөндийд улсаа байгуулсан Түрэг, Уйгурын улсаас баруун зүг зорчих их зам дагуух маршрут нь одоогийн Баянхонгор аймгийн нутаг дэвсгэрээр дайрч өнгөрдөг байсан тухай эрдэмтэн Ц. Баттулга өөрийн бүтээлдээ өгүүлсэн байдаг (Ц. Баттулга, 2022a: 51). Мөн тэрээр Дээд цохиотын бичээсийн тухай “...уг бичээсийн эхний гурван тэмдэгт маш тодорхой, харин төгсгөлийн тэмдэгт ихэд бүдгэрсэн байна” хэмээгээд “юутай ч түрэг, уйгурын үед Хар (kar, kara) нэрт чур (čur) цолтой нэгэн үүгээр дайрч өнгөрөхдөө өөрийн нэр цолоо бичжээ. Үүний учир аян замын тэмдэглэл”-ийн төрөлд багтах бичээс хэмээн үзэж болох юм” (Ц. Баттулга, 2022b: 139–140) хэмээн өгүүлсэн байна. Өөрөөр хэлбэл тухайн үед одоогийн Монголын төв нутгаас баруун тийш торгоны зам явахдаа буудаллаж, амарсан үедээ хаднаа өөрсдийн нэр, цолыг бичдэг байжээ. Энэ нь Монголын руни бичгийн бага дурсгалуудаас нилээд тодорхой харагддаг.

Харин Өвөрхангай аймгийн Өлзийт сумын нутгаас олдсон Даахийн бичээс нь Орхоны хөндийгөөс өмнө зүгт зорчих зүүн өмнөд салбар зам дагуух бичгийн дурсгал бололтой. Өөрөөр хэлбэл Кар ~ Кара нэрт Чур цолтон нь Түрэг эсвэл Уйгурын хаант улсын үед Орхоны хөндийгөөс өмнө зүгийн улс орон руу зорчихдоо тус газраар дайрч, өөрийн нэр цолыг (овгийг) бичиж эсвэл бичүүлж үлдээсэн байх боломжтой байна. Адилхан бичигдсэн тус хоёр бичээсээс үзэхэд Кар ~ Кара Чур нь Түрэг эсвэл Уйгурын хаант улсын төрийн албанд зүтгэж байсан нэг хүний үлдээсэн бичгийн дурсгал бололтой. Мөн Түрэг болоод Уйгурын хаант улсын үед Чур цолтонгууд (овогтонгууд) төрийн зарлиг, тушаал болоод мэдээг өөр улсад албан ёсоор хүргэдэг элч төлөөлөгчийн үүргийг гүйцэтгэдэг байсан байж болох юм. Ингэвэл “чур” хэмээхийг цол хэмээн үзэхээс илүүтэй аль нэг “овог, аймагт” үүргээр өгсөн нэр гэж үзвэл зохилтой. Өөрөөр хэлбэл, Түрэг, Уйгурын хаант улсын үед Чур овогтонгууд төрийн бичгийг түгээх үүргийг хүлээдэг байжээ. Тийм учраас баруун, зүүн, өмнөд тийш зорчих төв зам дагуу чур овогтой (цолтой) хүмүүс илүү зорчиж, нэр алдараа бичиж үлдээсэн байна. Ингэвэл энэ нь тухайн үеийн төрийн тогтолцоо, системтэй шууд холбогдоно.

Мөн Өвөрхангай аймгийн Баруун Баян-Улаан сумын нутагт орших Хутаг уулын 1-р бичээсийн 1-р мөрнөө “...qara karkü)~käräkü) täṅrikän” (Ц. Баттулга, 2022b: 194) хэлбэрээр Кар ~ Кара хэмээх үг тохиолдож байна. Монголын нийт руни бичгийн бага дурсгалуудад Кар ~ Кара хэмээх нэр гурван газарт давтагдаж байгаа нь тухайн бичээсүүдийг нэг хүн бичсэн байх магадлалтай бөгөөд төрийн бичиг, зарлигийг хүргэх үүргийнхээ хүрээнд явж байхдаа аян замдаа бичиж үлдээсэн байх боломжтой байна.

Бичээс тохиолдож буй оноосон нэр байх боломжтой “qar” хэмээх нь монгол, түрэг хэлний дундын шинжтэй “qara” хэмээх үгтэй холбоотой байх боломжтой юм. Хэрэв тийм бол “qar ~ qara” хэмээх нь тухайн хоёр хэлнээ ижил утгыг илтгэж байна. Өөрөөр хэлбэл сонгодог монгол хэлнээ “qar-a” (Я. Цэвэл, 1966: 660) бөгөөд орчин

цагийн монгол хэлнээ “хар” (МХЖТ, 2019: 363) хэлбэрээр тохиолдоно. Утга нь 1. цагааны эсрэг хөө, [жишээ нь:] нүүрсний өнгө, хар будаг, хар савхин гутал, хар гэртээ хаан, бор гэртээ богд, 2. муу санаа, хорон санаа, хорт муу үйл, [шилж.] 3. яршиг удсан, чирэгдэлтэй, [жишээ нь:] хар бороон дундуур, хар өглөөгүүр, 4. төрийн, шашны биш, [жишээ нь:] хар хүн ~ эр, эм бололцогчдын эрий нь, төрийн хар хүн [шилж.], 5. ганц, өөрийн, хувиа [жишээ нь:] хар бие ~ганц бие, хар толгойдоо гомдох, хар амиа бодох [шилж.] (Я. Цэвэл, 1966: 660-661) болох юм.

Харин эртний түрэг хэлнээ тухайн үг нь үйл болоод нэр үгийн утгаар тохиолдоно. “qar” нэр үгийн утгаараа 1. снег (цас), 2. Верхняя часть руки, плечо (гарын дээд хэсэг, мөр), 3. qar qur et... (хар хур дуу гарах) тухайлбал, гэдэс хоржигнох, үйл үгийн утгаараа “qar-” 1. смешивать, примешивать (~холих, хутгах), 2. поперхнуться, подавиться (~живэх, умбах), 3. переливаться через край (~[гол, нуурын] эргээс зөөх, гаталгах), выходит из берегов (~эргээс зөөх, гаргах), разливаются (~асгарах) гэх мэт утгаар (В. М. Надеяев *нар*, 1969 :422) тохиолдож байна. Харин “qara” хэлбэрээрээ 1. Черный (~хар), 2. темный (~харанхуй), лишенный света (~гэрэлгүй, гэгээгүй), погруженный во мрак (~харанхуйд живсэн, ууссан) 3. Злощастный, злополучный (~азгүй, золгүй) [шилж.], 4. плохой (муу муухай, хорон) [шилж.], 5. обыкновенный, для повседневных (~энгийн, өдөр тутмын) [шилж.] (В. М. Надеяев *нар*, 1969: 422–423) гэх мэт утгаар өргөн тохиолдох ажээ. Үүнээс гадна “qara” нь 2. масса, толпа (~ард олон, ард түмэн), тухайлбал, qara bodun, qara bülük, qara qamцү, 3. компонент (~[өгүүлбэрийн эзэн биеийн] бүрэлдэхүүн)-ий утгаар тохиолддог байна. Тухайлбал, qara baqši, qara buqa, qara kol, qara qan гэх мэт.

Үүнээс үзэхэд тухай үг нь монгол, түрэг хэлнээ нэр болоод үйл үгийн үүргээр маш идэвхтэй хэрэглэгддэг байна. Тухайн үг нь эл хоёр хэлний дундын шинжтэй үг гэдэгт маргах аргагүй. Ялангуяа өнгөний нэр заах утгаараа тухайн хоёр хэлнээ өнөө ч адилхан утгыг илтгэхээс гадна бичлэгийн хэлбэрээ ч алдаагүй байна. Харин “qar-” хэмээх үйл язгуур ихэд анхаарал татна. Эртний түрэг болоод орчин цагийн түрэг хэлнүүдэд тухайн үйл язгуураас үүссэн олон нэр болоод үйл язгуур бий. Үүнийг бид Карчур~Карачур хэмээх хүмүүнтэй холбогдож болох нэгэн аймгийн нэртэй холбон тайлбарласныг “чур” хэмээхийн дараа үзнэ үү.

Харин “чур” овогтой (цолтой) хүмүүсийн нэрс Монголын баруун, төв, хойд, өмнөд, зүүн бүс нутгаас нилээдгүй илэрч байна. Эдгээрийг сийрүүлбэл, Баруун бүс нутгаас Говь-Алтай аймгийн Бигэр сумын нутагт орших Бигэрийн 1-р бичээст “**čur** aqar uoli” (Ц.Баттулга, 2022а: 108), Шаахар толгойн 1-р бичээст “... bal **čur** ...” (Ц. Баттулга, 2022а: 130), Дарвийн 1-р бичээст “... ay **čur** ...” (Ц.Баттулга, 2022а: 177), Дарвийн 2-р бичээст “... ay **čur** ...” (Ц.Баттулга, 2022а: 177), Ямаан усны хавцлын ханан хадны 1-р бичээст “... kün **čur** ...” (Ц. Баттулга, 2022а: 214) гэх мэт нийт 5 удаа тохиолдож байна.

Харин төвийн бүс нутгаас Архангай аймгийн Ихтамир сумын нутагт орших Тайхир чулууны 3-р бичээсийн 1-р мөрнөө, “bilgä tarduš alp **čur** ...” (Ц. Баттулга, 2022b: 42), 24-р бичээсийн 3-р мөрнөө “... k...k **čurum** ...” (Ц.Баттулга, 2022b: 46 II), 30-р бичээсийн 3-р мөрнөө “... tard[u]š kül **čur** ...” (Ц.Баттулга, 2022b: 48), Баянхонгор аймгийн Шинэжинст сумын нутагт орших Хавцгайтын хавцлын бичээст “... qarliü **čur** ...” (Ц. Баттулга, 2022b: 124) мөн аймгийн Хиргисийн овооны бичээсийн өмнө талын 2-р мөрнөө “... tuta yägän **čur** ...” (Ц.Баттулга, 2022b: 124), зүүн талын мөрнөө “... bilgä **čurim**γa : t[oqitdim]” (Ц.Баттулга, 2022b: 128), Галуут сумын ну-

тагт орших Дээд цохиотын бичээст “... qar **čur** ...” (Ц. Баттулга, 2022b: 139), Өвөрхангай аймгийн Тэгшийн улааны (тэвш) бичээснээ “... уауыз **čur** ...” Ц. Баттулга, 2022b: 192), Баруун Баян-Улаан сумын нутагт орших Хутаг уулын 1-р бичээсийн 2-р мөрнөө “... yägän **ančur** ...” (Ц. Баттулга, 2022b: 194), 2-р бичээснээ “... ükük **čur** ...” (Ц. Баттулга, 2022b: 196), Өлзийт сумын нутагт орших Даахийн бичээснээ “kar **čur**”, Төв аймгийн Лүн сумын нутагт орших Улаан чулууны 4-р бичээсийн 1-р мөрнөө “... qaua **čur**...” 3-р мөрнөө “... bāṅlig **čur**...” (Ц. Баттулга, 2022b: 223) хэмээн нийт 13 удаа тохиолдож байна.

Мөн монголын зүүн бүсээс Говьсүмбэр аймгийн Чойрын хүн чулууны бичээсийн 4-р мөрнөө “... tun bilgä **čur**...” (Ц. Баттулга, 2022c: 49) хэмээн 1 удаа тохиолдож байгаа бол өмнөд бүсээс Өмнөговь аймгийн нутгаас олдсон Хотгорын зараа толгойн бичээсийн 1 болон 2-р мөрнөө “taṅ **čur**...” (Ц. Баттулга, 2022c: 116) хэмээн 2 удаа тохиолдож байна.

Энэ бүх тохиолоос үзэхэд “чур” хэмээх нь Монголын руни бичгийн бага дурсгалуудад нийт 20 удаа тохиолдож байгаа нь сонирхол татаж байгаа юм. Үүнийг цаашид нэхэн үзвэл зохилтой.

Карчур~Карачуртай холбогдох боломжтой эртний түрэгийн нэгэн овог байгаа нь бидний сонирхолыг татаж байна. Тухайн овог нь эртний Түрэгийн хаант улсыг (I, II) бүрдүүлж байсан чухал овгийн нэгэн бөгөөд хятад сурвалжид 葛邏祿 (gélùólù), исламын шашинт араб хэлээрх бичгийн дурсгалд حارلوق (harluq), перс хэлээрх бичгийн сурвалжид حالوه (halluh), төвд хэлээрх сурвалжид garlog, харин монгол бичгийн дурсгалд “qarlu’ud” (С.Мөнхсайхан, 2020: 108) буюу “харлугууд” хэмээн тохиолддог байна. Энэ нь Бэшбалык хотын баруун хойгуур тухайлбал, Алтай нурууны баруун тал Хар эрчис мөрөн, Тарвагтайн нуруу орчимоор төвлөн нутаглаж байсан (I. A., 2001: 509) “Карлук” аймаг юм.

Эл аймгийн тухай хятад бичгийн сурвалжуудад анх 605 онд тэмдэглэсэн бөгөөд Карлукууд нь Түрэгийн хаант улстай (I) холбоотон аймгуудын тоонд багтаж (A. Taşagıl, 2014: 76) байжээ. Үүнээс хойш 745 он буюу Түрэгийн хаант улс (II) мөхөх хүртэлх хугацаанд түүхэн олон үйл хэрэгт оролцсон тухай сурвалж бичгүүдэд тэмдэглэгдэн үлдсэн байна. Карлугууд мөн л түрэг угсааны болох Басмил болон Уйгур аймгуудтай нэгдэн Түрэгийн хаант улсыг (II) 744 онд (A. Taşagıl, 2013: 67) бүрэн эзэлсэн байдаг. Тэд дундаасаа Басмилийн тэргүүлэгчийг хаанд өргөмжилжээ. Улсын баруун жигүүрийг Карлугууд, зүүн жигүүрийг Уйгурууд тэргүүлэх болов. Төдөлгүй Уйгурууд тухайн үеийн Тан улстай үгсэн дараа нь Карлугуудыг эгнээндээ нэгтгээд Басмилаас суусан хааныг хөнөөсөн байна (A. Taşagıl, 2013: 67). Түүхэн сурвалжуудад Карлугуудтай холбоотой түүхэн баримтыг хөөн үзвэл ихэд сонирхолтой байна.

Үүнээс хойш Карлугуудтай холбоотой байж болох нэгэн чухал мэдээ МНТ-ноо, ...naiman-u Gücülük qan Uiyurtai **Qarlu’ud-i** (Харлугудыг) da’arin Sarda’ul-un qajar-a Čui müren-e bükün Qara Kidad-un Gür qan-tur neyilen otču’ui... §198, ...**Qarlu’ud-un** (Харлугудын) Arslan qan Qubilai-tur elsen irejü’üi... §235, ...qubilai noyan-i **Qarlu’ut-tur** (Харлугудад) ča’ura’ulba... §235 (С. Мөнхсайхан, 2020: 1040) хэмээн нийт гурван удаа тохиолдож байна. Үүнээс ажиглахад 8-р зууны үеийн эртний түрэгээр бичигдсэн сонгодог дурсгалуудад тохиолдож буй **qarluk**~Карлук (түр.) аймаг нь хожмоо 13-р зууны үед монгол хэлээр бичигдсэн чухал дурсгалд **qarluy**~Харлук (мо.) хэлбэрээр тохиолдож байгаа нь ихэд сонирхолтой. Тухайн үгнээ бичлэгийн болоод агуулгын өөрчлөлт гараагүй байна.

Өөрөөр хэлбэл энэ нь нэг аймаг ажээ. Тэрчлэн монголчууд карлуг~Харлугуудыг маш эртнээс мэддэг байсан нь тодорхой байна. 8-р зуунд Басмил, Уйгур нартай хамтран хүчирхэг Түрэгийн хаант улсын эзэлж явсан тэд Уйгуруудтай харилцаагаа удаан хадгалж чадаагүй нь түүхэн сурвалжуудад тэмдэглэгдсэн байдаг. Тэд Түрэгийн хаант улсыг буулгаж авсан үеэс эхлээд улсын баруун жигүүрийг мэдэж байсан тухай дээр дурдсан. Тэгвэл МНТ-ноо Чингис хаан баруун зүгийг хэрхэн дайрлаар мордсон тухай маш тодорхой өгүүлсэн бөгөөд энэ хэсэгт Карлукуудын тухай: “...*Найманы Хүчүлүг хан, Уйгурдай Харлугуудыг дайран, Сартуулын газраа (газарт) Чүй мөрнөө бүхүн Хар Хятаны Гүр ханд нийлэн оджухуй, §235. Хубилай ноёныг Харлугуудад чагууруулав, Харлугуудын Арслан хан Хубилайд элсэн иржэхүй*” (Ш. Чоймаа, 2011) хэмээн тохиолдоно. Үүнээс ажиглахад үйл явдал өрнөж буй газар нь одоогийн Шинжаан Уйгур, Зүүнгарын тал, Амударьяа, Сэрдарьяа мөрний ай сав бололтой. Өөрөөр хэлбэл Карлукууд Уйгурын хаант улсыг мөхсөний дараа ч 13-р зуун хүртэл 8-р зууны үеийнх шигээ баруун жигүүрийн нутгаа захиран, уугуул газар нутагтаа нөлөөгөө алдаагүй байжээ.

Харин **qarluk**~Карлуг хэмээх үгийн тухай өгүүлбэ. Бид тухайн үгийн язгуурыг “**qar-**” хэмээх үйл язгуураас үүсэлтэй гэж үзвэл энэ нь дээр дурдсан 1. *холих, хутгах*, 2. *живэх, умбах*, 3. *[гол, нуурын] эргээс зөөх, гаталгах* гэсэн утгуудтай. Эдгээр утгаас “холих, хутгах” хэмээх утга нь илүү тохиромжтой. Тэгвэл “**qar-**” язгуурын дараа залгагдаж буй **+luk** нь “аливаа зүйлийг агуулах, бүхий” гэсэн утгыг илтгэдэг нэрээс нэр үг бүтээх дагавар юм. Ийм учир тухайн язгуурыг үйл язгуураар хүлээн зөвшөөрөх боломжгүй бололтой. Хэрэв зөвшөөрөл тухайн үйл язгуурт үг нь “холдсон, хутгагдсан” гэх утгыг илтгэх байжээ.

Энэ учир “**qar**” хэмээхийг нэр язгуур гэж үзвэл илүү тохиромжтой. Өөрөөр хэлбэл 1. *цас*, 2. *гарын дээд хэсэг, мөр*, 3. *хар хур дуу гарах* гэсэн утгуудаас “цас” хэмээх нь илүү тохиромжтой. Ингэвэл “**qar+luk**” буюу “цастай, цас бүхий” гэсэн утгыг илтгэнэ. Өөрөөр хэлбэл тэднийг нүүдэлчид эртнээс амьдардаг газар нутгаар нь төлөөлүүлэн нэрлэдэг байсан байж болох юм. Түүхэн сурвалжаас бид тэндийг “*Бэшбалык хотын баруун хойгуур тухайлбал, Алтай нурууны баруун тал Хар эрчис мөрөн, Тарвагтайн нуруу орчим*” нутагладаг байсан тухай дээр өгүүлсэн билээ. Тэдний амьдарч асан энэ газар нь өндөрлөг уулсаар хүрээлэгдсэн намар, өвөл, хаврын цагтаа цас их унадаг бүс нутаг юм. Тийм учир тэд өөрсдийгөө эсвэл тэднийг “**qar+luk**” буюу “цаст газрынхан, цастууд” хэмээн нэрийдсэн байх бүрэн боломжтой байна.

Тамга [Зураг 5]: Энэ төрлийн тамгатай төстэй дүрслэлүүд Булган аймгийн Сайхан сумын Моюнчурын гэрэлт хөшөө (Б. Азаяа, 2013), Баян-Агт сумын Шивээт улаан (А. Энхтөр, С. Далантай, 2018), Төв аймгийн Бүрэн сумын Бичигт улаан хад зэрэг газруудын тамгатай ижил байна. Мөн Архангай аймгийн Их Тамир су-мын Тайхар чулуу, Хэнтий аймгийн Батширээт сумын Рашаан хад, Баянхон-гор аймгийн Бууцагаан сумын Гурван мандал, Баянжаргалан сумын Мөрт уул, Билгэ хааны тахилын онгоны балбал чулууны тамга (Д. Батсүх, 2004) зэрэг газруудад Даахийн тамгатай төстэй дүрслэл бий. Дээрх дурсгалуудын дотроос Моюнчурын гэрэлт хөшөөн дээрх тамгыг ихэнх судлаачид Уйгурын Яглагар (药罗葛 — yao luo ge) овгийн тамга хэмээн үздэг. Учир нь Уйгурын хаант улсын эхэн үед Яглакар аймаг төр барьж байсан бөгөөд Моюнчур бол тус овгийн хоёр дахь хаан юм. Тиймээс гэрэлт хөшөөний магнай хэсгийн гол хэсэгт өөрийн овгийн тамгаа сийлж үлдээжээ. Үүний нэгэн адилаар Даахийн бичээсийн эзэн болох

“Хар[а]чур/Кар[а]чур” нь өөрийн овгийн тамгаа сийлж үлдээсэн бололтой. Бид дээр өгүүлсэн судалгаандаа үндэслэн тухайн тамга нь Уйгурын хаант улсыг байгуулахад хамтран зүтгэсэн гол гурван аймгийн нэг Карлук~Харлуг аймгийн тамга бололтой гэж үзэж байна. Өөр хэлбэл бичээсийг үйлдсэн Карчур~Карачур нь Уйгурын хаант улсын эхэн үед амьдарч байсан нэгэн бөгөөд шинэхэн Уйгурын хаант улсыг байгуулалцахын төлөө тэмцэж явсан нэгэн бололтой. Тэр дундаа улсын баруун жигүүр мэдэж асан Карлук аймгийн хүн байсан бололтой. Мөн тухайн тамга нь Уйгурын гол овгийн тамгатай нилээд төстэй байгаа нь магадгүй Уйгурын хаант улсыг байгуулсан Карлук, Басмыл, Уйгур аймгуудын тамга нь хоорондоо ижил төстэй байсан байх боломжтой байна. Тухайн тамганы тухай цаашид гүнзгийрүүлэн судлах нь зүйтэй.

Дүгнэлт

Тухайн бичээсийг үлдээсэн Кар[а]чур нь Уйгурын хаант улсыг байгуулахад тэргүүлэн оролцсон гурван аймгийн нэг болох Карлук~Харлуг аймгийн хүн бололтой. Карлук аймаг нь Алтайн нурууны баруун тал Хар эрчис мөрөн, Тарвагтайн нуруу орчмоор VIII–XIII зууныг хүртэл амьдарч байсан нь түүхэн сурвалжуудад тодорхой харагдаж байна.

Мөн Монгол нутгаас олдсон руни бичгийн бага дурсгалуудаас үзэхэд “чур” цолтонгууд (овогтонууд) нь аймаг хооронд цаашлаад улс хооронд мэдээ хүргэх, түгээх үүргийг хүлээсэн өөрөөр хэлбэл тухайн үед элчийн үүргийг гүйцэтгэдэг байсан байх боломжтой байна. Мөн “чур” нь цол гэхээсээ илүүтэй ийм үүрэг хүлээсэн аймгийн доторх нэгэн “овог” байжээ. Мэдээ, хэл хүргэх, түгээх үүрэгтэй “чур” овог нь тухайн үеийн аймаг болгонд байсан бололтой. Өөрөөр хэлбэл Карчур нь бусад аймагт мэдээ, хэл хүргэх үүрэгтэй Карлук аймгийн “чур” овогтон байсан бололтой. Төрийн энэ тогтолцоо Түрэгийн өмнөх үеэс ч улбаатай байхыг үгүйсгэхгүй бөгөөд Уйгурын үед “чур” хэмээх нь нэгэн цол мэт ойлгогдох болсон байх боломжтой.

Бичээст холбогдох тамга нь дүрслэлийн хувьд Уйгурын Яглагар аймгийн тамгатай маш ойролцоо боловч тухайн аймгийн тамга биш байна. Харин тухайн тамга нь Карлук~Харлуг аймгийн тамга бололтой. Тийм учраас Уйгурын хаант улсыг байгуулсан гол гурван аймгийн тамга хоорондоо маш ойролцоо байсан байх боломжтой байна.

Тухайн бичээс нь монгол нутгаас олдсон руни бичгийн бага дурсгалын тоог нэгээр нэмэхээс гадна Баянхонгор аймгийн Галуут сумын нутгаас олдсон Дээд цохиотын бичээстэй яг адилхан байгаа нь түүхийн чухал сурвалж боллоо. Мөн бичээсийн үсэг зурлага, тиг тодорхой бөгөөд руни бичиг хэрэглэгдээд нилээд тогтворжсон үед бичигдсэн байна. Мөн Карчур нь Карлук аймгийн “чур” овогтон (цолтон) бол тухайн бичээс нь Уйгурын хаант улсын үед хамаарах бичгийн дурсгал бололтой.

Товчилсон үгийн жагсаалт:

МХЗБДЖТ — Монгол хэлний зөв бичих дүрмийн журамласан толь

МНТ — Монгол нууц товчоо

Мо. — Монгол хэл

Тү. — түрэг (турк) хэл

Таних тэмдэгт:

(...) — эшлэл, тайлбар

[...] — зохиогчийн оруулсан нэмэлт тайлбар

Ном зүй**Крилл үсгээр:**

1. Аззаяа Б. Орхон бичгийн дурсгал V (Моюнчурын гэрэлт хөшөө). Улаанбаатар, 2013.
2. Батсүх Д. Билгэ хааны тахилын онгоны балбал чулууны тамга. *Studia Archaeologica*. 2004; XXII, Fasc. 14.
3. Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн бага дурсгал (The Small Monuments of Mongolian Runic Inscription) / Монголын Археологийн өв XII. Адмон ХХК. Улаанбаатар, 2020. Х. 364.
4. Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн дурсгалын шинэ судалгаа I (A New Study on Mongolian Runic Inscriptions) // Монголын баруун бүс нутаг дахь руни бичгийн дурсгал. Адмон ХХК. Улаанбаатар, 2022. Х. 216.
5. Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн дурсгалын шинэ судалгаа II (A New Study on Mongolian Runic Inscriptions) // Монголын төв, умард бүс нутаг дахь руни бичгийн дурсгал. Адмон ХХК. Улаанбаатар, 2022. Х. 248.
6. Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн дурсгалын шинэ судалгаа III (A New Study on Mongolian Runic Inscriptions) // Монголын зүүн, өмнөд бүс нутаг дахь руни бичгийн дурсгал. Адмон ХХК. Улаанбаатар, 2022. Х.184.
7. Мөнхсайхан С. Монголын нууц товчооны үгийг эшлэн үзүүлсэн толь / Шинжлэх Ухааны Академи. Хэл зохиолын хүрээлэн. Бэмби сан ХХК. Улаанбаатар, 2020. Х. 1522.
8. Мөнхсайхан С. Монголын нууц товчооны тонгоруу толь. Шинжлэх Ухааны Академи. Хэл зохиолын хүрээлэн. Бэмби сан ХХК. Улаанбаатар, 2020. Х.186.
9. Мөнхтулга Р. Таван толгойн бичээс. *Нүүдэлчдийн өв судлал*. XXIII; Fasc. 3:35–53.
10. МХЗБДЖТ [Монгол хэлний зөв бичих дүрмийн журамласан толь] / Л. Болд, Ц. Өнөрбаян, М. Базаррагчаа нар. Улаанбаатар, 2019. Х. 542.
11. Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Шербак; Академия наук СССР. Институт языкознания. Ленинград: Наука, 1969. С. 676. Текст: непосредственный.
12. Чоймаа Ш. Монголын нууц товчоо. Эртний үг хэллэгийн түгээмэл тайлбартай шинэ хөрвүүлэг. Мөнхийн үсэг ХХК. Улаанбаатар, 2011. Х. 291.
13. Энхтөр А., Далантай С. Шивээт Улааны цогцолбор дурсгалын тухай. *Studia Archaeologica*. 2018; XXXVII, Fasc. 16.

Латин үсгээр:

1. Iskender-Mochiri I. History of Civilizations of Central Asia (Development in contract: from the sixteenth to the mid-nineteenth century). Volume V. Paris: Unesco Publishing, 2003. P. 910.
2. İslam Ansiklopedisi, Türkiye Diyanet Vakfı, Cilt: 24. İstanbul. S. 509; Taşağıl A., Çin Kaynaklarına Göre Eski Türk Boyları (M.Ö III — M.S X. Asır), Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Tarih Kurumu Yayınları, VII. Dizi, Sayı-206, /2. Baskı/, Ankara, 2013. S. 234.
3. Taşağıl A. Karlukların Coğrafi Dağılımı Üzerine. *Türkiyat Mecmuası*. Cilt: 24 /Bahar/. İstanbul. S. 75–89.

THE DAAHI INSCREPTION

© **Zagarperenley Tumenbayar**

Researcher,
Institute of Language and Literature,
Academy of Sciences of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar
zagaraa0904@gmail.com

© **Sodnomzhamts D.**

Researcher,
Institute of Archeology,
Academy of Sciences of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar
sodnomjamts.num@gmail.com

Abstract. We had a reading and examination of a newly discovered runic inscription in the Ulziit sum region of Övörkhongai Province. D. Sodnomjamts, a researcher at the Archaeological Institute of the Mongolian Academy of Sciences, discovered the inscription in August 2022, when he went to the area for field research.

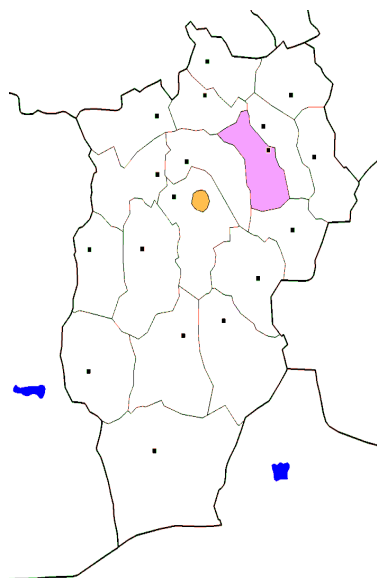
This inscription, consisting of a total of five characters, was written in a single line on a granite-formed rock, and a tamga was depicted next to the inscription. In this research study, besides the meanings of the words in the inscription, how the words are used in other Mongolian runic writing monuments and a brief explanation of the meaning and the seal associated with the inscription are given.

Keywords: The Daakhi Inscription, Turkoloji, Runic Inscription, Linguistics.

Хавсралт

Зураг 1. Өвөрхангай аймаг

Зураг 2. Өлзийт сум

Зураг 3. Өвөрхангай аймгийн Өлзийт сум, Даахь

Зураг 4. Бичээс оршиж буй хадан цохио

Зураг 5. Даахийн бичээс ба тамга

**ЦАХИМ ОРЧНЫ ХАРИЛЦАН ЯРИА БА СЭТГЭЛ ХӨДЛӨЛ
ДИАЛОГИ И ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО**

© **Халгар Нармандах**

магистрын оюутан,
Нийгэм, хүмүүнлэгийн ухааны хүрээлэн,
Монгол Улсын Боловсролын Их сургууль
Монгол Улс, Улаанбаатар хот
kh.narmandakh@msue.edu.mn

© **Ширнэн Цолмон**

PhD, багш,
Нийгэм, хүмүүнлэгийн ухааны хүрээлэн,
Монгол Улсын Боловсролын Их сургууль
Монгол Улс, Улаанбаатар хот
tsolmon@msue.edu.mn

Хураангуй. Сүүлийн үед боловсрол, хэлний хөгжлийн судалгаанд орчин үеийн технологи, харилцааны хэрэгслийг ихээхэн ашиглаж байна. Тэр дундаа нийгэм хэл шинжлэлд харилцан яриа, угсаатны арга зүй хэмээн нэрлэгддэг харилцан ярианы дүн шинжилгээ нь хүмүүсийн энгийн харилцааны явцад үүссэн ярианы судалгаа бөгөөд социологич Harvey Sacks (1935–1975)-ийг энэхүү шинжлэх ухааныг үндэслэгч хэмээн үздэг ажээ. Тэгвэл энэхүү харилцан яриа орчин үед буюу цахим ертөнцөд хэрхэн өрнөж, цаашлаад сэтгэл хөдлөлөө хэрхэн илэрхийлж буй нь бидний сонирхлыг татаж түүнд ажиглалт, дүгнэлт хийхээр зорьлоо. Ийнхүү хүмүүс цахим харилцааны явцад сэтгэл хөдлөлийг хэрхэн илэрхийлж буйг задлан шинжлэхдээ дэлхийн алдартай нийгмийн сүлжээний сайтууд болох *Фэйсбүүк*¹ болон *Твиттер* хэрэглэгчдийн зурвасаас баримтаа бүрдүүлсэн болно.

Түлхүүр үг: цахим харилцаа, сэтгэл хөдлөл, сэтгэл хөдлөлийн илэрхийлэл, эможи, Фэйсбүүк, Твиттер.

Харилцан яриа, түүний анализийн арга

Харилцан яриа бол хүний амьдралын чухал, салшгүй хэсэг бөгөөд хүний амьдрал харилцааг бүрдүүлдэг цуврал буюу үргэлжилсэн хэлбэрээр явагддаг нь эргэлзээгүй.

Alotaibi (2013) харилцан яриа нь хувь хүмүүсийн хооронд үр дүнтэй, харилцааг өдөөгч болдгийг онцолсон байдаг. Тийм ч учраас ярианы чадвар нь нийгэмшүүлэх чухал хэмжүүр бөгөөд харилцааны чадвар нь хэлний боловсролын асуудал юм. Жишээлбэл, харилцааны явцад эелдэг байна гэдэг хүмүүсийн хоорондын харилцааны эерэг тал юм.

Аман харилцааны онцлог шинж чанарууд нь цахим орчны яриа, цахим шуудангаар дамжих харилцааны явцад бичвэр хэлбэрээр илрэхэж. Цахим харилцаа нь өнөөгийн өдөр тутмын амьдралын үе шат, харилцан ярианы агуулга, хэлбэрийг агуулсан харилцааны чухал хэлбэр юм. Үүнтэй холбоотойгоор англи хэл нь даяаршлын нөлөөгөөр дэлхий даяар хамгийн өргөн тархсан аман болон аман бус

¹ Принадлежит Meta, которая признана в России запрещенной экстремистской организацией.

харилцаанд хэрэглэгддэг хэлнүүдийн нэг болжээ. Тийм ч учраас хэл шинжлэлийн судалгаанд интернэт болон нийгмийнсүлжээний практик нь цахим яриа гэгддэг хэлний шинэ төрлүүд гарч ирэхэд хүргэдэг. Цахим яриа ихэвчлэн динамик байдлаар явагддаг тул хүмүүсийн бичих аргад голчлон илэрдэг нь байгалиас өгөгдсөн гэмээр. Интернэт, цахим харилцааны хурдацтай өсөлт нь харилцааны олон талын хэлбэрүүдийн эрэлтийг нэмэгдүүлсэн [1, с. 135]. Сүүлийн жилүүдэд цахим харилцааны хэрэглэгчдийн хэлний хэрэглээг судлах сонирхол нэмэгдэж байна [7, 8], [20, с. 45–68], [29], [23, с. 345–366], [27, с. 98–103]. Хэлний гол зорилго нь харилцаа, мэдээлэл дамжуулах, түгээх явдал юм. So (2009)-ийн хэлснээр цахим харилцаа үүсэх үед харилцагчидтөрөл бүрийн тэмдэг, дохио зангаа, дүрслэл, дуу-хоолойн бичлэг, болон бусад паралингвистик шинжтэй зүйлс ашиглаж мэдээллийг амаар болон аман бус хэлбэрээр илэрхийлж байна. Ийм аргууд нь харилцагчдадзурвас (мессеж)-ын утгыг илүү сайн хүлээн авч, ойлгоход тусалдаг. Хүмүүс ихэвчлэн зорилго, хам сэдэв болон хэлний бусад хүчин зүйлээс хамааран хэлний янз бүрийн хувилбаруудыг ашигладаг.

Ярианы хэлийг судлах хэд хэдэн хэл шинжлэлийн арга байдаг (Eggins & Slade 1997). Эдгээр нь гүн ухаан, угсаатны зүй, нийгэм-хэл шинжлэл, сэтгэл судлал зэрэг бусад салбаруудад ч хамаардаг байна. Харилцан яриаг судлах аргуудыг авч үзье.

1. Логик-философи: а. Ярианы үйлдлийн онол
б. Прагматик
2. Угсаатны (Этно)-аргазүй: Харилцан ярианы анализ
3. Нийгэмхэл шинжлэл: а. Харилцан ярианы этнографи
б. Харилцааны нийгэмхэл шинжлэл
4. Бүтэц-үүрэг: Бөрмингхамын дэг (Birmingham School)

Tang, New (2017) нар орчин үеийн технологи, харилцааны хэрэгслийг ашиглах нь хэл шинжлэлийн судалгаа хийх боломжийг нээж өгч, интернэт хэл шинжлэл, цахим орчны яриа, хэлний хөгжлийн талаар шинэ хувилбарууд, харилцааны шинэлэг аргуудаар судалгаа хийх боломжийг ч олгодог хэмээн дурдсан нь дээрх ангилалтай дүйнэ.

Нийгмийн сүлжээний цахим сайтууд боловсролын байгууллагын анхаарлыг татах болсон. Сурагчид болоод бодлого боловсруулагчид тэдгээрийг хэлний боловсролын үр дүнтэй хэрэгсэл ч гэж үзэх тохиолдол байна. Эдгээр технологийн хөгжил, хэрэглээ, тухайлбал, Facebook, Twitter, YouTube, MySpace гэх мэт ниймийн сүлжээний сайтууд сүүлийн үед түгээмэл болж, өсөн нэмэгдэж байна [1, с. 135]. Шинэ аппликейшнүүд нь компьютерт суурилсан виртуалорчинд нийгмийн мэдээллийн сүлжээгээр дамжуулан хялбархан харилцах боломжийг хэрэглэгчдэдээ олгож байгаа нь бидний судалгаа шинэлэг, орчин үетэйгээ хөл нийлүүлэн алхаж буйн шинэ биз ээ.

Нийгмийн сүлжээний сайт гэдэг нь виртуал ертөнцөд хүмүүс хоорондоо хялбархан аргаар харилцаж, санал бодлоо хуваалцах сонирхолтой холболтоор хангадаг платформ юм. Тухайлбал, Фэйсбүүк бол нийгмийн сүлжээний сайтын нэг жишээ. Түүний гол онцлог нь "нүүр хуудас", "мэдээлэл", "блог", "найзууд", "дуртай", "дургүй", "сэтгэгдэл", "зурвас илгээх", "зураг хуваалцах", "холбоосууд", "видео" [31] юм гэсэн нь бусдаасаа дээр дурдсан зүйлсээр ялгарч, улмаар хамгийн олон хүн хэрэглэдэг НСС болтлоо өргөжсөнийг илтгэж буй хэрэг буй заа. Энэ нь

хэрэглэгчдэд харилцааны янз бүрийн хэлбэрийг ашиглан хоорондоо ярилцах, дэлхий даяар шинэ нөхөрлөлийн холбоо бий болгох боломжийг олгодог болох нь дээрх тодорхойлолтыг баталж буй хэрэг юм.

Харилцан ярианы анализ гэдэг нь бодит орчинд ярих, бичих чадварын хоорондын хамаарлыг судлахыг хэлнэ. Энэ нь нийгмийн харилцааг судалж дүн шинжилгээ хийхэд онцгой, үр дүнтэй арга болж хөгжиж байна (Paulus et al, 2018).

Харилцан ярианы анализ нь найз нөхдийн дунд төдийгүй цахим орчинд аяндаа өрнөдөг нийгмийн харилцан ярианд анхаарлаа хандуулдаг бөгөөд энэ бүтэц нь хэлэлцүүлэг, яриа өрнүүлэх, ээлжлэн хариулах, засаж залруулах хэрэгцээ зэргээр тодорхойлогддог.

Rose, Spinks, Canhoto [25] нар харилцан ярианы онцлог шинж чанаруудад дараах зүйлс хамаарна хэмээжээ. Үүнд:

1. Аман яриа болон бүлгийн харилцаанд анхаарлаа хандуулах
2. Аяндаа бий болж буй хэлний нарийвчилсан хувилбарыг задлан шинжлэх
3. Харилцагчийн илэрхийлэх гэсэн өнгө аяс, санааг ойлгох нь тухайн бүс нутгийн онцлог, түүнээс үүдэн гарах харилцан ярианы нөхцөл байдлаас шалтгаална
4. Макро-нийгмийн үзэгдлүүд нь харилцан ярианы явцад харилцагчдын аль алинд хамааралтай үед л баримт болгон ашиглагдана.

Харилцан ярианы анализ нь хэл шинжлэлийн салбар судлагдахуун бөгөөд нийгмийн үзэгдэл судлал буюу угсаатны аргазүйгээс үндэстэй бөгөөд логик-аналитик болон герменевтик-диалектик хэтийн төлөвийг хослуулсан [13, с. 224–272] [17]. Roger, Bull (1989) нар харилцан ярианы явцыг судлах арга гэж тодорхойлсон байна. Үүний нэгэн адил ten Have (1999) харилцан ярианы анализийг харилцагчид нийгмийн харилцааны дэг журмыг сахиулах арга замуудын тайлбар гэж тодорхойлсон нь цахим харилцааны явцад бичиг үсгийн замбараагүй хэрэглээг хянаж, цахим орчинд зөв зохистой байхтай холбоотой дүгнэлт гэж ойлгож болохоор байна.

Hopper, Koch, Mandelbaum (1986) нарын хэлснээр харилцан ярианы анализ нь түүний үйл ажиллагааны бүтэц, хувь хүмүүсийн харилцан ярианы практикийг ойлгоход ашиглагддаг. Харилцан ярианы анализ нь хүний хэлсэн үг хэллэгээс илүү эргэн хариу өгөх үйлдэлд дүн шинжилгээ хийх болон өгөгдлийг зохицуулах, асуудлуудыг өөрчлөхөд тусалдаг [13, с. 224–272] [17].

Seliger, Shohamy's (1989) чанарын өгөгдлийг баталгаажуулах гурван элементийн шалгуурыг гаргажээ. Үүнд, (а) өгөгдлийг шууд нэвтрэн орж олж авах боломжтой, (б) цуглуулсан жишээгээ баримт болгон баталгаажуулж судалгааг бодитой болгох (в) өгөгдлийн төлөөлөх чадвар зэрэг нь бидний тулгуурласан гол чиг юм.

Сэтгэл хөдлөл, түүнийг цахим орчинд илэрхийлэх нь

Сэтгэл хөдлөл нь хүмүүсийн байгаль, нийгмийн үзэгдэл зэрэг төрөл бүрийн үйлдэлд өөрт төрсөн бодол, мэдрэмжийг илэрхийлж буй хүний дотоод хандлага мөн. Oxford English (2022) толь бичигт тодорхойлсноор сэтгэл хөдлөл гэдэг нь хайр, айдас, уур хилэн зэрэг хүчтэй мэдрэмж; мэдрэмжийг илэрхийлсэн хүний зан чанарын нэгээхэн хэсэг хэмээсэн байдаг.

Хүний сэтгэл хөдлөл бол бодит байдлыг үнэлэн цэгнэсэн тухайн хүний тусгалын хэлбэр гэж үздэг [18, с. 221, 269]. Сэтгэл хөдлөл нь субъектив болон ухамсараас үүдсэн нүүр болон биеийн өвөрмөц илэрхийллээр илэрхийлэгддэг. Жишээ нь,

инээмсэглэл нь баяртай, аз жаргалтай байгааг илэрхийлнэ [11, с. 45–60][12, с. 56/3]. Судлаач Ю. Мөнх-Амгалан (1998) "Нэмэлт буюу үнэлэх баймж чанар ерөөсөө баймжийн айн аливаа утга, өнгө аяс илэрхийлэх, хэлний харилцаанд холбогдох нэг чухал зүйл бол үгэн бус харилцаа юм. Хүмүүсийн хэлний харилцааны явцад өгүүлэгчийн гадаад байдал, нүүр царайны хөдөлгөөн, хувирал, дохио зангаа, дуу хоолойны өөрчлөлт зэрэг нь нэмэлт учир холбогдолтой бөгөөд хэлний харилцааг дагалдан түүний утга ч илүү баялаг багтаамжтай мэдээллийг хамгийн ойлгомжтой, товч илэрхийлэх нь буй" гэснээс үзэхэд сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи) нь үг ашиглахгүйгээр (зурвас, и-мэйл, нийгмийн сүлжээ гэх мэт талбарт) бичигч / зохиогчийн сэтгэл хөдлөлийг илэрхийлэх, мэдээллийг товч, тодорхой хүргэхийн тулд цахим харилцаанд ашигладаг янз бүрийн жижиг дүрслэл бүхий тэмдэг хэмээн Merriam-Webster (2022) толь бичигт тодорхойлсонтой агаар нэгэн байна.

Сэтгэл хөдлөл буюу хүний сэтгэлийн эерэг байдал нь юмсыг сонирхох, бахархах, бахдах, хайрлах, энэрэх, инээмсэглэх гэх мэт хүний оюун санаанд орж ирж буй бодол санаа, тархины эерэг үйлдлүүдийг өргөжүүлж, цаашлаад хувийн болон нийгмийн харилцаа, өөрийн чадвараа сайжруулах, аливааг эерэг, таатайгаар хүлээж авах, илэрхийлэх боломжийг олгодог бол сөрөг сэтгэл хөдлөл нь түргэн зуур эрсдэлтэй шийдвэр гаргаж, буруу үйлдэл хийж, бусдыг заналхийлэх, доромжлох, айдаст автуулах, түгшээх, гомдоох гэх мэт зохисгүй үйлийг өдөөж болзошгүй байдаг [12, с. 56/3].

Өгүүлэгчийн сэтгэлийн байдлыг илэрхийлэх илэрхийллийг сэтгэлийн хөдөлгөөний эерэг буюу сайн тал, сөрөг буюу муу тал гэж ангилж болох ч эдгээрийн аль нэг нь биш бол саармаг гэж болохоор, мөн хүний сэтгэлийн байдал ч юмсыг хүлээн авахад шууд нөлөөлөх нь дамжиггүй.

Ерөнхийдөө эерэг сэтгэл хөдлөлтэй хүмүүс бусдыг бодвол амьдралын сэтгэл ханамж өндөртэй, илүү аз жаргалтайд тооцогддог. Тухайлбал, бүтээлч сэтгэлгээ, ажлын бүтээмж өндөртэй, танин мэдэхүй өндөр, зүрх судас болон дархлааны систем сайтай, илүү зөв зорилго, тэмүүлэлтэй байдаг [12, с. 56/3], [9, с. 169–200], [16, с. 3–24] гэж тодорхойлсон нь эерэг сэтгэл хөдлөл сайн сайхан байдалд хөтөлдөг хэмээн зүйрлэж буй мэт санагдана. Нийгэмд хэн сэтгэл хөдлөлөө удирдаж, барьж эерэг хандлагатай байж чадна тэрээр хамаг сайн сайхныг цогцлоож, амар амгалан, айдас хүйдэсгүй амар жимэр амьдрах нь бичигдээгүй хууль мэт.

Фэйсбүүк ба Твиттер дэх харилцан ярианы явцад илэрч буй сэтгэл хөдлөлийн илэрхийлэл

Интернэт хэл шинжлэлийн онолын суурийг Английн эрдэмтэн David Crystal (2001) тавьсан ба цахим харилцаанд сэтгэл хөдлөлийг илэрхийлсэн тэмдэг бүхий харилцааны хэлбэр байна гэж үзээд үүнийгээ яриа болон бичгийн хэлний шинжийг хольсон харилцааны гуравдагч хэрэгсэл гэж тодорхойлсон байдаг. Бид энэхүү судалгааны ажлаараа “харилцааны гуравдагч хэрэгсэл” болох сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи) цахим орчны харилцан ярианд аман бус хэлбэрээр хүний сэтгэл хөдлөлийг илэрхийлэх гол илэрхийлэл, тэрхүү орчинд тухайн хүний мэдрэмж, бодол, хандлага зэргийг ойлгоход дөхөм болж буйг нотлох зорилготой болно.

Манай оронд төдийгүй дэлхий даяар тэргүүлж буй Фэйсбүүк, Твиттергэх энэхүү 2 нийгмийн сүлжээний сайтын харилцагчид сэтгэл хөдлөлөө бодит болго-

хын тулд сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи) ашиглах тохиолдол элбэг ажиглагдана. Сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи) гэж юу болохыг толь бичиг болон вэб-сайтуудад олон янзаар тодорхойлсон байдгийг нэгтгэж дүгнэвэл цахим орчинд нүүрний хувирал, үйл хөдлөл, хүний сэтгэлийн төрөл бүрийн байдлыг илэрхийлэх дүрслэл гэж ойлгож болно. Ийнхүү хүмүүс цахим харилцаанд сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи)-ээр өөрсдийн сэтгэл хөдлөлийг хэрхэн илэрхийлж буйг задлан шинжлэхдээ дэлхийн алдартай нийгмийн сүлжээний сайтууд болох *Фэйсбүүк болон Твиттер хэрэглэгчдийн зурвасаас баримтаа бүрдүүлсэн бөгөөд цахим орчинд харилцагчдын нэр, хаягийг нууцалсан болно.*

Өглөөний мэнд ... ☺☺☺
Амралтын өдрөө сайхан
өнгөрүүлээрэй... 🍷🍷🍷🍷🍷
2022.09.25

Translate Tweet

07:48 · 2022.09.25 · Twitter for Android

Зураг 1. Твиттер 2022.09.25

Гэгээн тунгалаг өглөөг сайхан мэндчилгээгээр эхлүүлж буйдаа тухайн хүн ихэд тааламжтай, хүн бүхэнд сайн сайхныг хүсч буйгаа хайрын илэрхийлэл болсон ❤️ сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи)-ээр төлөөлүүлсэн уншигч нарт амар амгалан, тайван, эерэг бүхнийг мэдрүүлэх аж.

Үе үе ингэж нэг иддэг дээ 😊😊😊
үнэхээр сайхан байна өлсөж өлсөж
хийсэн болохоор 🍷🍷🍷🍷🍷
үс гэзэг уучлаарай гэртээ арзайгаад
л байж бн битгий уурлаарай
стрессгүй амьдарцаая.

Translate Tweet

465 views

18:16 · 2022.09.14 · Twitter for iPhone

Зураг 2. Твиттер 2022.09.14

Энэ тохиолдолд идсэн хоол нь машид их таалагдаж эерэг сэтгэгдэл төрж, шимтэн идсэн гэдгийг 🍷, 😊 сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи)-ээр төлөөлүүлжээ.

Зураг 3. Твиттер 2022.08.16

Нийтлэгч загвар өмсөгч эмэгтэйн гоо сайхан, биеэ гайхамшигтай авч явааг гайхан биширч, бахархан шүтэж буйгаа 🍷 сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (emoji)-ээр нэмэн өөрийн санааг хэн бүхэнд ойлгомжтойгоор бүрэн илэрхийлсэн байна.

Зураг 4. Фэйсбүүк 2022.09.14

Загвар өмсөгч үүнхээр гоё
янзага шиг эмэгтэй тэ. Жинхэнэ
натурал beauty 🥰

13:55 - 2022.08.16 · Twitter for Android

Манай гэнэ энэ жил бас л "Багш нарын баяр" тэмдэглэхгүй сураг дуулдлаа. Хэмнэлтийн горим ч юм уу эсвэл элсэгч цөөн мөнгө муутай гэж байгаа юм уу бүү мэд л дээ. Би зүгээр л . . . ийн жишээг хэлэх гэсэн юм. Өнгөрсөн жил хэмнэлтийн горим гээд дээрээс хориглосон ч төв сургуулиас нь тэнхим бүрт тодорхой хэмжээний төсөв гаргаж өгөн баяраа албан бусаар тэмдэглэн өнгөрүүлсэн. Энэ жил 80 жилийн ой гээд тэмдэглэнэ л гэгцгээж байна лээ. Багш бэлтгэдэг ганц сургууль нь Багш нараа баяраар нь баярлуулж чадахгүй байна гэхээр хэцүү л санагдах юм. Мэдээж зарим нэг хүмүүс тэр баяраар яадаг юм гэгцгээх л байх. Гэхдээ бид Багш нарыг бэлддэг Багш нар шүү дээ. Багш нарын баярыг тэмдэглэхгүй гэхээр нэг л бууж өгөхгүй байна...

Тэмдэглэхимээр л байшд 😞 Сэтгэлээ сэргээж сэрүүн тунгалаг гэдгээ мэдэрчихмээр л байна 😊

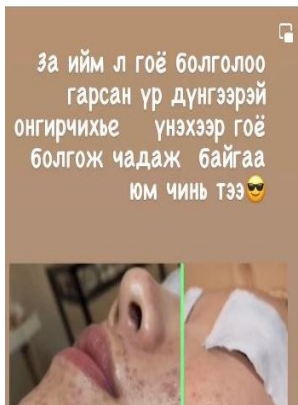
Би хурал дээрээ тэмдэглэе гээд хэлчихсэн. Баяр ёслолгүй бол сэтгэл санаагаар явчих гээд байна. 😊😊 ковидын дараах төгс эмчилгээ бол сэтгэл засал мөөн 😊

Манай захирал шиг зангарагатай бай л даа энэ тэр. Чингис хаан шиг манлайлах төрөлхийн ховор чадвартай шүү кккк. 😊😊

Ийнхүү битүүхэндээ горьдлого, итгэл тээсэн сэтгэгдлүүд ар араасаа хөврөх нь цар тахлын аюулт өвчин гарсаны улмаас хөл хорионд байж элдэв үйл ажиллагаа, баярт мөчөө хуваалцаж чадаагүй хэдэн жил болсон, хамт олноороо баярлан хөөрч, тэднээрээ бахархан, бахдам амжилтаас нь урам аван эрч хүчээр цэнэглэгдэж, нэг нэгнээ хайрлан энэрэх чин сэтгэлийн таашаал эдэлж, ядарч, зүдэрсэн, өвдөж зовсон үеэ мартагнан улмаар стрессээ тайлж ажлын нөхөдтэйгээ сэтгэл санаагаа сэргээх чин хүсэл нь эмгүй эмчилгээ болох нигууртайг дашрамд дурдаад эрүүл мэндийн эмгүй эмчилгээг дэмжээрэй, мөнгө хөрөнгөнөөс илүү эрүүл мэнд чухал учир ирээдүйд үүнээс илүү хэмнэлт үгүй болох магадлалтай шүү хэмээгээд дээрх сэтгэгдэлд эшлэгдсэн тэрхүү их Чингис хаан шиг манлайлан удирдах чадвартай салбар сургуулийн захирал лугаа хаа хаанаа зоримог, боловсон хүчин, ард түмнээ сэргээх чин сэтгэлтэй, хүнлэг байгаасай хэмээн хүснэм.

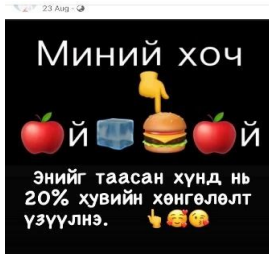
Зураг 5. Фэйсбүүк 2022.09.05

Нэгэн гоо сайханч эмэгтэй өөрийн чадвар, мэргэжлээрээ бахархан бас хүү гайхуулан бичсэн энэхүү

За ийм л гоё болголоо
гарсан үр дүнгээрэй
онгирчихье үнэхээр гоё
болгож чадаж байгаа
юм чинь тээ 😊

нийтлэлийг эерэг сэтгэл хөдлөлөө илэрхийлсэн сэтгэгдэл, зурвасууд ар араасаа сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи)-тэй үргэлжлэх нь “мэргэжил бүхэн сайхан” гэсэн зүйрийг санагдуулна.

Зураг 6. Фэйсбүүк 2022.08.23

Үйлчилгээний байгууллагын хөнгөлөлт урамшуулал хүртэл хүмүүст таатай сэтгэгдэл төрүүлж, эерэг мэдрэмж бөгөөд эелдэг сэтгэгдэл төрүүлэхийн тулд таавар таалгаж, үйлчлүүлэгч нараа татаж таатай мэдрэмж төрүүлж, улмаар өөрөө ч сэтгэл хөдлөлөө барьж ядан буйгаа 😊, 😘 сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи)-ээр илэрхийлсэн байна.

Зураг 7. Фэйсбүүк 2022.09.25

Ижий бурханаа шүтэн, хайрлаж, магтан ду-

улсан мөрүүд 🙏 сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи)-тэй сүлэлдэн байгаа нь уярмаар, огшмоор. Энхүү шүлгийн мөрүүдийг уншсан хэн бүхний сэтгэл хөдлөхгүй, ээжийгээ дурсан санахгүй байхын аргагүй.

Зураг 8. Твиттер 2022.09.22

Сургуулийн орчинд соёлтой бай, бусдад бүү саад бол, бусдыг хүндэлж сур гэсэн агуулга бүхий нийтлэлд тухайн хүний уур бухимдал ямар түвшинд хүрснийг илэрхийлээд зогсохгүй, гуйх, тэр их чимээ шуугианд аргаа барсан гэдгээ нэлээд олон сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи)-ээр илэрхийлснийг харсан бүхэн дотроо нэгийг тунгаах биз ээ.

Зураг 9. Фэйсбүүк 2020.03.28

Бие жижигтэй эмэгтэйчүүд гутал, хувцас сонгоход бэрхшээл бишгүй тохиолддог гэдгийг сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи) 🤔-ээр илэрхийлсэн нь цөхрөнгөө барсан гэмээр.

Зураг 10. Фэйсбүүк 2022.09.20

Энд мөн л жижиг биетэй найзуудаа өхөөрдөн хайрлан, бодолдоо төсөөлөн инээдээ барьж ядан байгааг 😂😭🙏🖤 сэтгэл хөдлөлийн дүрслэл (эможи)-үүдээр төлөөлүүлсэн нь эерэг хандлагыг мэдрүүлнэ.

Ийнхүү цахим орчны харилцан ярианд сэтгэл хөдлөлөө “эможи” нэмэн олонд илэрхий болгож буй явдал нийтлэг болсон нь элбэг ажиглагдана.

Дүгнэлт

Монгол улсын өнөөгийн цахим харилцаанд төрөл бүрийн олон нийтийн цахим сүлжээг өргөнөөр хэрэглэх болсон билээ. Цахим харилцааны онцлогоос шалтгаалж, цаг хугацаа хэмнэх, үр бүтээмжийг дээшлүүлэхийн тулд хэлний аль болох энгийн хэмнэлттэй хэлбэрийг сонгон хэрэглэж байгааг нэг талдаа сайшаах ч хэлний хэм хэмжээг хадгалан харилцах тал дээр төвөгтэй асуудал үүсч байгааг дурдалгүй өнгөрч боломгүй. Бидний хувьд цахим орчин дахь харилцан яриа болон харилцаанд оролцогч талуудын сэтгэл хөдлөлийн илэрхийллийг судлах оролдого хийсэн бөгөөд тэр дундаа харилцааны үгэн хэлбэрийг орлож буй тэмдэгт болох эможийн хэрэглээг авч үзсэн болно.

Нийгмийн сүлжээний томоохон сайтуудаас тусгай шалгуурын дагуу Фэйсбүүк болон Твиттерийг сонгон авч түүвэрлэсэн жишээ баримтуудыг задлан шинжлэхэд цахим харилцаанд оролцогч талууд сэтгэл хөдлөлөө “эможи” — гоор илэрхийлэх явцдаа сөргөөс илүү эерэг агуулгыг илэрхийлсэн тэмдэгтийг илүү хэрэглэж байсан нь нотлогдсон ба сүүлийн жилүүдэд дэлхий нийтийг хамарсан аюулт өвчин болон манай улсын нийгэм улс төрийн таагүй үзэгдлийн улмаас сөрөг агуулга илэрхийлсэн “эможи”-ийг хэрэглэх явдал нэмэгдэх хандлагатай байна хэмээн бид үзэж байна. Ийнхүү нэг тэмдэг бүхий дүрсээр (эможи) бүтэн өгүүлбэрийн санааг илэрхийлж байгаа нь аль болох богино товч, ойлгомжтой байх зарчмыг баримталж байгаа хэрэг бөгөөд энэ нь цахим харилцааны онцлог юм. Гэсэн хэдий ч эх хэлээ хайрлан хамгаалах, хэлний хэм хэмжээг баримтлах үүднээс цахим орчин дахь харилцан яриа, түүнд оролцогч талуудын хэрэглэж буй үгэн ба үгэн бус хэлбэрийн аль алиныг харгалзан үзэж, нарийвчлан судлах зайлгүй шаардлагатай байна.

Номзүй

1. AbuSa'aleek A. O. Internet Linguistics: A Linguistic Analysis of Electronic Discourse as a New Variety of Language // International Journal of English Linguistics 2015. № 5(1). 135 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.5539/ijel.v5n1>
2. AbuSa'aleek A. O. Students' Perceptions of English Language Learning in the Facebook Context // Teaching English with Technology. 2015. № 15(4). P. 60–75.
3. Alotaibi M. S. The Impact of Twitter on Saudi Banking Sectors in the Presence of Social Media: An Evaluative Study International Research // Journal of Library and Information Science. 2013. № 3(4). P. 618–630.
4. Baron N. S. Discourse Structures in Instant Messaging: The case of utterance breaks // Language@ Internet. 2010. № 7(4). Retrieved from <http://www.languageatinternet.org/articles/2010/2651>
5. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge university press, 1. 1983.
6. Clift R. Conversation Analysis. Cambridge University Press. New York, USA: Bloomsbury, 2016.
7. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139164771>.
8. Crystal D. Language and the Internet (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University, 2006. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511487002>.
9. De Neve J. E., Diener E., Tay L., Xuereb C. The objective benefits of subjective well-being. In J. Helliwell, R. Layard, & J. Sachs (Eds.), 2013. World happiness report. P. 54–79. New York, NY: Sustainable Development Solutions Network. Ekman, P. 1992. An argument for basic emotions. Cognition and Emotion. № 6(3–4). P. 169–200.
10. Eggins S., Slade D. Analysing casual conversation. London New York: Cassell, 1997. P. 24.
11. Ekman P. Basic emotions. In T. Dalgleish & M. Power (Eds.), Handbook of Cognition and Emotion. 1999. Sussex, U.K.: John Wiley & Sons. P. 45–60.
12. Fredrickson B. L. The role of positive emotion in positive psychology: The broaden and build theory of positive emotion. American Psychologist, 2001. № 56(3).
13. Heritage J. Ethnomethodology / In A. Giddens & J. H. Turner (Eds.) // Social theory today. 1987. P. 224–272. Cambridge, UK: Polity.
14. Hopper R., Koch S., Mandelbaum J. Conversation analysis methods / In D. G. Ellis & W. A. Donohue (Eds.) // Contemporary issues in language and discourse processes. 1986. P. 169–186. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
15. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография. Москва: Флинта; Наука, 2014. 322 с. Текст: непосредственный.
16. Kahneman D., Krueger A. Developments in the measurement of subjective well-being // Journal of Economic Perspectives. 2006. № 20(1). P. 3–24.
17. Markee N. Conversation analysis. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000.
18. Мөнх-Амгалан Ю. Орчин цагийн монгол хэлний баймжийн ай. 1998. P. 221, 269.
19. Muniandy A. V. Electronic discourse (E-discourse): Spoken, written or a new hybrid? // Prospect-Adelaide, Faculty of Language Studies Universiti Kebangsaan Malaysia. 2002. № 17(3). P. 45–68.
20. Нансалмаа Н. Нийгэм хэл шинжлэл. Улаанбаатар, 2019. X. 26–59.
21. Нармандах Х., Цолмон Ш. “Эможи”-ийн үүргийг сэтгэц хэл шинжлэлийн үүднээс шинжлэх нь”. Хэрэглээний хэл шинжлэлсэтгүүл. Боть VI (21), Дэвтэр 1–18, 2021. X. 141–160.
22. O'Grady, William et al. Contemporary Linguistics: An Introduction. Bedford. 2001.
23. Panckhurst R. Le discours électronique médié: bilan et perspectives, in A. Piolat (ed.), Lire, écrire, communiquer et apprendre avec Internet. Marseille: Éditions Solal, 2006. P. 345–366.

24. Paulus T., Warren A., Lester J. Applying Conversation Analysis Methods to Online Talk: A Literature Review. *Discourse, Context & Media*. 2016. № 12, 1–10. 10.1016/j.dcm.2016.04.001.
25. Pop L. Ce qui reste des relations de discours en cyberl@ngue [What About Discourse Relations in Cyberlanguage?]. *Recherches ACLIF: Actes du Séminaire de Didactique Universitaire*, 2008. № 5(1). P. 130–144.
26. Rose S., Spinks N., Canhoto A. I. *Management Research: Applying the Principles*. London and New York: Routledge Taylor and Friends Group, 2014.
27. Seliger H. W., Shohamy E. *Second language research methods*. Oxford, UK: Oxford University Press, 1989.
28. Sun H. M. A Study of the Features of Internet English from the Linguistic Perspective. *Studies in Literature and Language*. 2010. № 1(7). P. 98–103.
29. Tang Y., Hew Kh. Using Twitter for Education: Beneficial or Simply a Waste of Time? *Computers & Education*. 2017. DOI: 106. 97–118. DOI: 10.1016/j.compedu. 2016.12.004.
30. Thurlow C. Generation txt? Exposing the Sociolinguistics of Young People's Text-Messaging. 2003. *Discourse Analysis Online*, 1(1). Retrieved from https://www.researchgate.net/profile/Crispin_Thurlow/publication/259258527_Generation Txt_The_sociolinguistics_of_young_people's_text_messaging/links/56c5fc5708ae408dfe4ca641.pdf
31. Varnhagen C. K., McFall G. P., Pugh N., Routledge L., Sumida-MacDonald H., Kwong T. E. Lol: New Language and Spelling in Instant Messaging. *Reading and Writing*, 2010. № 23(6). P. 719–733. DOI: 10.1007/s11145-009-9181-y.
32. Xiao M., Yang X. The Effects of Internet-based Desktop Videoconference on EFL Students' Oral Skills in Terms of Linguistic Accuracy, Fluency and Complexity / In P. Kommers & G. Richards (Eds.), *Proceedings of ED-MEDIA 2005--World Conference on Educational Multimedia, Hypermedia & Telecommunications*, 882–885. Montreal, Canada: Association for the Advancement of Computing in Education (AACE), 2005. Retrieved from <https://www.learnlib.org/primary/p/20191>.

Online sources:

1. URL: <https://www.simplypsychology.org/what-is-ethnomethodology.html>
2. URL: <https://www.thoughtco.com>
3. URL: <https://www.merriam-webster.com>
4. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

E-CONVERSATION AND EMOTION

© **Narmandakh Khaltar**

Master of Linguistics
Mongolian National University of Education
Mongolia, Ulan-Bator

© **Tsolmon Shirnen**

Candidate of Philological Sciences,
Teachers of School of Humanities and Social Sciences,
Mongolian National University of Education
Mongolia, Ulan-Bator
kh.narmandakh@msue.edu.mn, tsolmon@msue.edu.mn

Abstract. Recently, modern technology and communication tools have seen widespread use in education and language development research, particularly in sociolinguistics. Conversational analysis, also known as dialogue and ethnomethodology, is the study of speech that occurs during the course of people's everyday communication, and sociologist Harvey Sacks

(1935–1975) is regarded as the science's founder. As a result, we decided to make observations and draw conclusions about how this conversation takes place in the modern world, on the internet, and how people express their emotions.

In this way, when analyzing how people express their emotions during online communication, we gathered data from the messages of users of the world's most popular social networking sites, Facebook and Twitter.

Keywords: e-communication, emotion, emotional expressions, emoji, Facebook, Twitter.

ОБЫДЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

© Пүрэв Алимаа

декан факультета международных отношений,
Монгольский национальный университет,
Монголия, г. Улан-Батор
alimaa9666@gmail.com

Аннотация. В статье описываются вопросы актуальности фразеологических единиц для бытового сознания носителя языка с опорой на психолингвистическое анкетирование. Эксперимент проводился с носителями монгольского языка — студентами Монгольского национального университета (г. Улан-Батор). В статье представлены результаты анкетирования, направленного на выявление актуальной для современного монгольского узуса фразеологией. Осуществляется количественный и тематический анализ фразеологического материала.

Ключевые слова: фразеологические единицы, актуальный фразеологизм, узус, образность, монгольский язык, семантические группы.

Исследование монгольской фразеологии в различных аспектах в последние годы привлекает внимание многих исследователей. Вопросы фразеологии монгольских языков нашли отражение в трудах таких крупных ученых-монголистов, как Т. А. Бертагаев, Г. Ц. Пюрбеев, Ширнэн Цолмон, Чой Лувсанжав, Д. Бадамдорж, Г. Аким и мн. др. В исследованиях характеризуются грамматические особенности фразеологических единиц [1], осуществляется этимологический анализ известных фразеологических оборотов [2], описывается национально-культурная специфика монгольских фразеологизмов [3]. Так же, как и в других национальных традициях обсуждаются общие вопросы объема фразеологии (*хэлц үг*), специфические особенности фразеологических единиц [4], классификации фразеологизмов [5].

Расширение политических, экономических и культурных связей с зарубежными странами влечет за собой резкую интенсификацию языковых контактов на всех уровнях общества и объективно ставит новые лингвистические задачи как теоретического, так и практического плана. Особое внимание уделяется сопоставительной фразеологии, проявлению национального характера во фразеологизмах, соответственно, проблеме перевода монгольских фразеологизмов на другой язык, проблема понимания их носителями других языков. Но несмотря на осознаваемую необходимость изучения фразеологии в данном аспекте, исследований в этом направлении пока мало. В сопоставительном плане для русского и монгольского языков этот вопрос был поднят С. Галсаном, Т. А. Бертагаевым, Д. Дашдаваа, которые обратили внимание на то, что описательные варианты в русском и монгольском встречаются именно тогда, когда отдельные понятия, обозначаемые теми или иными словами, могут отсутствовать в самой жизни носителей одного из языков [6; 7].

Однако большинство исследований базируется на художественных источниках, слабо используя узуальный материал, в то время как процессы интеграции этносов, повышение динамики жизни не могли не оказать влияние на речевые

структуры в целом и на фразеологию в частности. Не исключено, что традиционная монгольская фразеология частично устаревает, ситуации, описанные во фразеологизмах, деактуализируются, стирается фразеологическая образность в идиомах. Проследить данные явления возможно путем обращения к языковой интуиции носителей языка. Ранее разработанные классификации идиом монгольского языка Лувсанжавы Чой (Лувсанжав, 2006) и Акима Г. (Аким, 1999) опираются частично на семантический, а частично на морфологический принцип [2, 12]. Но при этом, описания принципа классификаций охватывают только малую часть идиоматических выражений монгольского языка и не содержат стандартных параметров, оперевшись на которые можно с точностью отнести не указанные в классификации идиомы в ту или иную категорию. Поэтому психолингвистические исследования языковой обработки идиом показывают важность для носителей таких психолингвистических параметров, как частотность, буквальность и употребляемость [14].

Таким образом, данное исследование преследует цель: установить и кратко описать ядро фразеологического фонда монгольского языка, по материалам анализа обыденных представлений носителей монгольского языка. Для достижения поставленной цели была проведена серия экспериментов. На первом этапе эксперимента был произведен сбор монгольских фразеологизмов у самих носителей языка, различающихся по полу, возрасту и роду деятельности. Респондентам в количестве 82 человек было предложено написать фразеологизмы, которые они знают и употребляют. Проведя обработку полученных результатов, мы отобрали наиболее употребительные 100 фразеологизмов, которые представили уже в анкетировании второго этапа. Информантам предлагалось ответить на следующие вопросы: 1. Известен ли данный фразеологизм? 2. Употребляет ли информант его в обыденной жизни? 3. Каково значение этого фразеологизма? Материал предлагался в письменной форме, время для выполнения задания не ограничивалось. В роли респондентов выступили студенты экономического и медицинского факультетов Монгольского национального университета и преподаватели политехнического колледжа “Универсал” при МНУ (г. Улан-Батор), в общем количестве 100 человек. Отбор аудитории обусловлен установкой на узусализованность в обыденной, непрофессиональной речи информантов. Подобный подход репрезентирован в статье [8], где представлены результаты пилотного анкетирования жителей Ховдского аймака (Западная Монголия). В нашем исследовании был значительно расширен фразеологический материал и увеличено количество испытуемых.

В статье обсуждаются результаты ответов на первые два вопроса. Значение рассматривается в аспекте верификации ответов о знании фразеологизма. Необязательное совпадение параметров знания фразеологизма и его употребления позволяет разграничить пассивный и активный фразеологический запас. Если фактор знания (распознавания) фразеологизма измеряется в абсолютных единицах, то фактор употребляемости имеет двойную характеристику: абсолютную и относительную, вторая из которых вычисляется относительно знания идиомы: если все, кто знает данную идиому, ее употребляет, относительный % равняется 100.

Анкетирование показало, что большинство из представленных фразеологических единиц в той или иной степени используются в речи. Примечательно не только несовпадение ядра пассивного и активного фразеологического запаса, но и

то, что в ядро по фактору употребительности (более 75% относительно фактора знания) попадает 50 единиц, а по фактору знания — 22 (более чем в 2 раза меньше), что говорит об определенной связанности факторов знания и употребления (если фразеологизм известен, высока вероятность его использования в речи).

В ядро по фактору знания вошли следующие фразеологизмы: *магнай тэнийх* (букв. *расправить лоб, “радоваться сделанному”*); *нар нь гарах* (букв. *выглянуло солнце, “обрадоваться, стать счастливым”*); *алтан хошуу хүргэх* (букв. *доставить золотой рот, “доносить, ябедничать”*); *гэдэс гарах* (живот выпирает вперёд, “досыта поест, насытится”); *нэг тэрэгний дугуй* (колеса одной телеги, “одного поля ягода, непутевый”); *зүү орох зайгүй* (букв. *иголке не пройти, “не разлей вода, близкие”*); *усны дусал шиг* (букв. *как капли воды, “одинаковые, точь в точь”*); *хаврын тэнгэр шиг* (букв. *быть как весеннее небо, “неустойчивый, переменчивый, многохарактерный”*); *яс махны тасархай* (букв. *частичка от костей и мяса, “кровный, родной”*); *гар бариад бугуй барих* (букв. *взять за руку, потом за запястье, “все большие наглеть, переходить границы”*).

Таблица 1

Ядро по распознаваемости

№	Монгольский фразеологизм	Буквальный перевод	знает/не знает (чел)	(%) опознания
1	Магнай тэнийтэл	лоб разгладить	92	95,8
2	Зулай зулайгаа гишгэж гарах	выйти ступая темя на темя	90	93,7
3	Нар нь гарах	выглянуло солнце	88	91,6
4	Сэтгэл алдрах	потерять чувства	87	90,6
5	Алтан хошуу хүргэх	преподнести золотой рот	87	90,6
6	Гэдэс гарах	животом вперёд, живот выпирает вперёд	86	89,5
7	Буруу ишилсэн сүх шиг	как топор с неправильной рукояткой	85	88,5
8	Таван салаа боов амсуулах	дать попробовать вкус пяти пальцев	84	87,5
9	Давсанд явах	пойти за солью	83	86,4
10	Морь харах	посмотреть на коня	83	86,4
11	Нүд үзүүрлэх	точить глаза	83	86,4
12	Нэг тэрэгний дугуй	колеса одной телеги	83	86,4
13	Усны дусал шиг	как капли воды	83	86,4
14	Өнгөрсөн борооны хойноос цув нөмрөх	накинуть плащ после дождя	82	85,4
15	Зүү орох зайгүй	иголке не пройти	82	85,4
16	Яс махны тасархай	частичка от костей и мяса	82	85,4

17	Зүрх үхэх	сердце умерло	80	83,3
18	Алган дээрээ бөмбөрүүлэх	катать на ладонях	79	82,2
19	Хаврын тэнгэр шиг	как весеннее небо	77	80,2
20	Гар бариад бугуй барих	взять за руку потом за запястье	76	79,1

По фактору употребительности ядро составили: **шүд зуух** (букв. стиснуть зубы, “а. терпеть сквозь зубы, б. держать злобу на кого-то”); **хамраа сөхөх** (букв. поднять нос, “загордиться, задрать нос”); **өрөмний өт шиг** (букв. быть как черви сверлящий, “ерзать, неусидчивый”); **нохойн дуу ойртох** (букв. близится лай собаки, “дождались, уже скоро”); **за гэвэл ёогүй** (букв. сказал “да” не стони, “держат слово, делай и не скули”); **хүний амаар будаа идэх** (букв. есть рис чужим ртом, “не иметь своего мнения, пользоваться подсказкой”); **чих нь алт болох** (букв. уши стали золотыми, “услышать то что не должен был, перебор информации”); **загатнасан газар нь маажих** (букв. почесать где чешется, “уместно, попасть в точку”); **зажлалгүй залгих** (букв. глотать не жуя, “легко”); **гол харлах** (букв. в центре почернело, “а. проголодаться, б. жадничать, в. на душе скверно”); **гол гаргах** (букв. переправить через реку, “обмануть, кинуть”); **цаасан малгай өмсгөх** (букв. надеть кому-то бумажную шапку, “нахвалять, обманывать говоря красивые глаза”); **гэр амьтай** (букв. домашняя душа, “не любит ходить куда-либо, домашний”); **хамраа сөхөх** (букв. задирать нос, “показывать высокомерие”).

Таблица 2

Ядро по употребляемости

№	Монгольский фразеологизм	Буквальный перевод	упот/не упот (чел)	относит (%) упот
1	Нар нь гарах	выглянуло солнце	88	100,0
2	Өнгөрсөн борооны хойноос цув нөмрөх	накинуть плащ после дождя	82	100,0
3	Зүрх үхэх	сердце умерло	80	100,0
4	Шүд зуух	стиснуть зубы	74	100,0
5	Өдрийн бодол шөнийн зүүд	днём думается, ночью снится	68	100,0
6	Нүүр хагарах	лицо разбить	67	100,0
7	Хамраа сөхөх	задирать нос	66	100,0
8	Өрөмний өт шиг	быть как червь сверлящий	62	100,0
9	Нохойн дуу ойртох	лай собаки приближается	56	100,0
10	За гэвэл ёогүй	сказал “Да” не стони	55	100,0
11	Хүний амаар будаа идэх	есть рис чужим ртом	52	100,0

12	Чих нь алт болох	уши стали золотыми	51	100,0
13	Загатнасан газар нь маажих	почесать, там где чешется	50	100,0
14	Зажлалгүй залгих	глотать не жуя	36	100,0
15	Гол харлах	внутри почернело	20	100,0
16	Гол гаргах	переправить через реку	14	100,0
17	Ганзага нийлэх	тороки седла не мешаются	74	98,6
18	Гэр амьтай	домашняя душа	68	97,1
19	Гараа гаргах	руки выставить на показ	62	96,8
20	Нэг сумаар хоёр туулай буудах	одной стрелой двух зайцев убить	61	96,8
21	Хүний үнэргүй	без запаха человека	58	96,6
22	Гар бариад бугуй барих	взять за руку, потом за запястье	72	94,7
23	Цаасан малгай өмсгөх	надеть кому-то бумажную шапку	70	94,5
24	Хоёр нүүр гаргах	показывать два лица, двуличие	52	94,5
25	Усны дусал шиг	как капли воды	78	93,9
26	Амаа барих	держат рот	59	93,6
27	Алтан хошуу өргөх	преподнести золотой рот	81	93,1
28	Яс махны тасархай	отрывок от костей и мяса	76	92,6
29	Босго өндөртэй	высокий порог	35	92,1
30	Харвасан сум шиг	как пущенная стрела	57	90,4
31	Аавдаа адуу манахыг заах (аавдаа авгай авахыг заах)	учить отца пасти коней (учить отца выбирать жену)	45	88,2
32	Хэл нь загатнах	язык чешется	45	88,2
33	Бөгс нь загатнах	попа чешется	54	87,0
34	Толгой дээр гарах	влезть на голову	67	85,8
35	Дургүйд хүчгүй	без желания и сила не действует	48	85,7
36	Хөлд нь чирэгдэх	волочиться или тащиться в чьих-то ногах	44	84,6
37	Таван салаа боов өгөх	дать попробовать вкус пяти пальцев	58	84,0
38	Морь харах	смотреть коня	69	83,1
39	Нүд үзүүрлэх	сверлить взглядом	69	83,1
40	Арван хуруу тэгш	все десять пальцев прямые	48	82,7

41	Нуухыг нь авах гээд нүдийг нь сохлох	пытаясь удалить гной на глазах выколоть глаз	42	82,3
42	Зүүдээ ярих гээд хулгайгаа ярих	рассказывая про свой сон обмолвиться о краже	45	80,3
43	Зүү орох зайгүй	иголке негде пройти	65	79,2
44	Юм үзэж нүд тайлах	увидеть, глаза раскрыть	44	78,5
45	Амны хишигтэй	успешный рот, полный рот успеха	31	77,5
46	Алган дээр байгаа юм шиг	быть как на ладони	31	77,5
47	Сэтгэл алдрах	потерять чувства	67	77,0
48	Зулай зулайгаа гишгэж гарах	ступая темя на темя	68	75,5
49	Хаврын тэнгэр шиг	как весеннее небо	58	75,3
50	Тал засах	застелить (ту или иную) сторону	48	75,0

Различие между знанием фразеологической единицы и ее использованием в некоторых случаях очень существенно. Нередко более известные фразеологизмы оказываются в речи менее употребительны. Например, употребительность фразеологизмов *нар нь гарах* (букв. *солнце выглянуло, “обрадоваться”*), *зүрх үхэх* (сердце умерло, “сердце в пятки ушло, бояться”); *ганзага нийлэх* (букв. *тороки седла не мешают друг другу, “сопутствие удачи”*), *өнгөрсөн борооны хойноос цув нөмрөх* (букв. *накинуть плащ после дождя*) соотносима с их знанием. Напротив, фразеологизм *нэг тэрэгний дугуй* (букв. *колеса одной телеги*) известен всем, но употребляется редко. Вероятно, данная оценка ситуации не характерна для речи современной молодежи: *нүүр хагарах* (букв. *лицо разбить, “а. перестать стесняться, разбить барьер, б. познакомиться, сдружиться”*). Близкая ситуация возникает и с фразеологизмами *үнэгний нүд залгих* (букв. *проглотить лисьи глаза*), *хорголоо тоолох* (букв. *считать овечьи какашки*), *давсанд явах* (букв. *пойти за солью*), *бухын доодхыг харж үнэг турж үхнэ* (букв. *лиса умрет с голоду смотря под быка*), *гууль нь цухуйх* (букв. *медь проявилась*). По всей видимости, некоторые традиционные этические ситуации и качества характера (скупость, мечтательность, скрытность и т. д.) утрачивают значимость в современном обществе и уже не оцениваются как резко отрицательные или этически маркированные.

Нас интересовало, насколько системно коррелируют факторы «знакомости» и «употребительности». Корреляция между знакомостью и употребляемостью в абсолютных процентах — 0,73%, (то есть относительно высокая, что означает связанность этих двух параметров в абсолютных цифрах); с употребляемостью в относительных процентах — 0,58% (средняя). Эти данные позволяют утверждать, что для хорошо известных фразеологизмов достаточно типична ситуация их редкого употребления, возможно в связи с «затертостью» их образности или избыточной назидательностью. С другой стороны, менее известные единицы могут широко использоваться в речи говорящего. Лексико-семантический анализ актуальных фразеологизмов базировался на двух подходах: фактор ключевых слов и тематическое распределение фразеологизмов. Предполагается, что в лексических и

смысловых доминантах фиксируется этническая специфика фразеологических единиц.

Анализ показал активность компаративных и отрицательных конструкций во фразеологическом ядре монгольского языка. Наиболее актуальными лексическими группами ключевых слов монгольских фразеологизмов являются: 1) соматизмы: *глаз 8; рот, рука 6; нога, ладонь 4; ухо, язык, железа 3; голова, грудь, колено, лицо, лоб, сердце, темя, пятка 2; подбородок, живот, желудок, попка, пальцы рук, зубы, запястье, тело, мускулы 1*. Всего 25 различных соматизмов и 62 употребления; 2) зоонимы: *собака 4; бык, заяц, конь, корова, овец, теленок 2; лиса/лисы — по 1; волк 1* — всего 9 животных (6 домашних) и 19 случаев употребления; 3) артефакты, бытовая лексика: *телега, седло, тороки, стрела, иголка, изделие 2; чашка, монета, ружье 1* — 9 лексем и 15 случаев употреблений; 4) числа: *один 3; пять, семь 2; семьдесят, десять 1* — 5/9. Как мы видим, в лексическом составе актуальной монгольской фразеологии выделяются соматические единицы, что доказывает сохранение антропоцентричности как свойства фразеологии. Соматизмы играют большую роль в фразеологии различных языков, что обусловлено их центральным положением в структуре лексического фонда языка. Однако значимость зоонимов для современного фразеологического фонда указывает на традиционность актуальной монгольской фразеологии, отражающей скотоводческую доминанту в картине мира монголов. Необходимо также заметить, что для монгольской актуальной фразеологии не характерно использование абстрактной лексики.

Литература

1. Аким Г. Монгол өвөрмөц хэлцийн товч тайлбар толь. Улан-Батор, 1999. 211 с. Текст: непосредственный.
2. Бертагаев Т. А. Лексика монгольских языков (опыт исследования слов и фразеологических сочетаний в их номинативной функции на материале бурятского, халхасского и других монгольских языков): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 1947. 382 с. Текст: непосредственный.
3. Дамдинсүрэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос монгол толь. Улан-Батор, 1982. 840 с. Текст: непосредственный.
4. Дашдаваа Д. Способы передачи фразеологизмов. Текст: непосредственный // Пособие по переводу. Улан-Батор, 1985. С. 41.
5. Лувсанжав Ч. Монгол хэлний өвөрмөц хэллэг. Улан-Батор, 2006. 108 с. Текст: непосредственный.
6. Лувсанжав Чой. Орос-монгол өвөрмөц хэллэгийн толь. Улан-Батор, 1970. 639 с.
7. Мишиг Л. Монгол хэлний холбоо үгийн зүйл. Улан-Батор, 1957. 32 с.
8. Монгол орос толь / под редакцией А. Лувсандэндэва. Москва, 1957. 716 с.
9. Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: материалы VII Международной научной конференции. АГПУ им. В. М. Шукшина, 2022. 56 с. Текст: непосредственный.
10. Пагва Т. Хэлний шинжлэлийн удиртгал. Улан-Батор, 1959. 179 с.
11. Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. Москва, 1972. 207 с. Текст: непосредственный.
12. Трофимова С. М., Сайнбаяр В. Фразеологизмы в языковом сознании носителей (на материале монгольской фразеологии) // *Central Asian Journal of Basic and Applied Research*. 2016. № 6. Текст: непосредственный.
13. Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улан-Батор, 1966. 912 с.

14. Ширнэн Ц. Сопоставительное исследование фразеологизмов монгольского и русского языков (лингвокультурологический аспект): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Батор, 2006. 144 с. Текст непосредственный.

EVERYDAY PHRASEOLOGY OF THE MONGOLIAN LANGUAGE

© **Purev Alimaa**

Dean of the Faculty of International Relations,
Mongolian National University
Mongolia, Ulaanbaatar
alimaa9666@gmail.com

Abstract. The article describes the issues of the relevance of phraseological units for the everyday consciousness of a native speaker based on a psycholinguistic questionnaire. The experiment was conducted with native speakers of the Mongolian language — students of the Mongolian National University (Ulaanbaatar). The article presents the results of a questionnaire aimed at identifying phraseology relevant to the modern Mongolian usage. Quantitative and thematic analysis of phraseological material is carried out.

Keywords: phraseological units, actual phraseology, usage, imagery, Mongolian language, semantic groups.

**ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СОЙОТСКОГО ЯЗЫКА:
ОПИСАНИЕ В. И. РАССАДИНА**

© Тагарова Татьяна Боровна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры бурятской филологии,
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
Россия, г. Иркутск
bogoevna@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена характеристике фонетического строя сойотского языка в книге В. И. Рассадина. Актуальность темы связана с проблемой исчезновения языков малых народностей и их восстановления. Безусловно, сохранение уникальной культуры и языка любого народа имеет огромное значение в эпоху глобализации. В установлении идентичности языка, народа важно наличие письменных источников, отсутствующих у обуряченных сойотов. При таких обстоятельствах можно принять труды В. И. Рассадина за первоисточники для изучения языка. По ним сойотские школьники вновь изучают забытый язык. Звуковой строй — самая важная часть языка — описывается В. И. Рассадиным очень подробно, с привлечением широкого круга языкового материала. Им выявлены типичные для тюркских языков фонетические черты, такие как наличие систем гласных, противопоставляющихся по мягкорядности и твердорядности, дифтонгов, фарингализованных гласных, системы согласных, слабых и сильных, подвергающихся влиянию гласных, вызывающих ассимиляцию и диссимиляцию. Также характерная черта алтайских языков — сингармонизм — имеет место и в сойотском языке. Для обозначения специфических звуков сойотского языка автор предложил дополнительные буквы к русскому алфавиту с диакритическими знаками. В настоящее время отмечается бурятизация сойотов, смешение сойотов с бурятами, переход еще в ранние времена с традиционного хозяйствования — оленеводства — на тип животноводства, распространенного у бурят.

Ключевые слова: сойотский язык; тюркский фонетический строй; гласные фарингализованные; сингармонизм; согласные сильные и слабые.

Историей, культурой, языком сойотов интересовались крупные ученые Б. Э. Петри, В. И. Рассадин, Н. Р. Павлинская и др. В последние десятилетия неоднократно предпринимались научно-исследовательские экспедиции для изучения состояния языка, культуры, хозяйственной деятельности сойотов, проживающих в Окинском районе.

Острая проблема заключается в возрождении языка и культуры данного народа. Это особенно актуально в эпоху глобализации, когда этносы хотят сохранить свою уникальную культуру и язык. Эта проблема связана с проблемой самоидентификации отдельного народа, племени, что вызывает глубокий интерес и в теоретическом плане.

Происхождение сойотов имеет различное толкование, что создает расхождения в определении этого народа как отдельного этноса со своим языком. Так, в классификации Н. А. Баскакова, сойотский язык входит в уйгуро-тюкюйскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков. Примечательно, что Н. А. Баскаков в перечне тюркских народов и языков тувинцам [*туба, туба*] дает дополнительные наименования «сойоты», «сойоны» наряду с такими этнонимами,

как «уряняхайцы» и «танну-тувинцы» [1, 362]. А «сойоты» с пометой «уст.» приравниваются тувинцам [1, 353, 360].

Родственными считаются тувинский и тофаларский (карагас) языки той же подгруппы. Сойотский язык наиболее близок к тофаларскому языку и языку монгольских цаатанов, поэтому их вместе с уйгуро-уряняхайским языком включают в так называемый таежный ареал саянской группы тюркских языков. Сойотский язык по типу грамматического строя агглютинативно-аналитический. В лексике заметное количество архаичных словоформ, восходящих к древне-уйгурскому языку, много заимствований из бурятского языка, а также из средневекового монгольского. Синтаксический строй сохранил древне-тюркский тип, в котором почти нет союзов, а вместо придаточных предложений используются деепричастные и причастные обороты [17].

По другому мнению, сойоты в числе других малочисленных народностей берут свое начало в Восточных Саянах и принадлежат к самодийской группе народов. Оставшись на своей прародине — в Окинском районе Бурятии — они вначале подверглись тюркизации, приняли другой язык, а затем и обурятились. Сойоты считаются самостоятельной этнической группой в семье тюркских народов [18].

В настоящее время в Окинском районе респ. Бурятия численность сойотов составляет более 3000 человек. Небольшая часть сойотов проживает также и в Тункинском районе. В Сойотском поселенье в селе Сорок в «Сорокской сойотской школе-интернате среднего общего образования» изучается сойотский язык.

Основными пособиями в изучении сойотского языка являются «Картинный словарь сойотского языка», «Русско-сойотско-бурятско-английский словарь», «Букварь», составленные профессор доктор филологических наук В. И. Рассадным, под редакцией С. М. Трофимовой. Картинный словарь содержит общеупотребительную лексику и предназначен для учащихся начальных классов. Четырехязычный словарь включает в себя около 6000 слов, отражающие традиционную хозяйственную деятельность, быт, культуру, общественные отношения сойотов, а также характеристику местности. Данный словарь предназначен для всех интересующихся сойотским языком.

В ходу характеристика сойотов самих себя: *Урса гэртэй, хорһон дэгэлтэй, уйгар хэлэтэй, уйһан забитай, оро сагаан унаатай, һойод угсаатан, жаалдаа*. — С домом — чумом, хижиной, с дэгэлом (верхней теплой одеждой) из прошлогоднего меха оленя, с уйгурским языком, оленем белым транспортом, племя, народность сойотов, жаль/мало (возможно, это междометие от *эжээ алдаа* — букв. хозяина-духа потерял) (*Пер.* ТТ).

В 2012 г. в Элисте был издан труд В. И. Рассадина «Язык сойотов Бурятии» в Научном центре монголоведных и алтаистических исследований КГУ. В настоящее время эта книга библиографическая редкость.

Содержание книги включает в себя 3 части: 1) «Краткий грамматический очерк сойотского языка», 2) «Сойотские тексты», 3) «Сойотско-бурятско-русский словарь». Предваряет книгу Предисловие, в котором В. И. Рассадин рассказывает предысторию начала своей экспедиционной работы в Окинском районе. Профессор кратко касается истории происхождения сойотов, прибывших из Монголии, западного берега озера Хубсугул, их традиционного хозяйствования — оленеводства, ссылается на проф. Б. Э. Петри, проводившего в 1926 г. этнографическую экспедицию в предгорья Саян, и указывавшего на сходство сойотского языка с

урянахайским, тофаларским. Автор отмечает причины угасания сойотского языка, связанные с политикой гонения администрации того времени (около 60-х — 70-х гг.), с процессом обурячивания, происходившим со смешением с бурятами, превосходившими их по численности, с переходом на оседлый образ жизни, животноводство местного бурятского типа.

В своей книге В. И. Рассадин знакомит с основами звукового строя сойотского языка и с основами письменности и орфографии, принятыми для этого языка. Для специфических сойотских фонем приняты буквы с диакритикой. К русскому алфавиту добавлены буквы **к, ґ, ч, һ, ц, э, ү, э, і**, отражающие особенности артикуляции сойотов.

Йотированные гласные буквы **е, ё, ю, я** используются, как и в русском алфавите, для обозначения мягкости предыдущего согласного. Латинской буквой **і** обозначен мягкорядный сингармонический антипод гласного **ы**, перед которым согласные никогда не смягчаются (ср. Дима, но келдім, произносится почти кельдым «я пришел»).

Встречается вариативное произношение: баъшы // баъһи «его голова», қаъшан // қаъһян «когда», маъшыына // маъһиина «машина» и т. п., что свидетельствует, как считает В. Рассадин, о разном и независимом происхождении сойотских родов.

Вокализм сойотского языка, как указывает автор, имеет в своем составе помимо четырех твердорядных кардинальных гласных **а, о, у, ы** еще шесть мягкорядных: **э, э, э, ү, и, і**, произносимых одинаково с тофаларскими и цаатанскими звуками, и представленных в одних и тех же словах. Эти гласные бытуют в виде трех типов фонем — краткие чистые, краткие фарингализованные и долгие чистые. При этом долгота обозначается двойным написанием соответствующей гласной буквы, а фарингализация — твердым знаком после этой буквы (**ь**). Таким образом, в составе вокализма сойотского языка представлено 30 гласных фонем, а именно:

- 1) краткие — **а, о, у, ы, э, э, э, ү, и, і;**
- 2) фарингализованные — **аь, оь, уь, ыь, эь, эь, эь, үь, иь, і ь;**
- 3) долгие — **аа, оо, уу, ыы, ээ, ээ, ээ, үү, ии, іі.**

Взаимозамена этих фонем меняет смысл слов. Так, например, кээр «придет» — кээр «будет крошить» (ср. бурят. *хэриэ*- резать на мелкие кусочки), ас «заблудись» — аьс «повесь» — аас «рот; пасть», от «огонь»-оьт «трава», ыт «отправь» — ыьт «собака» — ыыт «голос; звук», эш «друг» — эьш «гребни веслом» — ээш «медведица, самка медведя; соболя» и т. п. [12, с. 257].

Дифтонги со всеми краткими гласными **-ай, ой, уй, ый, эй, эй, үй, ий, ій** могут находиться в слове в любой позиции, например: ай «луна», ой «ручей», уйгут «осина», ыйдыға «ямка от следа», һий «грех» и т. д.

Фарингализация гласных влияет на характер чередований последующих согласных. При этом, например, после чистых кратких и долгих гласных согласный **п** переходит в **б** или **в**: қап «мешок» — қабы // қавы «его мешок», **ш** переходит в **ч**: баш «язва» — бач, может перейти в **һь** или остается в виде глухого сильного **ш**: баьш «голова» — баъһи // баъшы «его голова».

На стыке морфем образуется вторичная долгота: дағ «гора» — даа «его гора», суғ «вода» — суу «его вода», беғ «начальник» — бээ «его начальник», балык «рыба» — балыы «его рыба», һерик «яр, обрывистый берег» — һерии «его яр, его

обрывистый берег», һерәк «дело» — һерээ «его дело», бол «будь» — боор «будет», сал «положи» — салыр // саар «положит», сағ «подои (корову)» — саар «подойт», кір «войди» — киир «впусти», аңна «охотьяся» — аңнаан «охотившийся; охотился», келгән «пришедший; пришёл», но келбәән «не пришедший; не пришел», ағ «облава» — аа «его облава», бағ «ремень» — баа «его ремень», чағ «сало» — чаа «его сало», әғ «дом» — әә «его дом», қағ «брось» — қаар «бросит» и т. д.

В составе **консонантизма** сойотского языка представлены помимо согласных **б, п, в, ф, т, д, с, з, ш, ж, ч, л, р, й, к, х, г, ц, ш**, произносимых как и соответствующие русские буквы, еще пять специфических согласных, для обозначения которых взяты соответствующие буквы из алфавитов языков народов бывшего СССР: **к, ғ, ң, ч, һ**, например: қарақ «глаза», қараған «багульник», һем «река», һам «шаман», шағчоқ «нет ни звука», чарачаң «соболь», аң «зверь», доңған «замерз» и т. д.

В. И. Рассадин обнаруживает, что для системы консонантизма сойотского языка характерно особое явление переассимиляции согласных вторых слогов, если в них стоит узкий гласный, который в определенных позициях выпадает, а эти согласные оказываются по соседству, после чего начинаются процессы ассимиляции и диссимиляции, изменяющие качество согласных. Например:

сағын «вспомни» — сақтыр «вспомнит»; уһнил «сними одежду» — уһштыр «снимет одежду»; кәзил «виднейся» — кәстір «будет виднеться»; таһшын «внешняя часть» — таһшты «его внешняя часть»; иһшин «внутренняя часть» — иһшти «его внутренняя часть»; аас (<агиз) «рот» — аксы «его рот»; боос (<богуз) «горло» — боқсы «его горло»; оол (<огул) «сын» — оғлы «его сын» и т. д.

Сингармонизм сойотского языка представлен в виде двух типов:

1) палатальный сингармонизм, когда в словах и словоформах употребляются гласные одного вида — либо мягкорядные **э, ә, э, ү, и, і** и соответственно фарингализованные и долгие, либо твердорядные **а, о, у, ы** также с фарингализованными и долгими, что различает смысл слов, например, кеьс «режь» — қаьс «грызи орехи», кел «приходи» — қал «оставайся», кеьш «шкура» и т. д.;

2) губной, или лабиальный сингармонизм, когда в первом слоге слов могут быть все типы гласных, в то время как во втором и последующих слогах употребление огубленных гласных весьма ограничено. Например:

ыалақ «пегий», чарачаң, алды «соболь», оран «страна», орын «место», оры «кладовая грызуна», утасын «нитка», ығлаған «плаксивый», эзер «седло», беғләргә «начальникам», эки «хороший», элик «косуля», әбигә «прадед», әғләргә «в дома», һәрәмә «сливки на молоке», һәшигә «занавес», чәлеге «бык изюбрь»; үйә «время, пора», үлегер «сказка», итәгәл «доверие», иһһә «мать» и т. д.

В. И. Рассадин подтверждает, что сойотский язык тюркский, в отношении фонетического строя типичный язык саянской подгруппы с противопоставлением гласных фонем по долготе и краткости и противопоставления этих двух типов фонем особым фарингализованным гласным фонемам.

Согласным фонемам присуще особое чередование в процессе словоизменения. В позиции после фарингализованных гласных сильные глухие согласные, попав в интервокальное положение, либо сохраняют свою глухость, либо претерпевают чередование.

Своеобразен процесс ассимиляции и диссимиляции согласных, сопровождающийся редукцией узких кратких гласных звуков. Для согласных фонем характерно противопоставление по силе и слабости артикуляции в конце первого слога основ.

Эти черты придают сойотскому языку заметное своеобразие и сближают его с языками тофаларов, цаатанов и уйгуро-урянхайцев, по мнению В. Рассадина.

Такое глубокое экспедиционное исследование языка сойотов В. И. Рассадиным, собственноручная запись образцов языка имеет неоценимое значение в установлении самоидентичности сойотского языка, письменных памятников которого нет, к сожалению. Вместе с тем интересен язык тоджи, носители которого проживают на территории респ. Тыва. Ибо среди них еще находятся знающие свой язык, в отличие от сойотов.

Центром культуры коренных народов Прибайкалья (руководитель А. А. Амагзаев, г. Иркутск) была организована встреча экспедиционной группы в составе Е. К. Шаракшиновой, Т. Б. Тагаровой, Л. Г. Ерошенко, учителей сойотского языка Окинского района с представителями тоджи в 2021 г. в городе Кызыл. Было установлено, что большая часть лексики сойотского картинного словаря В. И. Рассадина совпадает по семантике со словами тоджи. Отсюда возникает вопрос о родстве языков тоджи и сойотов [16]. Основанием считать их родственными может стать общая терминология, отражающая тип хозяйствования этих народов — оленеводство, а также охоту и др. Трудность в разрешении такого рода проблем связана с отсутствием письменных памятников. Значение материалов, собранных В. И. Рассадиным, только возрастает со временем.

Литература

1. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков: учебник для государственных университетов. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Москва: Высшая школа, 1969. 382 с. Текст: непосредственный.
2. Жуковская Н. Л., Орешкина М. В., Рассадин В. И. Сойотский язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. Москва: Academia, 2002. С. 164–170. Текст: непосредственный.
3. Монгуш М. В. Тофалары и сойоты: историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы (НИТ). № 2. 2012. URL: https://www.tuva.asia/issue_14.html (дата обращения: 15.05.2021). Текст: электронный..
4. Павлинская Л. Р. Окинские сойоты: методы и механизмы разрушения этнической культуры: материалы полевых этнографических исследований 1990–1991 гг. Санкт-Петербург: Изд-во МАЭ РАН, 1993. С. 37–39. Текст: непосредственный.
5. Павлинская Л. Р. Кочевники голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2002. 259 с. Текст: непосредственный.
6. Петри Б. Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (предварительные данные): сборник трудов профессоров и преподавателей. Вып. 12. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1927. С. 217–226. Текст: непосредственный.
7. Рассадин В. И. Животноводческая лексика в языке окинских бурят и сойотов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. С. 45–57. Текст: непосредственный.
8. Рассадин В. И. Сойотско-бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. 180 с. Текст: непосредственный.
9. Рассадин В. И. Сойотский букварь. Санкт-Петербург: Дрофа, 2009а. 127 с. Текст: непосредственный.
10. Рассадин В. И. Сойотско-русский словарь. Санкт-Петербург: Дрофа, 2009б. Текст: непосредственный.

11. Рассадин В. И. Об окинских сойотах и их языке. О проблеме самоидентичности у сойотов Бурятии // *Debaty IBI AL. Tom IV. Цивилизационный выбор и пограничье* / редактор Ян Кеневич. Warszawa, 2011. С. 249–271. Текст: непосредственный.
12. Рассадин В. И. Язык сойотов Бурятии / ответственный редактор Д. М. Насилов. Элиста: Изд-во КГУ, 2012. 154 с. Текст: непосредственный.
13. Рассадин В. И. Картинный словарь сойотского языка. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2019. 168 с. Текст: непосредственный.
14. Рассадин В. И. Русско-сойотско-бурятско-английский словарь / редактор С. М. Трофимова. Элиста; Улан-Удэ: НоваПринт, 2020. 416 с. Текст: непосредственный.
15. Сойоты горной Оки / редактор С. Намсараева. Улан-Удэ: НоваПринт, 2019. 120 с. Текст: непосредственный.
16. Тагарова Т. Б. К вопросу определения родства сойотского языка и тоджинского диалекта тувинского языка: предварительный обзор // *Языковое и этнокультурное разнообразие коренных малочисленных народов Восточной Сибири: материалы всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 10–12 ноября 2021 г.)*. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. С. 128–137. ISBN 978-5-9624-2047-9. Текст: непосредственный.
17. URL: <http://sibhistory.edu54.ru/Файл:Title.jpg> (дата обращения: 27.07.2021). Текст: электронный.
18. URL: <https://infourok.ru/doklad-istoriya-vozhrozhdeniya-soyotskogo-yazika-3623458.html> (дата обращения: 27.07.2021). Текст: электронный.
19. URL: <https://ria.ru/20121113/910593958.html> (дата обращения: 05.09.2021). Текст: электронный.

DESCRIPTION OF THE PHONETIC STRUCTURE OF THE SOYOT LANGUAGE BY V. I. RASSADIN

© **Tatiana B. Tagarova**

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Buryat Philology
Irkutsk State University
Russia, Irkutsk
boroevna@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the characteristic of the phonetic structure of the Soyot language in the book by V. I. Rassadin. The relevance of the topic is connected with the disappearance of the languages of small nationalities and their restoration. Of course, the preservation of the unique culture and language of any nation is of great importance in the era of globalization. In establishing the identity of the language, the people, it is undoubtedly important to have written sources. Under such circumstances, it is possible to take the works of V. I. Rassadin as primary sources for language learning. The sound system, the most important part of the language, is described by V. I. Rassadin in great detail, involving a wide range of language material. He identified phonetic features typical of the Turkic languages, such as the presence of vowel systems that are opposed by soft order and hard order, diphthongs, pharyngalized vowels, consonant systems, weak and strong, influenced by vowels that cause assimilation and dissimilation. Also, a characteristic feature of the Altaic languages — synharmonism — takes place in the Soyot language. To indicate the specific sounds of the Soyot language, the author proposed additional letters to the Russian alphabet with diacritical marks. Currently, there is a buryatization of Soyots, the mixing of Soyots with Buryats, the transition in early times from traditional farming — reindeer husbandry — to the type of animal husbandry common among Buryats.

Keywords: the Soyot language; Turkic phonetic system; pharyngalized vowel system; synharmonism; strong and weak consonants.

УДК 811.512.31

БУРЯТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДОКУМЕНТАХ XVII в.: К ВОПРОСУ ОБ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ

© **Тишин Владимир Владимирович**

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии,
ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»,
магистрант кафедры филологии Центральной Азии Восточного института,
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
tihij-511@mail.ru

© **Нанзатов Баир Зориктеевич**

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии,
ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»
Россия, г. Улан-Удэ
nanzatov@yandex.ru

Аннотация. В данной статье представлен опыт рассмотрения русскоязычных документов XVII в. на предмет выявления в них материалов по истории развития звукового строя бурятского языка. Отобранные примеры зафиксированных русскоязычными писцами имен собственных, связанных с носителями бурятской идентичности и надежно идентифицируемые в сопоставлении с монгольской лексикой, позволяют детализировать хронологию развития фонетических явлений и процессов у бурятского населения и проследить их локальные особенности. На данном этапе исследования в результате изучения материалов, относящихся к первой половине XVII в., предложено предварительно выделить два условных территориальных ареала, — без какой-либо привязки к конкретным племенным группам или к диалектам, описанным в XX в., — естественно отделяемых друга от друга течением р. Ангары. Языки населения каждого из них демонстрируют различные с точки зрения стадийальных закономерностей развития бурятского языка фонетические особенности. Результаты позволяют, во-первых, говорить о начале формирования особенностей бурятского языка, по меньшей мере, уже ко второй четверти XVII в., во-вторых, сдвинуть вниз хронологические рамки периода формирования ареальных диалектов среди бурятского населения.

Ключевые слова: бурятский язык, бурятские диалекты, историческая лингвистика, историческая фонетика, русскоязычные документы, хронология, реконструкция,

Введение

В деятельности выдающегося лингвиста-алтаиста Валентина Ивановича Рассадина (1939–2017) важное место занимает разработка вопросов исторической фонетики бурятского языка.

Бурятский язык неоднороден и состоит из ряда диалектов или говоров, которые, следуя наиболее традиционной классификации (в данном случае вопрос не принципиален), принято подразделять на восточные (в том числе хоринский, легший в основу утвержденного в 1936 г. литературного языка), западные (довольно разнородная группа) и южные, которые более тесно исторически связаны с халха-

монгольскими диалектами. Восточные и западные говоры, вследствие этого иногда определяемые как «традиционные бурятские» (с точки зрения лингвистической идентификации), содержат ряд отличительных фонетических характеристик:

письм.-монг. *si* > бур. *šV*

письм.-монг. *-s* > бур. *-d* (в конце слов или основ)

письм.-монг. *s* > бур. *h* (в инициальной или интервокальной позиции, не перед *i*)

письм.-монг. *č* > *s* (в позиции не перед *i*)

письм.-монг. *či* > бур. *šV*

письм.-монг. *ǰ* > бур. *z* (в позиции не перед *i*)

письм.-монг. *ǰi* > бур. *žV*

письм.-монг. *q, k* > бур. *χ*

письм.-монг. *gi* > бур. *ji*

Наиболее значимыми из характеристик, выделяющими бурятский язык среди других языков монгольской группы, являются (а) наличие фарингального *h* (< **s*) и (б) отсутствие аффрикат: свистящих *ts* (< **č*), *dz* (< **ǰ*) в позиции не перед *i*, которые здесь развились соответственно в *s*, *z*, и шипящих *č* (< **č*), *dž* (< **ǰ*) в позиции перед *i*, преобразовавшихся соответственно в *š*, *ž*.

Как заметил уже Н. Н. Поппе, материалы, содержащие записи бурятской лексики XVIII в., позволяют утверждать, что эти характеристики языка сложились уже к последней четверти XVIII в., не претерпев существенных изменений вплоть до XX в. [9, с. 47, 65], и этими же материалами представлены достоверные свидетельства существования диалектных различий, характерных для разных территориальных групп бурятского населения [9, с. 66].

Монография В. И. Рассадина «Очерки по исторической фонетике бурятского языка» [10] является этапной работой в изучении этой проблематики. Наряду с этим различные трактовки отдельных вопросов предложены в специальных монографиях И. Д. Бураева [3] и Ц. Б. Будаева [2]. Основное внимание в этих работах уделено непосредственно лингвистическим вопросам: разбору собственно фонетических процессов и явлений, выяснению логики и последовательности формирования звукового строя бурятского языка.

В вопросах собственно хронологии изменений, приведших к формированию отличительных особенностей бурятского языка, которыми в историческом аспекте более специально занимался Ц. Б. Будаев, авторитетной считалась позиция Г. Д. Санжеева, который, упоминая о русскоязычных документах XVII в. в самом общем виде, категорично утверждал, что в тот период в бурятском языке еще не произошло изменений *s* > *h*, *ts* > *s*, *č* > *š* [11, с. 9]. Исходя из этой логики, основные изменения, приведшие к формированию отличительных особенностей бурятского языка, должны быть отнесены ко времени не ранее XVIII в. [2, с. 44, 47, 49 и др.]. Ц. Б. Будаев при этом привлекал отдельные примеры лексики из русскоязычных документов XVII в. [2, с. 6, 30, 47, 49], не углубляясь в ее разбор специально.

Наиболее обстоятельно к вопросам хронологии развития бурятского языка подошел Л. Кларк. Этот исследователь пытался соотнести этапы изменений в консонантизме бурятского языка с историческими контекстом, в итоге локализовав основные процессы в пределах между 1620 и 1720 гг. (округленные даты условны): от первых непосредственных контактов бурят с русскоязычными людьми до времени записей Д. Г. Мессершмидта [16]. При этом Л. Кларк намеренно проигнори-

ровал в качестве источника русскоязычные документы XVII в., скептически высказавшись о возможности извлечь из них какие-либо надежные лингвистические сведения [15, р. 61].

Между тем, предпринятая в наших исследованиях попытка специального обращения к русскоязычным документам XVII в. позволяет более позитивно взглянуть на их потенциал для их изучения как источника по исторической фонетике бурятского языка. Упомянутые документы, представляющие собой по большей части так называемые «отписки» сибирских служилых людей и казаков вышестоящему начальству вплоть до царя, содержат записи иноязычной лексики, состоящей преимущественно из имен собственных (племенных названий, личных имен, топонимов) и изредка некоторых терминов. Нами были использованы источники, опубликованные в соответствующих изданиях или цитированные исследователями в специальных работах.

Интерпретация орфографически зафиксированных в текстах форм иноязычных слов не всегда однозначна. В ряде случаев она требует осторожного отношения в связи с возможными искажениями, вызванными своеобразной адаптацией оригинального звучания, воспринятого первичным передатчиком, посредником или писцом, особенностями речи переводчиков (если их наличие вообще удастся установить) и элементарными описками (которые не всегда можно идентифицировать).

Бурятские диалекты в первой половине XVII в.

Привлечение отдельных примеров, которые с достаточно высокой степенью надежности можно идентифицировать в сопоставлении с лексикой монгольских языков, позволяет прийти к некоторым предварительным наблюдениям относительно хронологии и особенностей формирования звукового строя бурятского языка.

Материалы, относящиеся уже к первой половине XVII в. позволяют предложить формальное, — чисто географическое, без увязки с какими-либо историческими племенными объединениями и безотносительно к состояниям говоров, описанных в XX в., — выделение по разным берегам р. Ангары двух территориальных ареалов бурятского (и в смысле самоидентификации, и в лингвистическом смысле) населения, демонстрирующих уже к этому времени фонетические признаки, различающиеся друг от друга с точки зрения стадиальных закономерностей развития языка.

а) Левобережный ареал (к западу от р. Ангары)

Первыми подданные российского царя столкнулись с бурятским населением к западу от р. Ангары: заочное знакомство произошло в 1609 г., вследствие чего в русскоязычные документы попало закрепившееся затем в них название *браты* (с производным *бра(м)цкий*), отражающее, видимо, уже редуцированное произношение *br'ād ~ bar'ād < bur'ād (< *buriyad)*, характерное для некоторых современных бурятских говоров западного ареала (нижнеудинский, окинский, аларский и др.) [1, с. 31, 214–215], проникнув в русскоязычную среду, вероятно, через посредство тюркоязычного населения Южной Сибири, в форме **быраат* [14, с. 46; 15, р. 54], которая отражена, например, в тувинском *быраат* или хакасском *пыраат*.

В языке бурятского населения к западу от р. Ангары представлены характеристики, демонстрирующие уже довольно продвинутое с точки зрения законов бурятской фонетики состояние.

***si > ši**

ашахабат, *ашехабат*, племенное название (уп. 1652–1653 гг.) [см.: 13, с. 108–109]: вероятно, **ašvχabad* (с щелевым аллофоном [g], см.: [10, с. 106]), представляя собой вторичную форму, возникшую вследствие метатезы от исходного **asibaγad* (см. ниже).

***-s- > -h- (в позиции не перед i)**

**Кохоня*, **Кохонь*, личное имя «князца» (уп. 1628–1629 гг.) [12, с. 18, 19, 22; 7, с. 379]: письм.-монг. *qoγusin*, халх. *хоосон*, бур. *хоохон*, калм. *хоосн*, дагур. *хōсон* ‘пустой, порожний’.

Интерпретация гипотетична, но если она верна, то приводит к таким выводам: (1) преобразование **q- > χ-* не произошло (затянутый характер этого процесса подтвержден тем, что латинская литера *k* или кириллическая *к* зарегистрированы в записях заднерядных слов вплоть до конца XVIII в. [2, с. 55–56]); (2) исторический комплекс *-VgV-* представлен долгим гласным, который не отражен русскоязычной записью; (3) осуществившееся преобразование *s > h*, где фарингальный **[h]* отражен кириллической литерой *х*; (4) смягчение концовки в русскоязычной записи может отражать форму родительного падежа в исходном варианте: **qoohonj > *qoohoi*.

***č > s (в позиции не перед i)**

Секура, личное имя пленницы (уп. 1633 г.) [8, с. 199]: письм.-монг. *čekir*, халх. *цэхэр* ‘мутно-белый; бельмо’, бур. *сэхир* ‘светло-серый’.

***j > džV > dzV (в позиции не перед i)**

Изень, личное имя «князца» (уп. 1647 г.) [12, с. 96, 97; 5, с. 107; 8, с. 322]: письм.-монг. *ejen*, халх., бур. *ээн*, бур. *эжэн*, калм. *ээн*, дагур. *эджин*, дунс. *эджэн* ‘хозяин, владелец; (ист.) господин, владыка, повелитель’.

б) Правобрежный ареал (к востоку от р. Ангары)

Записи слов, относящихся к бурятскому населению восточнее р. Ангары, в частности в долинах р. Куды и верховий р. Лены, показывают более консервативные фонетические характеристики их языка, подвергшиеся преобразованиям преимущественно в течение второй половины XVII в.

***-s > -d, на стадии перехода**

**икереженский*, *икереженский*, *икиреженцы* (уп. 1641 г.), *икиреж*, *икирежей* (уп. 1642 г., Вин. падеж), *икирежан* (уп. 1645 г., Род. падеж), *икирежский* (уп. 1642 г.), и др., племенное название [см.: 13, с. 116; 12, с. 453 (указатель)]: **ikereθ* (< **ikeres*).

В данном случае, исходя именно из записей производных форм с русскоязычным формантом *-ен-ск-*, показывающим для конечного *-ж* основы первичность (а не возникновение вследствие палатализации), предполагается фиксации промежуточной стадии **-s > -d* в виде, вероятно, слабого межзубного аллофона. Длительное существование *-s* в этой позиции показывают материалы Я. И. Линденау, собранные в окрестностях Качуга (1745 г.). Здесь в списке легендарной генеалогии вместе с формой *Ikirit* (ср. бур. *ekired*) фигурируют такие эпонимы, как *Atschebagas* (**ačibagas?*), *Abanagas* (**abaganas*), *Charanus* (**χaranus*) [6, с. 137].

***si > ši, не произошло**

*осибугатский, *супугайский, *супогайский, *сипугайский, *сипугай, и др. племенное название (уп. 1645 г. и после) [5, с. 30, 31; 12, с. 55, 59, 65, 66, 162 и др.; 13, с. 117]: отражает исходное *asibayad [2, с. 49], ср. выше.

***-s- > -h- (в позиции не перед i), не произошло**

конкретных примеров не обнаружено, но сделанное заключение вытекает логически, исходя из закономерностей последовательности преобразований звуков.

***č > *ts > s (в позиции не перед i), не произошло**

Чокор, *Чекор, Чакур, Чокур, личное имя «мужика» (уп. 1645–1647 гг.) [5, с. 30, 32, 33; 12, с. 55, 57, 65, 67, 68, 91, 102, 103, 105, 162]: письм.-монг. *čoyoqur* ‘пестрый’, халх. *цоохор*, бур. *соохор* ‘пестрый, чубарый (о масти)’; ср. эвенк. баргуз. *чōкур* ‘пестрый’ (< монг.).

***či- > šV-, не произошло**

Чевдоком, *Чевдок, личное имя сына «князца» (уп. 1641 г.) [4, с. 255, 256; 5, с. 31, 32; 12, с. 46, 56, 66, 103]: письм.-монг. *čibday*, халх. *чавдаг* ‘скупой; медлительный; текущий тонкой струей; текущий еле-еле (о моче при болезни)’; бур. *шабдаг* ‘редкий; немного, мало’.

***j > dž > dz, на стадии перехода**

Жаяка [4, с. 250], Заякай [4, с. 255], личное имя брата «князца» (уп. 1641 г.): письм.-монг. *јауауап*, халх. *жаяя*, *заяя(н)*, бур. *заяя*. Интерпретация кириллических литер ж и з как отражающих непосредственно аффрикаты (а не шелевые) подтверждается их соответствующим использованием в синхронных документах при записях имен и титулов деятелей из среды халха-монголов (см., напр.: [12, с. 467 (указатель)]), в языке которых аффрикаты последовательно сохраняются и сегодня.

Заключение

Предложенные предварительные наблюдения сделаны на ограниченном в количественном отношении материале, однако, представленном отобранными на основе сравнительно наиболее надежных для истолкования примеров. Приведенные результаты позволяют присоединиться к мнению, что формирование фонетических особенностей бурятского языка началось, по меньшей мере, в первой половине XVII в. Приведенные материалы также показывают, что основные фонетические процессы, приведшие к сложению языкового строя бурятского языка, проходили у разных территориальных групп, ассоциированных с бурятами, несинхронно и неравномерно. Детализация приведенных наблюдений требует дальнейшей разработки сведений русскоязычных документов XVII в. на предмет извлечения надежного материала для истории фонетики бурятского языка.

Сокращения названия языков

бур. — бурятский язык

дагур. — дагурский язык

дунс. — дунсянский язык

калм. — калмыцкий язык

письм.-монг. — письменно-монгольский язык

халх. — халха-монгольский язык

эвенк. баргуз. — эвенкийский язык, баргузинский диалект

Литература

1. Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 302 с. Библиогр. в примеч. 900 экз. Текст: непосредственный.
2. Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с. Библиогр. С. 121–131. Текст: непосредственный.
3. Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 183, [2] с. Библиогр. в примеч. С. 169–184. Текст: непосредственный.
4. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Санкт-Петербург: Типогр. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. Т. II. [5], 279, [7], [7] с. Текст: непосредственный.
5. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Санкт-Петербург: Типогр. Эдуарда Прана, 1848. Т. III. VII, 539, [7], [7] с. Текст: непосредственный.
6. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока; перевод с немецкого; под общей редакцией И. С. Вдовина. Магадан: Магаданск. книжн. изд-во, 1983. 176 с. Текст: непосредственный.
7. Миллер Г. Ф. История Сибири. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 637 с., [2] л. карт. Текст: непосредственный.
8. Миллер Г. Ф. История Сибири. Москва: Вост. лит-ра, 2005. Т. III. 598, (2) с.: отд. л. карт. Библиогр.: С. 543–555. Текст: непосредственный.
9. Поппе Н. Н. Бурят-монгольское языкознание. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1933. 117 с. Библиогр. в примеч. Текст: непосредственный.
10. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. Москва: Наука, 1982. 199 с. Библиогр.: С. 172–178. Текст: непосредственный.
11. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Москва: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. 240 с. Библиогр. в примеч. Текст: непосредственный.
12. Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. Вып. 1 (1609–1700) / составление Г. Н. Румянцев, С. Г. Окунь. 493 с. Текст: непосредственный.
13. Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII в. // Записки Государственного института языка, литературы и истории (ГИЯЛИ). Улан-Удэ, 1939. Вып. 1. С. 101–130. Библиогр. в примеч. Текст: непосредственный
14. Токарев С. А. О происхождении бурятского народа // Советская этнография. 1953. № 2. С. 37–52. Библиогр. в примеч. Текст: непосредственный.
15. Clark L. V. Two Eighteenth Century Buryat Glossaries // *Mongolian Studies*. 1976. Vol. 3. P. 53–82. Библиогр. в примеч. P. 79–82.
16. Clark L. V. A Problem in Buryat Historical Linguistics // *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies* / ed. by H. G. Schwarz. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979. P. 14–25. (*Studies on East Asia*. Vol. 13). Библиогр. в примеч.: P. 21–25.

BURYAT HISTORICAL PHONETICS IN RUSSIAN-LANGUAGE DOCUMENTS OF THE 17TH CENTURY: ON THE PROBLEM OF THE ABSOLUTE CHRONOLOGY OF ITS DEVELOPMENT

© Vladimir V. Tishin

Candidate of Historical Sciences,

Senior Research Fellow at the Department of History and Culture of Central Asia,

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS

Master's student at the Department of Philology of Central Asia, Institute of Oriental Studies,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
tihij-511@mail.ru

© **Bair Z. Nanzatov**

Candidate of Historical Sciences,
Senior Research Fellow at the Department of History, Ethnology and Sociology,
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS
Russia, Ulan-Ude
nanzatov@yandex.ru

Abstract. The article presents the experience of analysis Russian-language documents of the 17th century to find materials on the history of the development of the phonetic system of the Buryat language. Selected examples of proper names recorded by Russian-speaking scribes, associated with Buryat population and reliably identified in comparison with Mongolic lexical fund, allow one to detail the chronology of the development of phonetic phenomena and processes among the Buryat population and trace their local features. At this stage of the research, as a result of studying source material dating back to the first half of the 17th century, it is proposed to preliminarily identify two conditional territorial areas — without any connection to specific tribal groups or dialects described in the 20th century — separated from each other by the Angara River. The languages of the population of each of those areas demonstrate different phonetic features from the point of view of the stage-by-stage patterns of development of the Buryat language. The results allow, firstly, to talk about the beginning of the formation of the characteristics of the Buryat language, at least by the second quarter of the 17th century, and, secondly, to shift down the chronological framework of the period of formation of areal Buryat dialects.

Keywords: Buryat language; Buryat dialects; historical linguistics; historical phonology; Russian-language documents; chronology; reconstruction

**СКОТОВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ТОФАЛАРОВ И БУРЯТ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ)**

© Трофимова Светлана Менкеновна

доктор филологических наук, профессор,
кафедра русского языка и общего языкознания,
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова»
Россия, г. Элиста,
trofimovasm@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается скотоводческая лексика тофаларского и бурятского языков, которая отражает одну из основных сфер хозяйственной деятельности. В языке современных тофаларов имеется довольно развитая и разветвленная оленеводческая терминология, относящаяся не только к половозрастным группам домашних животных. Удалось установить, что в области оленеводства все основные термины современного тофаларского языка имеют тюркское происхождение. Обилие терминов, их развитость говорит о большой давности занятия тофаларами оленеводством.

Ключевые слова: тофаларский язык, бурятский язык, лексика, скотоводческая лексика, взаимодействие языков.

Благодарности

«Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

Как известно, основная сфера хозяйственной деятельности у тофаларского и бурятского этносов представлена скотоводческой терминологией.

Цель данного доклада — введение в научный оборот названий тофаларской и бурятской скотоводческой лексики на предмет установления общих терминов и установления общетюркской и общемонгольской основы. Материалом исследования послужил «Тофаларско-русский словарь», составленный В. И. Рассадиным, изданный в 2016 г., в Москве, а также полевые записи, собранные у информантов — окинских бурят во время поездки в Окинский район Республики Бурятия с 29 июля по 14 августа 2022 г.

Проведенный анализ позволил определить большое сходство и отличия в тофаларском и бурятском языках. Если буряты как кочевой народ занимались разведением пяти видов скота *табан хушуу мал*: лошадей *морин*, *адуун*, коров *үхэр*, яков *һарлаг*, овец *хонин* и коз *ямаан*, то тофы — разведением северных оленей *иби*. Оленеводческая лексика в тофаларском языке является базовой лексикой, лексика, обозначающая лошадей, коров появилась позже. Степень изученности такой лексики в языках бурят и тофаларов различна.

Несмотря на то, что язык тофаларов малоизучен, языковой материал, связанный со скотоводческой лексикой, неоднократно привлекался В. И. Рассадиным [1965: 54–55; 55], И. В. Кормушиным [2001: 424–448] и др.

Итак, традиционное домашнее животное у тофаларов — это домашний северный олень *иби* (*иви*) древнетюркского происхождения или *һойлуга* (*һойлыга*). Как правило, олени используются для езды верхом, олени для тофаларов служат вместо лошадей, коров и овец. Питаются они ягелем, тофаларское название *шулун*

«ягель, олений мох» [ТРС: 547], любимым лакомством оленей является мох-бородач, тофаларское название *няак*, обычно он растет на деревьях, а также любят лакомиться грибами *чеькпе*, с удовольствием поедают большой желтый гриб *чары чеькпеси* [ТРС: 484]. Осенью оленям выбирают, как пишет В. И. Рассадин: «... то кочевье, которое будет местом, где оленей пустят пастись на грибы» в переводе на тофаларский язык *ол чуьрту чеькпелелір чер больыр* [ТРС: 485]. Также к номинациям оленеводства с полным основанием можно отнести *чеькпеле*, которое имеет значение: «2) пастись на грибах (о северных оленях); *ибибис чеькпелеп тыльйды* «наши олени ушли пастись на грибы» [ТРС: 484]; *чеькпелет* «2) пускать оленей пастись на грибы» [ТРС: 484–485]; у тофов август месяц связан с появлением грибов и называется *чеькпелік* «август, месяц, когда олени пасутся на грибах» [ТРС: 485].

Оленеводческие термины тюркского происхождения удачно легли в бурятскую систему названий оленя и дополнены некоторыми бурятскими терминами с общемонгольским характером, например, олень *мал цагаан, сагаани хөбхө* «ягель» [ПМА 2022]; большой желтый гриб *һарсяаг* [ПМА: 2022].

Далее читаем у И. В. Рассадина: «... коневодство у тофаларов сохраняется еще от тех древнетюркских племен, которые легли в основу тюркоязычного тофаларского этноса, поскольку от того древнетюркского состояния в языке современных тофаларов полностью сохранилась древняя коневодческая лексика общетюркского характера» [Рассадин И. В., 2005: 37]. Лошадь у тофаларов называется *аьт* [ТРС: 50], жеребец носит название *асқыраьт*; кобыла, кобылица представлена как *беаьт, этииаьт*; мерин обозначен парным словом *ақтааьт* с дословным переводом кастрированный конь.

В бурятском языке лошадь представлена общемонгольским термином *морин*, в этом языке функционирует термин *азарга* тюркского происхождения, что означает «жеребец». Исконно монгольскими являются *гүүн* «кобылица», *унаган* «жеребенок до года», *дааган* «двухлетний жеребенок», *гунан* «трехлетний жеребенок», *шудлэн* «четырёхлетняя лошадь», *хизаалан* «пятилетняя лошадь», *шэнэ һоёолон* «шестилетняя лошадь *хуушан/һоёолон* «семилетняя лошадь», *йихэ морин* «взрослый конь».

Таким образом, проведенный анализ некоторых скотоводческих терминов показывают, что домашних животных тофалары и буряты начали разводить неодновременно. Термины, связанные с лошадей в бурятском языке являются общемонгольскими, поскольку появились эти термины в период самостоятельного развития монгольских языков, что касается современного тофаларского языка, в нем полностью сохранилась древнетюркская лексика коневодческая лексика. В современном тофаларском языке функционирует развитая терминология оленеводства, это говорит о том, что тофалары разводят оленей с незапамятных времен.

Литература

1. Кормушин И. В. Животноводство // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / под редакцией Э. Р. Тенишева. Ленинград, 2001. С. 425–448. Текст: непосредственный.
2. Рассадин В. И. О тофаларской лексике (предварительные данные поездки к тофаларам) // Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1965. Выпуск 1. С. 171–183. Текст: непосредственный.

3. Рассадин И. В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Институт монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2005. 203 с. Текст: непосредственный.

4. ТРС — Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2016. 608 с. Текст: непосредственный.

Полевые материалы автора

ПМА 2022 — Бальжинимаева Цыпелма Цыреновна, 1952 г. р. Запись в у. Сорок, 2022 г.

**PASTORAL VOCABULARY IN THE LANGUAGE
OF TOFALARS AND BURYATS
(Based on the names of domestic animals)**

© **Svetlana M. Trofimova**

Doctor of Philology,

Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

Elista, Russia

trofimovasm@mail.ru

Abstract. The article examines the pastoral vocabulary of the Tofalar and Buryat languages, which reflects one of the main spheres of economic activity. In the language of modern Tofalars, there is a fairly developed and branched reindeer-breeding terminology that applies not only to the sex and age groups of domestic animals. It was established that in the field of reindeer husbandry, all the main terms of the modern Tofalar language are of Turkic origin. The abundance of terms, their development indicates a long time ago that the Tofalars were engaged in reindeer husbandry.

Keywords: Tofalar language, Buryat language, vocabulary, pastoral vocabulary, interaction of languages.

УДК 930 (510)

КРАТКИЙ ОБЗОР БИОГРАФИЙ ДЖЕ ЦОНКАПЫ ИЗ МОНГОЛЬСКОГО ФОНДА ЦВРК ИМБТ СО РАН

© Тушинов Баир Луданович

младший научный сотрудник,

ИМБТ СО РАН

Россия, г. Улан-Удэ

nurushi@mail.ru

Аннотация. В докладе кратко рассматриваются намтары (биографии) выдающегося буддийского деятеля Тибета Дже Цонкапы Лобсанг Дакпа Пела [tje tsong kha pa blo bzang grags pa'i dpal, 1357–1419], основателя школы гелук на классическом монгольском письме, хранящиеся в монгольском фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН. Было рассмотрено шесть источников (три ксилографа и три рукописи), связанных с биографией Цонкапы. Ксилографы и одна рукопись содержат сочинение известного монгольского ученого ламы Чахар-геше Лобсанг Цульжима [cha har dge bshes blo bzang tshul khirms, 1740–1810] «Источник всех благ и счастья: жизнеописание великого всеведущего Дже Цонкапы» [tje thams cad mkhyen pa'i tsong kha pa chen po'i nam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas]. Из них два дублетных экземпляра являются изданиями Агинского дацана, одно издание Гусиноозерского дацана. Две остальных рукописи — это стихотворная биография Цонкапы и небольшая выдержка из его биографии. В результате изучения трактата Чахар-геше было установлено, что это наиболее крупная биография Цонкапы, ставшая популярной в Монголии и России. В монгольском обществе исторически существовал запрос на создание намтаров Цонкапы на монгольском языке, но такая работа не была осуществлена до Чахар-геше.

Ключевые слова: Цонкапа; намтар Цонкапы; Чахар-геше; Чахар-гэбши; Большой намтар; биография Цонкапы; Лобсанг Дакпа.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания: «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII — нач. XXI вв. в контексте межцивилизационного взаимодействия, № 121031000302-9».

Биографии Дже Цонкапы в Бурятии

В Бурятии получила распространение буддийская традиция тибетской школы гелук, у истоков которой стоял великий Цонкапа Лобсанг Дакпа. Его активность в Тибете сравнивали с деятельностью исторического Будды Шакьямуни в Индии, в силу чего к нему даже прикрепился почтительный высокий эпитет *Второй Будда* [sangs rgyas gnys].

Жизнеописания Цонкапы выделяются из всей тибетской исторической литературы класса намтар громадным мегалитом благодаря их огромному количеству и разнообразию. В Тибете нет более другой исторической фигуры, чья история жизни описывалась бы в столь численном масштабе. Одна «Антология биографий великого Цонкапы»¹ в четырех томах насчитывает 46 произведений. Считается, что известно о пятидесяти с небольшим намтаров.

¹ См.: rJe btsun tsong kha pa chen po'i nam thar phyogs bsgrigs, 4 vols. Pe cin: krung go'i bod rigs pa'i dpe skrun khang, 2015.

В Бурятии период наивысшего расцвета буддизма пришелся на конец XIX в. К этому времени относятся и ксилографические издания в монастырях Бурятии наиболее развернутого жизнеописания Дже¹ Цонкапы «Источник всех благ и счастья» в XI главах. Его написал монгольский ученый Чахар-геше из Внутренней Монголии в конце XVIII — начале XIX вв. на двух языках — монгольском и тибетском. Сначала Чахар-геше написал намтар на монгольском языке (1786–1790), а позже, по просьбе своего коренного учителя Арджа-гэгэна, перевел ее на тибетский язык с некоторыми дополнениями (1802) [Getülgegči, 1817].

Большая часть хранящихся в монгольском фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН биографий Цонкапы — это «Источник всех благ и счастья» Чахар-геше. Его другое распространенное название *Намтар ченмо* (Большой намтар). Некоторые источники представляют собой цельное произведение «Большой намтар» в девяти или одиннадцати главах. Инвентарные номера других экземпляров представляют отдельные главы из Большого намтара.

Первый ксилограф «Большого намтара» имеет название: *Qamuγ-i ayiladuγči boyda čongkara-yin čadiγ medeküi-e kilber-iyer ügüleksen sayin amuyulang bügüde yaγqu-yin orun kemegdekü* [Источник всех благ и счастья: жизнеописание великого всеведущего Дже Цонкапы, изложенное легким для понимания образом]. Отпечатан в Хүлүнг-Нурском дацане² в 1870 г. Намтар состоит из XI глав, не имеющих отдельных названий. Главы обозначаются цифровым значением на титульном листе, например: «Первая глава из намтара Богдо Цонкапы гэгэна».

Внутри главы нумерация обозначается на каждом листе тибетскими буквами (ка, kha) вместе с монгольской пагинацией в отдельной вертикальной рамке. На последнем листе без пагинации имеются изображения четырех махараджи, выполненные тушью красного цвета в широкой узорчатой рамке. Бумага российская, белого цвета, немного пожелтевшая от времени. На многих листах, разбросанно, имеется отпечаток штампа «Фабрики Сергеева № 6». Листы крупного формата 56x16 см. Текст помещен в рамку с отдельным левым полем для нумерации. На обратной стороне листа поля для нумерации нет. На первых двух страницах каждой главы текст помещен в традиционную тибетскую двойную рамку с двумя левыми и правыми полями.

На последней странице [ВС, т. 11: 7г] присутствует колофон на тибетском и монгольском языках. Согласно колофону, изготовление печатных досок для источника было завершено в благой день последнего весеннего месяца 1870 г., и они были помещены в *благое здание печатных досок* [монг. *keb-ün sayin bayišang*], находящееся близ Хүлүнг-Нурского дацана. В колофоне есть стихи благопожеланий на тибетском языке, информация о лицах, участвовавших в печатании, месте и времени печатания: «[Изданию] этого незагрязненного жизнеописания *Мягкого покровителя*³ Гуру — расширенной гирлянды из монгольских слов, всем скитальцам открывающего око, что зрит благой путь; содействовали гелонг Келсанг

¹Дже [тиб. *rje*]; монг. Богдо — Досточтимый, Владыка. Почтительное обращение к иерархам буддийской церкви.

²Хүлүнг-нурский дацан [монг. *kölüng naγur-un dačang*] — или Гусиноозерский, Тамчинский дацан. В источнике дается полное тибетское название дацана: *Chos sde chen po ri po dge rgyas dga' ldan dar rgyas gling*.

³Мягкий покровитель — эпитет божества мудрости Манджушри.

Чойкьи Гьелцен, гелонг Друбчен, жертвователь Церинг вместе с друзьями и родственниками. В 3-й день растущей луны 3-го монгольского месяца года железа-лошади (1870) 14-го рабджуна, отпечатано превосходным образом в монастыре «Chen po ri po dge rgyas dga' ldan dar rgyas gling». В силу этого: Владыки всех существ, включая богов, досточтимого Цонкапы, / Выдающийся намтар познавая и обретая веру, / Не интересуясь телом, жизнью и богатством, / Пусть будем усердствовать исключительно в поддержании, распространении (Дхармы) и тройном подношении!¹ / Все живые существа во главе с резчиками и жертвователями, / С которыми есть связь в последовательности жизней, / Пусть будут обретать *опору со свободами и благами*², / И, встречая сущностное Учение Манджушри, пусть реализуют постоянное счастье!/>³

I глава (ka) монгольского намтара на 16 л. (1r-16r) содержит информацию о предыдущих рождениях Цонкапы и пророчества о приходе Цонкапы в Тибет.

II гл. (kha) на 16 л. (1r-14r) описывает рождение Цонкапы, его деяния в детстве, становление монахом, биографию первого учителя в Дхарме Чойдже ламы Дондуп Ринчена.

III гл. (ga) на 23 л. (1r-23r) говорится о начале обучения Цонкапы в Центральном Тибете, постижении сутр и наук; видении лика божества Сарасвати и поступлении под ее покровительство; краткое изложение о реализациях Гуру Рендавы.

IV гл. (nga) на 29 л. (1r-29r) содержится информация о принятии Цонкапой монашеских обетов гелонга; исследовании Ганджура и Данджура; изложении Дхармы многим ламам и ученым; видении лика божества Манджушри и получении от него множества различных упадеш; исследовании тантрических учений; небольшая биография Гуру Умапы.

V гл. (sa) на 67 л. (1r-67r) представляет обретение реализаций посредством медитаций во многих уединенных местах; видение ликов многих божеств и Гуру.

VI гл. (sha) на 56 л. (1r-56r) описывает учреждение великого молитвенного фестиваля (Монлам ченмо), строительство монастыря Ганден и учреждение в нем молитвенных служб, передачу наставлений Джамьян Чойдже о строительстве монастыря Дрепунг и другие деяния по великому распространению Дхармы вместе с изложением историй о статуях Джово в Лхасе.

¹ Тройное подношение [mchod pa gsum]: zang zing gi nor — подношение мирских богатств, lus ngag gi zhabs tog — подношение служения телом и речью, bka' bzhin sgrub pa — подношение практики в соответствии с наставлениями. URL: https://tywiki.tsadra.org/index.php/mchod_pa_gsum (дата обращения: 15.01.2023). Текст: электронный.

² Имеется в виду опора драгоценного человеческого тела, наделенного свободами и благами условиями.

³ Jam mgon bla ma'i dri med nam thar hor yig 'phreng spel 'gro ba kun la lam bzang mtshon pa'i mig 'byed 'di/ Dge slong bskal bzang chos kyi rgyal mtshan dge slong grub chen sbyin bdag tshe ring nye 'brel sogs bcas rkyen sbyar te/ Rab byung bcu bzhi'i shing byir dbu rtsom bco lnga'i lcags rta'i hor zla gsum pa'i yar tshes rdzogs pa gsum pa'i nyin/ Chos sde chen po ri po dge rgyas dga' ldan dar rgyas gling du rdzogs par par du bsgrubs pa'i dge tshogs mthus/ Lhar bcas skye rgu rje btsun tsong kha pa'i/ Phul byung nam thar shes nas dad thob ste/ Lus srog longs spyod kun la 'phangs med par/ 'Dzin spel mchod gsum kho nar brtson gyur cig/ Rgyu chas zhal 'debs bri rkos thog drangs pa'i/ 'brel thogs kun kyang tshe rabs 'phreng ba ru/ Dal 'byor rten thob 'jam dpal snying po yi/ Bstan dang 'jal nas gtan bde 'grub par shog/ [BC, т. 11: 7r].

VII гл. (ja) на 44 л. (1г-44г) описывает передачу наставлений Джамчену Чойдже (1355–1435) о строительстве монастыря Сера и др.; передачу наставлений Шерап Сенге Гэгэну об установлении коренных молитвенных служб, демонстрация ухода в Нирвану, число сочиненных книг и главные деяния в этой жизни; число священных опор монастыря Ганден и количество главных учеников.

VIII гл. (nya) на 40 л. (1г-40г) содержит биографии ближайших учеников Цонкапы — Гьелцап Дже и Кедруп Дже.

IX гл. (ta) на 33 л. (1г-33г) содержит биографии Джамъян Чойдже Траши Пелдена, построившего монастырь Палден Дрепунг, Дамчен Чойдже построившего монастырь Сера, Далай-ламы Гендун Друппа, построившего монастырь Ташилхунпо и махасиддхи Шерапа Сенге, установившего коренные молитвенные службы.

X гл. (tha) на 15 листах (1г-15г) содержит сжатое значение намтара. В колофоне говорится, что это было написано для пользы людей, не способных удержать в памяти большой намтар и создания для них благоприятного знака. Записал гелонг Дампа Ярпел. XI гл. (d) на 7 листах (1г-7г) содержит сжатое до сути «Сердце намтара».

Одним из литературных достоинств данного текста является его поэтическое оформление. Каждая глава украшена в начале и в завершении стихами, сложенными в монгольской традиции стихосложения с использованием анафор.

Два других ксилографа — это два дублетных агинских издания этого же сочинения Чахар-геше меньшим форматом, чем гусиноозерское издание — размер листов 44х9см. В издании отсутствуют две последние главы X и XI, в отличие от гусиноозерского. I глава (ka) представлена на 28 л. (1г-28г); II гл. (kha) на 27 л. (1г-27г); III гл. (ga) представлена на 44 л.(1г-44г); IV гл. (nga) на 56 л. (1г-56г); V гл. (ca) на 137 л. (1г-137г); VI гл. (cha) на 123 л. (1г-123г); VII гл. (ja) на 75 л. (1г-75г); VIII гл. (nya) на 71 л. (1г-71г); IX гл. (ta) на 68 л. (1г-68г).

В колофоне первого агинского экземпляра (инв. № МП-148) говорится: «Добродетельный настоятель (шэрээтэ) Кедруп [mkhasgrub] и Капчу Кончок Дакпа [dka' bcu dkon mchog grags pa], побуждаемые равным благим превосходным намерением, собрав все необходимое, заказали вырезание печатных досок намтара спасителя Богдо Цонкапы в монастыре Дечен Лхундуплинг [bde chen lhun grub gling; Обитель спонтанной реализации великого блаженства].

Другой агинский экземпляр намтара (шифр М П 57), как это можно заключить из имеющейся печати, входил в личную коллекцию книг известного бурятского востоковеда Гомбожаба Цыбикова. На титульном листе справа от названия¹ стоит оттиск печати «Из книг Г. Ц. Цыбикова № 4» (Цифра 4 вписана от руки). Слева от названия и ниже стоит оттиск печати «Фонд рукописей и ксилографов БИОН БФ СО АН СССР *ИНВ. №*» с указанием шифра. Печать «Из книг Г. Ц. Цыбикова № » имеется также на всех титульных листах отдельных глав.

Первая рукопись — это «Большой намтар» Чахар-геше, переписанный от руки неизвестными (два разных почерка) с оригинального Цаганульского издания Чахар-геше. Имеет инв. № КМ-972. Формат листов 43х10,5 см. Вертикальных строк на листе в среднем от 24 до 27. На титульном листе в двойной рамке (красные чернила) дается название: *Boṃḍa Ṣongkaba-yin namtar*. Слева от названия есть

¹ *Boṃḍa Zongkaba-yin gegen-ü namtar-ača eng terigün bülüg orusiba.*

две печати: «Респ. краевед. Музей БМАССР НВШ №_» с указанием старого шифра 7b3; «Фонд рукописей и ксилографов ИМБиТ СО РАН Инв. №_» с указанием шифра КМ-972. В колофоне говорится о месте и времени издания: *tegri-yin tedkügsün-ü tabin jirγuduγar on čaγaγčün γaqai jil-dür : čaqar köbege-tü čaγan buningγa-yin somun-u qariyatu čaγan aγula-yin süme-dür keb-tür bütügebei*¹.

Вторая рукопись имеет длинное название: *Erketü Šigimuni-yin γayiqamšiy nom-un türgü yosu-yi endegürel ügei bariγči qoyaduγar ilaγuγsan sayin oyutu erkin nom-un qaγan šašin-u ejin Boyda bČongqaba-yin ilerkei boluγsan tuγčji orošiba* [Ставшая явной удивительная история жизни высшего Царя Дхармы, Владыки Учения Богдо Цонкапы Второго Победителя Лобсанга Дакпы, безошибочно держащего удивительную традицию Дхармы Владыки Шакьямуни]. Инв. № М III 776. Источник представлен на 32 листах форматом 43,5x10,5 см. Справа в рамке для названия стоит печать «Фонд рукописей и ксилографов БИОН БФ СО АН СССР *ИНВ. №_*» с указанным шифром.

Сочинение представляет собой стихотворное изложение биографии Дже Цонкапы в четверостишиях в монгольской традиции стихосложения с использованием начальной аллитерации или анафор. В конце сочинения описываются пять посмертных мистических встреч Цонкапы с Кедруп Дже. В колофоне говорится:

««Töbed časutu oγun-u qamuγ merged-ün oγui-yin čimeg : Temečeku nom-ud-tur mergen mkas-krub kemen aldaršiyγan: Tere Boyda-dur blam-a bzongkaba tabun jolyaju: Tegši qoyar jayaγan-dur daγan bariγsan tuγčji tere bui: Mangqalam bavantu»² [EŠ: 32v].

«Согласно легенде, после смерти ламы Цонкапы в 1419 г. Кедруп Дже пять раз встречался с ним в мистических состояниях. Кедруп Дже более всего помнят, как харизматичного учителя, а также за множество превосходных комментариев, которые он написал о тантрических линиях, и которые Цонкапа собрал воедино и разъяснил. Он сыграл важную роль в воспитании Первого Далай-ламы, который был самым молодым из пяти главных учеников Цонкапы»³. На Данный момент не удалось идентифицировать авторство и тибетский аналог данной рукописи.

Третья небольшая рукопись представляет собой краткую выдержку из биографии Цонкапы. Она имеет название «*Boyda Zongkaba-yin namtar-ača baγulγaγsan tobši amui*» [Краткие записи из биографии Богдо Цонкапы.] Инв. № МIII 1388. Источник представлен на двух условных листах (один сложенный надвое лист форматом 35,5x21,5 см). На титульном листе дается название, с правой стороны стоит печать «Фонд рукописей и ксилографов БИОН БФ СО АН СССР *ИНВ. №_*» с указанием шифра. Над названием красными чернилами нарисован тибетский слог *Ом*. Судя по бурятизму *tobši*, переписчиком, вероятно, являлся бурят. В сочинении даны сущностные наставления по этапам пути Ламрим. В частности, наставления

¹ В год беловой свиньи — 56 год, поддерживаемый небом: отпечатано в монастыре Цагаан-уул, относящемся к району Цагаан Пунига Чахар Ховоот.

² «Украшение макушки всех мудрецов снежного Тибета: Искусный в дебатах, прославленный как Кедруп : С этим Богдо лама Цонкапа встречался пять раз : Равно в двух жизнях удерживаемая история жизни это есть: Мангалам баванту» [EŠ: 32v].

³ Glenn H. Mullin & Andy Weber at *Mistical Arts of Tibet*. Выдержка из каталога выставки. URL: https://religion.fandom.com/wiki/Khedrup_Gelek_Pelzang#cite_note-5 (дата обращения: 20.01.2023). Текст: электронный.

для порождения отречения от сансары — темницы циклического бытия, в которую заключены, согласно буддийскому воззрению, живые существа.

Заключение

В результате необходимо сделать вывод, что намтары Цонкапы на монгольском языке, в частности, принадлежащие перу Чахар-геше, были необычайно популярны и востребованы в Бурятии в конце XIX в. Источниковедческий анализ «Большого намтара» позволил установить, что мотивом его создания явилось желание Чахар-геше о распространении буддизма в Монголии. Из его биографии «Солнечный свет» Лобсанг Самдуп Bvs нам известно, что «Большой намтар» был адресован обычным монголам-аратам. Чахар-геше беспокоило, что простых монголов мало интересуется буддизм, поэтому он написал большое по объему сочинение, поскольку полагал, что маленький намтар будет способствовать порождению лишь малой веры. Поэтому «Большой намтар» отличается от других намтаров Цонкапы, прежде всего, объемом, а также легкое для понимания изложение, что и отражается в его названии.

Источники

Монгольский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН

1. ВС: *Boγda ᠰongkapa. Qamuγ-i ayiladuγči boγda ᠰongkapa-yin ᠴadiγ medeküi-e kilberiyer ügülegsen sayin amuyulang bügüde γarqu-yin orun kemegdekü* [Источник всего блага и счастья: жизнеописание великого всеведущего Дже Цонкапы, изложенное легким для понимания образом]: в 11 гл. Чахар-геше Лосанг Цултим. Ксилограф. Инв. № М II-300.
2. *Boγda Zongkaba-yin gegen-ü namtar-aᠴa eng terigün bülüg ogusiba* [Первая глава из жизнеописания Богдо Цонкапы гэгэна]: в 9-ти гл. Ксилограф. Инв. № М II 57.
3. *Üy-e bügüde-dür qaqaᠴal ügei ögüsin soyuγq-a* [...прошу о покровительстве во всех временах]: в 9-ти гл. Ксилограф. Инв. № МП-148.
4. *Boγda ᠰongkaba-yin namtar* [Жизнеописание Богдо Цонкапы]: в 11 гл. Рукопись. Инв. № КМ-972.
5. *Boγda Zongkaba-yin namtar-aᠴa baγulγaysan tobši amui*. [Краткие записи из биографии Богдо Цонкапы]. 2 л. Рукопись. Инв. № М III 1388.
6. ЕШ: *Erketü ᠑igimuni-yin γayiqam᠑iγ nom-un türü yosu-yi endegürel ügei bariγči qoyaduγar ilayγusan sayin oyutu erkin nom-un qaγan ᠰa᠑in-u eγin Boγda bᠰongqaba-yin ilerkei boluγsan tuyᠴji oro᠑iba*. [Ставшая явной удивительная история жизни высшего Царя Дхармы, Владыки Учения Богдо Цонкапы Второго Победителя Лобсанга Дакпы безошибочно держащего удивительную традицию Дхармы Владыки Шакьямуни]. 32 л. Рукопись. Инв. № М III-776.
7. *Getülgegči degedü blam-a adalidqal-ügei aᠴitu Boγda Sumati ᠑ila ᠑iri Badr-a-yin gegen-ü yegüngkei-yin jokiyal namtar-i tobči-yin tedüi ügülegsen süsüg-ün lingqu-a-yi mö᠑iyelgegči paγan-u genel degedü möγ-i geyigülün üiledügči kemekü ogu᠑iba* [Солнечный свет, освещающий высший путь, способствующий расцвету лотоса веры: кратко изложенное обычное жизнеописание досточтимого высшего несравненного Богдо Сумати Шила Бхадры гена]: в 2 т., 445 л. Лобсанг Самдуп Ньима. Ксилограф. Инв. № МП-144-145.

**A BRIEF OVERVIEW OF THE BIOGRAPHIES OF THE JE TSONGKHAPA
FROM THE MONGOLIAN FUND OF THE CENTER OF ORIENTAL
MANUSCRIPTS AND XYLOGRAPHY OF THE INSTITUTE FOR MONGOLIAN,
BUDDHIST AND TIBETAN STUDIES OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

© **Bair L. Tushinov**

Junior Research Associate,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS

6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047

nurushi@mail.ru

Abstract. This account contains brief examinations of *Namtars* (biographies) of a distinguished Tibetan Buddhist Je Tsongkhapa Lobsang Dakpa Pel [rje tsong kha pa blo bzang grags pa'i dpal, 1357–1419], the founder of the Geluk school of Buddhism. The *Namtar* sare written in Classical Mongolian and are under the purview of the Mongolian fund of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Two of them are doublet instances from the AginskiyDatsan, the other is a publication by the GusinoozerskDatsan. Two other manuscripts are a poetic rendition of Tsongkhapa's biography and a brief excerpt from his biography. In the process of study of the treatise *Chahar-geshe*, it was established that it is the largest of Tsongkhapa's biographies, that became popular in Mongolia and Russia. In Mongolia in particular there used to be instances of Tsongkhapa's *Namtars* being commissioned, however none of these commissions were fulfilled until the publication of *Chahar-geshe*.

Keywords: Tsongkhapa; Tsongkhapa's Namtar; Chahar-geshe; Chahar-gebshi; Big namtar; Tsongkhapa's biography; Lobsang Dakpa.

**ДЕШИФРОВКА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
МОНГОЛИИ И АЛТАЯ (К 110-ЛЕТИЮ В. М. НАДЕЛЯЕВА)**

© Селюгина Ираида Яковлевна

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник,

Лаборатория экспериментально-фонетических исследований,

ФГБУН Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Россия, г. Новосибирск

siya_irina@mail.ru

Аннотация. Научный интерес В. М. Надеяева к истории формирования древних письменностей зародился в годы студенчества и аспирантуры (1939–47). Тяга к разгадке тайн происхождения языков укрепилась во время работы по составлению Древнетюркского словаря (1969), одним из авторов и редакторов которого он был. После переезда в Сибирь (1966) с ее многочисленными тюркскими руническими памятниками появилась реальная возможность участия в их дешифровке.

Работе по изучению тюркских рунических надписей предшествовало исследование киданьской письменности. В результате дешифровки текстов составлен полный каталог графем и их вариантов. Анализ компонентов графем выявил агглютинативность строя киданьского языка с постпозитивным характером агглютинации. Машинная обработка письма, сравнительный анализ морфологических и словоизменительных особенностей подтвердили гипотезу о принадлежности киданьского языка к монгольским (1964).

В 1960-е гг. В. М. Надеяев делает первые опыты в исследовании тюркских рунических памятников Монголии, Бурятии и Алтая. В статье «Чтение орхоно-енисейского знака з и этимология имени Тоньюкука» (1963) установлено, что наиболее вероятным соответствием графемы з является среднеязычный щелевой назализованный звук j. Имя Тоньюкука В. М. Надеяев этимологизирует как 'Копытце' или 'Копыто-Стрела'. Орхонским надписям с территории Монголии и Бурятии посвящены ещё две статьи: «Древнетюркская надпись из Ховд-Сомона МНР» (1974) и «Древнетюркская верительная грамота» (1974). Несколько статей В. М. Надеяева (1973, 1981) посвящены рунике Горного Алтая.

Ключевые слова: памятники письменности; эпиграфика; древнетюркская руника; орхоно-енисейские надписи; письмо киданей; фонетическая реконструкция; этимология.

Владимир Михайлович Надеяев (14.08.1912, Хабаровск — 19.08.1985, Новосибирск) — крупный отечественный тюрколог и монголист, теоретик общего языкознания, эпиграфист, основатель Сибирской фонологической школы, выдающийся педагог, воспитавший более 150 лингвистов-сибиреведов. Заслуженный деятель науки Тувинской АССР. Один из ведущих языковедов мира [16].

Исследования в области эпиграфики, дешифровки древних рукописей находят несколько на периферии сферы его научной деятельности, но, тем не менее, они представляют значительный интерес как для специалистов в области руники, так и для сибиреведов, тюркологов и монголистов.

В 1939 г. В. М. Надеяев поступил в Ленинградский государственный университет на тюрко-монгольское отделение филологического факультета. По окончании в 1944 г. ЛГУ, а затем и аспирантуры, он был оставлен на Восточном факультете преподавателем монгольских и тюркских языков.

Первой группой студентов В. М. Надеяева были тувинские школьники — выпускники 1947 г. По окончании вуза они составили основное ядро сотрудников ТувНИИЯЛИ, цвет тувинской интеллигенции. Позднее В. М. Надеяев стал куратором и наставником группы бурятских, а затем и монгольских студентов. Одним из самых талантливых его учеников был А. Б. Соктоев — будущий директор Института филологии СО РАН, чл.-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор, основатель уникальной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», признанный лидер Сибирской фольклористической научной школы.

Забегая вперед, отметим, что уже после переезда в Новосибирск В. М. Надеяев руководил, совместно с профессором Е. И. Убрятовой, работой над кандидатской диссертацией аспиранта В. И. Рассадина [11], ставшего впоследствии выдающимся тюркологом и монголистом, одним из ведущих языковедов мира [17], известным специалистом в области сравнительно-исторического монгольского и тюрко-монгольского языкознания, исследователем языков и диалектов малочисленных народов Саяно-Алтайского региона России и Монголии, Заслуженным деятелем науки Бурятской АССР, РСФСР и МНР. С В. М. Надеяевым В. И. Рассадина объединяла многогранность, многовекторность научных интересов и энциклопедизм знаний, а также невероятный педантизм в подходе к анализу языковых данных и в проработке доказательной исследовательской базы. Благодаря высочайшим человеческим качествам, мудрости, необыкновенной душевной щедрости они и оставили после себя выдающийся след в науке и сформировали известные в стране и за рубежом научные школы. Эти два Ученых с большой буквы навсегда остались в памяти многочисленных благодарных учеников и последователей, работающих как в России, так и в Монголии.

В 1958 г. В. М. Надеяев был приглашён дирекцией Института языкознания ЛО АН СССР в Сектор алтайских языков для организации работы по составлению Древнетюркского словаря (ДТС). Для этого словаря он подготовил проект графической передачи древнетюркской лексики, разработал структуру словарной статьи, написал памятку составителям ДТС, вводную часть, указатель грамматических форм, являлся составителем словарных статей А-ALPLĪQ, одним из четырёх редакторов. Древнетюркский словарь, созданный на основе изучения найденных на территории России, Монголии, Китая и Средней Азии тюркоязычных памятников VII–XIII вв., вышел из печати в 1969 г. и получил высокую оценку в советской и зарубежной специальной литературе [9; 15].

Именно эта глава жизни В. М. Надеяева, связанная с работой над ДТС, и послужила катализатором, толчком в развитии интереса к древним надписям, начавшим формироваться ещё во время учебы в ЛГУ и проведения научных исследований под руководством выдающегося тюрколога-древника С. Е. Малова.

Первый опыт работы с древними памятниками связан с киданьской письменностью, дешифровкой которой В. М. Надеяев занимался совместно с В. С. Стариковым в 1960-е гг. Киданьское письмо обслуживало язык киданей — племен

монгольской группы, «известных в истории как ядро племенного союза», обитавшего в IV–XII вв. на территории Северо-Восточного Китая и Монголии [2]. Киданьский язык претерпел эволюцию от «этнического» («национального») к языку обширного региона, стал международным. «Киданьский письменный язык играл роль западноевропейской латыни. Он был языком межплеменного, межгосударственного и межкультурного общения» [10].

На киданьском письме, составленном по образцу старокитайского иероглифического, сохранились эпиграфические памятники. Различают большое и малое киданьское письмо; все обнаруженные киданьские надписи выполнены малым письмом, введенным в 925 г. и насчитывающим несколько сотен знаков.

В. С. Стариков и В. М. Наделяев привлекли для работы по дешифровке малого киданьского письма все известные к 1960-м годам и опубликованные эпиграфические памятники. В результате сложной и трудоемкой палеографической работы был составлен каталог киданьских графем и их многочисленных аллографов, разобраны полустертые строки, тексты записаны цифрами для ввода в машину. Только после этого исследователи приступили к систематическому изучению киданьских текстов с применением методов позиционной статистики (по варианту Ю. В. Кнорозова) — сначала вручную, а затем, совместно с сотрудниками ВИНТИ и с широким использованием вычислительной техники.

У исследователей не было предварительной концепции относительно языковой принадлежности киданьских текстов. Но на основании китайских исторических источников допускалось, что язык киданей мог принадлежать к алтайской группе языков с постпозитивной аффиксацией агглютинативного типа. Машинная обработка киданьских текстов, сравнительный анализ морфологических и словоизменительных особенностей подтвердили гипотезу о принадлежности киданьского языка к монгольской группе.

Результаты дешифровки надписей опубликованы в работе В. С. Старикова и В. М. Наделяева, вышедшей в 1964 г. [13]. Ю. В. Кнорозов, выдающийся эпиграфист, дешифровавший письменность майя [1], отмечает в предисловии: «Высокая оригинальная культура киданей остается почти неизвестной. Кидани пользовались письмом, внешне сходным с китайским, но построенным на совершенно иных принципах. До сих пор попытки дешифровки киданьского письма не увенчались успехом». По его мнению, впервые предпринятый опыт сотрудничества лингвистов и программистов привел к успешному завершению первого этапа дешифровки, позволившему сравнительно быстро приступить к изучению грамматики киданьского языка [13, с. 4]. Следует отметить, что во всех современных исследованиях языка киданей принимаются во внимание результаты, полученные В. С. Стариковым и В. М. Наделяевым.

Кидани, интерес к языку и культуре которых сопровождал В. М. Наделяева на протяжении всей его научной деятельности, оставили глубокий след и в истории формирования этнолингвистического ландшафта Сибири. В. М. Наделяев выдвинул гипотезу о киданьской монголизации якутского языка: по его мнению, якутская народность складывалась на Средней Лене на базе этнического слияния древних тюрков (курукан) с монголами (киданиями) в XI–XII вв. [7, с. 15].

Параллельно с дешифровкой киданьского письма в 1960-е гг. В. М. Наделяев делает первые опыты в исследовании тюркских рунических памятников.

Древнетюркское письмо использовалось в Центральной и Средней Азии и в Сибири для записей на тюркских языках в VIII–X вв. н. э. Поскольку знаки по форме напоминали германские руны, первооткрыватели, нашедшие памятники в Сибири, называли их «руническими». Русское название «орхоно-енисейское письмо» дано по первым местам находок письменных памятников в долине реки Орхон в Монголии и верховьях реки Енисей на территории Тувы и Хакасии.

Заслуга полной дешифровки сибирско-монгольских письменных памятников принадлежит датскому лингвисту В. Томсену, сумевшему в 1893 г. (130 лет тому назад) декодировать все символы надписей с берегов Енисея и Орхона [14, с. 3].

В 1963 г. вышла статья В. М. Наделяева «Чтение орхоно-енисейского знака з и этимология имени Тоньюкука» [3]. Знак з, толкованию которого посвящена статья, очень малоупотребителен, он обнаружен всего в десятке слов, в том числе и в имени Тоньюкука. *Тоньюкук* — политический и военный деятель средневекового древнетюркского государства Второго тюркского (Кок-Тюркского) каганата на территории Монголии (682–744) на берегу реки Орхон.

По результатам изучения тюркологической литературы В. М. Наделяев выделил восемь вариантов чтения орхоно-енисейской литеры з. Первые два варианта — бисонантные сочетания: 1) переднеязычный смычный носовой п и среднеязычный щелевой ртовый j, то есть, pj; 2) среднеязычный смычный носовой р и среднеязычный щелевой ртовый j, то есть, рj. Два единичных назальных смычных сонанта: 3) среднеязычный j; 4) переднеязычный сильнопалатализованный п'. Два гуттуральных носовых смычных сонанта: 5) заднеязычный η и 6) язычковый п. Два последних варианта представлены гласным i и щелевым j: 7) неслоговой j, чередующийся со среднеязычным щелевым сонантом j; 8) назализованный среднеязычный сонант j̃. Проанализировав имеющиеся трактовки знака з, автор статьи исключил из списка гуттуральные литеры η и п как необоснованные; кроме того, от вариантов чтения j и j̃ отказался предлагавший их автор (В. Томсен). Таким образом, для дальнейшего обсуждения В. М. Наделяев оставил 5 вариантов графем, внося в них некоторые фонетические уточнения: pj, рj, j, п', j̃; последний вариант рассматривается В. М. Наделяевым как наиболее близкий к действительному звучанию знака з.

Построение таблиц-матриц по артикуляторным параметрам звучаний, дистрибутивный, функциональный и сравнительно-сопоставительный анализ соответствий знаку з в тюркских языках позволили констатировать, что все приведенные звуки являются последовательными этапами развития процесса преобразований исходного пратюркского звука j̃ ~ j. Показаны четыре различных гипотетических направления развития звуковых соответствий в тюркских языках и частично в контактных нетюркских, например, для финальной позиции в слове:

1-е направление: а) *j̃ → -j (деназализация j̃); б) *j̃ → -j̃ → -j (спирантизация среднеязычного смычного носового j̃ с последующей деназализацией j̃).

2-е направление: а) *j̃ → -j → -п (щелинность сменяется смычностью, среднеязычность – переднеязычностью); б) *j̃ → -п (среднеязычность сменяется переднеязычностью).

3-е направление: а) $*\text{ʃ}/*\text{-ɲ} \rightarrow *-\text{ʃ}\text{ɲ} \rightarrow *-\text{j}\text{ɲ} \rightarrow -\text{j}\text{ɲ} \rightarrow -\text{jV}\text{ɲ}$ (диссимилятивные процессы – деназализация ʃ , смена среднеязычности переднеязычностью; появление гармонирующего узкого гласного).

4-е направление: а) $*-\text{ʃ} \rightarrow -\text{ʃ}$ (среднеязычный щелевой назализованный сохранился); б) $*-\text{ɲ} \rightarrow -\text{ɲ}$ (спирантизация среднеязычной смычки).

Анализ древнетюркской графической системы и специфики звуковых коррелятов литеры з в различных фонетических контекстах в современных тюркских языках послужил В. М. Наделяеву основанием для вывода о том, что наиболее вероятным звуком, обозначенным в орхоно-енисейской письменности буквой з , является среднеязычный щелевой назализованный звук ʃ .

Итоги исследования обобщены в виде таблицы с указанием генетически обусловленных звуковых соответствий древнетюркскому знаку з по языкам (тувинский, якутский, долганский, тофаларский) и языковым группам (языки орхоно-енисейской письменности, северо-западные, юго-западные, аргу) и позиций в основе слова. Приведенные данные свидетельствуют о специфике реализации процесса трансформации звучания древнетюркской графемы з , обусловленной историей формирования этнолингвистического ландшафта тюркских ареалов.

Опираясь на выявленные соответствия, В. М. Наделяев обратился к этимологии имени собственного древнего тюрка (конец VII — 1-я половина VIII вв. н. э.), поставившего себе на склоне лет памятник с большой декларативной надписью на двух гранитных стелах.

В результате последовательности умозаключений автор статьи этимологизирует имя мудрого древнетюркского сановника как $\text{t}\text{ʃ}\text{ɲ}\text{u}\text{q}\text{u}\text{q}$ ‘Копытце’ или $\text{t}\text{ʃ}\text{ɲ}\text{u}\text{q}\text{-o}\text{q}$ ‘Копыто(образная)-Стрела’. Аналогии столь странного именованного деятеля из знатного тюркского рода приводятся из ряда тюркских и из китайских языков (например, имя одного из сыновей якутского князя — Таас-Туйах ‘Каменное копыто’, северные динлины имели государство «лошадиных голеней», тофалары в фольклоре — ‘люди с лошадиными ногами’ [3, с. 213].

Работа с древними памятниками письменности была продолжена после переезда В. М. Наделяева в 1966 г. по приглашению акад. А. П. Окладникова, чл.-корр. В. А. Аврорина и проф. Е. И. Убрятовой в новосибирский Академгородок. Здесь он открыл в 1968 г. в ИИФФ СО АН СССР Лабораторию экспериментально-фонетических исследований, труды которой были направлены, в том числе, на создание и совершенствование письменностей для народов Сибири. Оказавшись в Сибири, на территории которой в верховьях Енисея и в сопредельном регионе — в Монголии, в долине реки Орхон, было обнаружено огромное количество памятников тюркской рунической письменности, исследователь не мог оказаться в стороне от погружения в разгадки тайн древних рунических рукописей.

Орхонским надписям с территории Монголии и Бурятии посвящены еще две небольшие статьи В. М. Наделяева [5; 6].

Еще в августе 1949 г. монгольской археологической экспедицией А. П. Окладникова был обнаружен в р-не Ховд-Сомона надмогильный камень с однострочной древнетюркской надписью из 23-х орхоно-енисейских знаков и двумя рисунками — человеческой фигурки и знака тамги (родовой печати).

Позднее прорись и фотографии были переданы В. М. Наделяеву для дешифровки, в ходе которой он надпись прочитал, транскрибировал и дал лексико-грамматический и этимологический комментарий, опираясь на сравнительно-сопоставительные данные по другим тюркским, а также персидскому языкам.

Предложены два варианта перевода: 1. [Это] тамга знаменщика и трубача Ягыз-чура. 2. [Здесь] знаменщик-трубач Ягыз-чур. [А это] его тамга.

Видимо, подстрочный Н-образный знак является тамгой знаменщика-трубача, а надстрочная человеческая фигурка олицетворяет самого Ягыз-чура [5].

Летом 1973 г. археологической экспедицией акад. А. П. Окладникова в долине притока р. Селенги был обнаружен палеолитический нуклеус — осколок камня, использовавшийся для производства орудия. На камне была выбита короткая надпись, состоящая из трех древнетюркских рунических знаков — литер-силлабограмм. При дешифровке надпись была затранскрибирована В. М. Наделяевым как * *älčim* ‘мой посол’. Каменный документ представлял собой древнетюркскую верительную грамоту — тамгу. По-видимому, камень-надпись был отбракован резчиком из-за неправильного начертания 3-го знака [6].

Ряд статей В. М. Наделяева посвящен дешифровке рунических надписей Горного Алтая [4; 8].

Надпись на каменной стеле на могиле у р. Бар-Баргузы в Кош-Агачском р-не Горно-Алтайской АО представляет собой древнетюркскую эпитафию, читается снизу вверх — текст исходит как бы из уст похороненного. В нем от лица умершего, авторитетной среди соплеменников личности, сообщается о том, что он был убит неким Китезом, вождем другого племени, и похоронен вождем Кекюем и его соплеменниками, среди которых жил и от которых «отделился» умерший.

Выявленные лексико-грамматические особенности указывают на тесные связи древнетюркских племен Алтая и Притяньшанья и их миграции.

Для фонетистов-тюркологов особый интерес представляет замечание В. М. Наделяева о том, что слова *adirtı* и *adiriltim* отражают свойственное многим енисейским памятникам фонетическое смешение твердоядных и мягкорядных знаков при соседстве гласного типа *i* [4, с. 110].

На наш взгляд, здесь можно говорить об особенностях сочетания переднеязычных согласных с постпозитивными гласными в мягкорядных словоформах, повсеместно отмечаемые в современных южно-сибирских тюркских языках: если в постпозиции к среднеязычному согласному облигаторно используется переднеязычный гласный (напр., кумандинское: *чий* [ħɕi] ‘сырой’, *чер* [ħeɣ] ‘земля’), то переднеязычные консонанты требуют после себя гласных более заднего образования — переднеязычных отодвинутых, центрально-, центральнозадне- и смешанноязычных (напр., кумандинское: *тил* [tʰɨl] ‘язык’, *темир* [tʰɨmʰir] ‘железо’), которые функционируют как в словоформах твердоядных, так и в мягкорядных, формируя нейтральный ряд гласных.

По-видимому, аналогичные процессы происходят и в тюркских языках несибирского региона. В частности, отмечаемые в крымчакском языке случаи так называемого нарушения палатальной гармонии гласных следует рассматривать как реализацию особенностей проявления мягкорядной гармонии, точнее, сингармонизма, в тюркских языках; например, функционирование гласного *ы* в словах с мягкорядной вокальной осью: *сыздэ* ‘у вас’, появление в 1-х слогах на месте *ö*

и *y* более задних вариантов, что, по-мнению Э. Р. Тенишева, отражается в непоследовательном орфографировании (*ö / o, y̆ / y*) грамматических форм [12, с. 310]. В действительности же здесь мы имеем дело со спецификой манифестации коррелятивных фонотактических закономерностей в тюркских языках, с особенностями функционирования мягкорядного сингармонизма, которые, как показывает надпись из Кош-Агача, были распространены уже в древнетюркский период.

В 1981-м году В. М. Наделяев опубликовал самую объемную статью по рунической тематике «Древнетюркские надписи Горного Алтая» [8]. В ней представлены прорисы некоторых из выявленных в 1960–70-е гг. текстов, их чтение, перевод и развернутый лингвистический комментарий.

1. Талду-Айрыская надпись на камне в урочище Талду-Айры вблизи с. Кокоря Кош-Агачского р-на найдена в 1978 г. Вертикальный текст представляет собой обычную для орхоно-енисейки эпитафию древнего тюрка, скорее всего, военачальника — смелого и прозорливого, о чем свидетельствует имя собственное *Уккай* — умница, разумник, прозорливец (от глагольной основы *ук* ‘понимать, разуметь’). Лексема *уккай* не была зафиксирована в Древнетюркском словаре.

2. Надпись на скале вблизи с. Иня Онгудайского р-на, найденная в 1976 г., представляет собой эпитафию из девяти знаков, читаемых справа налево.

3. Две надписи одинокого холма на скале вблизи с. Кош-Агач обнаружены в 1980-м г. 1-я надпись из 39 знаков читается снизу вверх и представляет собой жанр необычной эпитафии, содержащей информацию об убийстве и призыв к отмщению: «Этеля зарезал Ачык. Вследствие этого я устроил поминальный обряд по Этелю. (И тогда) возникла (букв.: пришла) клятва (относительно) Этеля: “Возьми равной рукой (т. е. отомсти?)!”».

Для фонетистов-тюркологов интересно замечание о некоторых переборах с сингармонической рядностью и предположение о наличии в древнетюркском языке алтайского региона нейтральнорядного *i*-образного гласного, который может сочетаться в одной словоформе с гласными твердого ряда и с гласными мягкого ряда и, видимо, фонематически отличается и от гласного *ĭ*, и от гласного *i*.

4. Группа надписей на скале Калбак-Таш вблизи с. Йондро Онгудайского р-на, обнаружены в 1980 г. Одна из них представляет собой прямую речь — молитвенное обращение к вечно существующему локальному божеству Земле (обитающему в святилище Калбак-Таша): «Земля — вечное бытие! Обладетельствуй дом лекаря-травника: пятикратно возьми жар бесовской болезни, подуй-изгони! Сотвори благодать! Земля-Чернь!». Всего в Калбак-Таше найдено 12 надписей, в них развивается та же тема мольбы о спасении семьи лекаря-травника.

По легенде Горный Алтай был прародиной древних тюрков. Здесь их прама-терь-волчица родила десять сыновей — предков голубых тюрков. Сохранившиеся до нашего времени рунические надписи — это окаменевшая история духовной жизни человека на протяжении тысячелетий.

Литература

1. Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. 664 с. Текст: непосредственный.

2. Кузьменков Е. А. Киданьский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. Москва: Индрик, 1997. С. 87–90. Текст: непосредственный.

3. Наделяев В. М. Чтение орхоно-енисейского знака з и этимология имени Тоньукука // Тюркологические исследования. Москва; Ленинград, 1963. С. 197–213. Текст: непосредственный.
4. Наделяев В. М. Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1973. Вып. 1. № 1. С. 108–110. Текст: непосредственный.
5. Наделяев В. М. Древнетюркская надпись из Ховд-Сомона МНР // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1974. С. 163–166. Текст: непосредственный.
6. Наделяев В. М. Древнетюркская верительная грамота (С 1) // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1974. Вып. 3. № 11. С. 115–118. Текст: непосредственный.
7. Наделяев В. М. Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск, 1981. С. 11–37. Текст: непосредственный.
8. Наделяев В. М. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1981. Вып. 3. № 11. С. 65–81. Текст: непосредственный.
9. Наджиб Э. Н. Большое достижение советской тюркологии // Народы Азии и Африки. 1970. № 2. С. 169–179. Текст: непосредственный.
10. Пиков Г. Г. Безмолвующая культура киданей // ALTAICA X. Сборник статей и материалов. Москва: ИВИ РАН, 2005. С. 141–168. Текст: непосредственный.
11. Рассадин В. И. Лексика современного тофаларского языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск, 1966. Текст: непосредственный.
12. Реби Д. И., Ачкинази Б. М., Ачкинази И. В. Крымчакский язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек: Кыргызстан, 1997. С. 309–319. Текст: непосредственный.
13. Стариков В. С., Наделяев В. М. Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма // Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. Москва, 1964. Текст: непосредственный.
14. Щербак А. М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 152 с. Текст: непосредственный.
15. Doerfer G. Nadeljaev W. M., Nasilow D. M., Tenischew A. R., Scherbak A. M. Drenwetjurkskij Slowar. Leningrad, 1969 // Orientalistische Literaturzeitung. 1972. 67 Jahrgang. № 1–2. S. 66–70.
16. Molchanova O. Nadeljaev, Vladimir Mikhailovich (1912–1985) // The Encyclopedia of Language and Linguistics. 2005. № 5226. Vol. 8. P. 427.
17. Molchanova O. Rassadin Valentin Ivanovich (b. 1939) // The Encyclopedia of Language and Linguistics, (ell 2), 2005. № 5227. Vol. 10. P. 361.

DECRYPTION OF THE ANCIENT TURKIC RUNIC MONUMENTS OF MONGOLIA AND ALTAI (to the 110th anniversary of V. M. Nadelyaev)

© **Iraida Ya. Selyutina**

Doctor of Philology,
Chief Researcher of the Laboratory of Experimental Phonetic Research,
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Novosibirsk
siya_irina@mail.ru

Abstract. V. M. Nadelyaev's scientific interest in the history of the formation of ancient scripts began during his student and postgraduate studies (1939–47). The desire to unravel the mysteries of the origin of languages was strengthened during the work on the compilation

of the Ancient Turkic Dictionary (1969), of which he was one of the authors and editors. After moving to Siberia (1966) with its numerous Turkic runic monuments, there was a real opportunity to participate in their decryption.

The work on the study of Turkic runic inscriptions was preceded by the study of the Khitan script. As a result of the decryption of the texts, a complete catalog of graphemes and their variants has been compiled. The analysis of grapheme components revealed the agglutinative structure of the Khitan language with the postpositive nature of agglutination. Machine processing of writing, comparative analysis of morphological and inflectional features confirmed the hypothesis that the Khitan language belongs to the Mongolian (1964).

In the 1960s, V. M. Nadelyaev made the first experiments in the study of the Turkic runic monuments of Mongolia, Buryatia and Altai. In the article «Reading the Orkhon-Yenisei sign 3 and the etymology of the name Tonyukuk» (1963), it was found that the most likely correspondence of the grapheme 3 is the middle-lingual fricative nasalized sound j. V. M. Nadelyaev etymologizes Tonyukuk's name as 'Hoof' or 'Hoof-Arrow'. Two more articles are devoted to Orkhon inscriptions from the territory of Mongolia and Buryatia: «Ancient Turkic inscription from the Khovd-Somon of the MNR» (1974) and «Ancient Turkic credential» (1974). Several articles by V. M. Nadelyaev (1973, 1981) is dedicated to the runic of the Mountain Altai.

Keywords: monuments of writing; epigraphy; Ancient Turkic runic; Orkhon-Yenisei inscriptions; Khitan writing; phonetic reconstruction; etymology.

О САРТУЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

© **Хабтагасва Баярма**

доктор филологических наук (PhD.habil.),

старший исследователь,

Университет Востока,

Италия, г. Неаполь

baiarma@hotmail.com

Аннотация. Статья представляет собой краткий лингвистический обзор сартульского диалекта бурятского языка и его современное языковое положение. Анализ основан на лингвистических данных, полученных из полевых материалов, собранных моей матерью Галиной Раднаевой в 1990-х годах.

Ключевые слова: алтаистика, монголоведение, бурятские диалекты, сартульский диалект.

1. Введение

1.2. Бурятские диалекты

Согласно последним исследованиям бурятские диалекты классифицируются по этническим группам [25, с. 104; 5]. Всего насчитывается пять групп: (1) *хоринская* группа, включающая хоринский, агинский, тугнуйский и северно-селенгинский диалекты, а также диалекты в Монголии и Внутренней Монголии; (2) *эхирит-булагатская* группа, включающая эхиритский, булагатский, боханский, ольхонский, баргузинский и байкал-кударинский диалекты; (3) *хонгодорская* группа, включающая аларский, тункинский, окинский, закаменский и унгинский диалекты; (4) *нижнеудинская* группа, включающая нижнеудинский диалект; и (5) *цонгольско-сартульская* группа, включающая цонгольский и сартульский диалекты.

Хоринская группа относится к восточной ветви и является основой литературного бурятского языка, эхирит-булагатская и нижнеудинская группы относятся к западной ветви, цонгольско-сартульская к южной ветви, а хонгодорская группа считается переходной ветвью между западной и восточной группами. Здесь нужно отметить заслугу В. И. Рассадина, предложившего назвать хонгодорскую группу 'присаянской' [Рассадин 1996], что правильно отражает не только географическое расположение носителей диалекта, но и связь этой диалектной группы с саяно-тюркскими языками. Важно отметить, что хамниганский и баргутский диалекты, ранее считавшиеся бурятскими диалектами, сегодня являются самостоятельными языками [25, с. 104].

Несмотря на ранний год издания, самой лучшей работой по бурятским диалектам является двухтомный сборник «Исследование бурятских говоров» под редакцией Цыдендамбаева и Бураева (1965–1968), включающий анализ практически всех диалектов бурятского языка. Также нужно отметить ценные монографии Будаева [1; 2], Рассадина [19]. Несмотря на небольшой размер (около 250 страниц), в качестве первой попытки собрать все диалектные данные, издан «Сравнительный словарь бурятских диалектов» [1]. Но как таковой фундаментальной общей работы по всем диалектам пока что еще нет.

1.3. Сартульский диалект

Согласно классификации, сартульский диалект относится к южной группе. Его носители живут южнее Байкала на территории Джидинского и Селенгинского районов Республики Бурятия. Всего насчитывается около 10.000 носителей. Материал данного исследования собран в Джидинском районе, где проживает большинство носителей сартульского диалекта. Официально сартульский является диалектом цонголо-сартульской диалектной группы бурятского языка, но лингвистически диалект может рассматриваться как разновидность собственно монгольского языка, как называет Скрибник в своей статье «A variety of Mongol proper» [25].

Согласно классификации монгольских языков, сартульский диалект принадлежит к внешне-монгольской ветви вместе с халхаским, хотогойтским, дархатским и дариганга [20, с. 179]. Более точным является мнение Поппе [23, с.12], называвшего сартульский ‘переходным’ диалектом, своего рода ‘мостиком’ между бурятским и халхаским языками.

По политическим причинам первый современный литературный бурятский язык, созданный в 1931 году, был основан на цонгольском и сартульском диалектах. В 1936 году основой стандартного литературного языка стал хоринский диалект.

Сартульский диалект был описан Бураевым в 1965 году в вышеупомянутом сборнике, но с тех пор никаких новых сведений о его носителях и диалекте не публиковалось.

1.4. Идентичность сартулов

Согласно преданиям сартулов, они прибыли в Джидинский край в XVII веке из Внутренней Монголии из места под названием *Sarta Ūla* ‘Лунная гора’ [12, с. 23]. Некоторые исследователи утверждают, что сартулы связаны с этнонимом *sart* — исторически персидскими и тюркоязычными торговцами и людьми Центральной и Восточной Европы. Этимологически *sartul* означает ‘мусульмане’ [4, с. 109]. Здесь важно упомянуть носителей языка *Santa* (ассимилированная форма *sart*), проживающие в провинции Ганьсу в Китае. Дунсяне или *Santa* считают, что их исламская вера важна, и они предпочитают идентифицировать себя как ‘мусульмане’ [22, с. 346], их язык лингвистически далек от сартульского диалекта.

1.5. Исторические факты

Начиная с XVIII века большинство сартульских бурят охраняли русско-китайскую границу и относились к казачьему сословию. Граница между Россией и Монголией (в то время Китаем) была установлена в 1727 году по Буринскому договору (по реке Бура, в 20 км от Кяхты). Официально сартулы присоединились к русским казакам в 1764 году вместе с племенами *ašabagad*, *congōl* и *atagan*. Бурятские казаки были освобождены от ясачной подати и получили земельные наделы [6, с. 5–7].

Существует множество легенд и историй о том, как сартульские буряты прибыли на родину, как служили на границе. В легенде «О девяти долинах сартулов» говорится, что сартульский народ поселился в долинах девяти малых рек, впадающих в реку Джиду, а названия мест были даны Чингисханом во время его охоты на редкую черную лисицу у горы *Bürin Xān* [8, с. 384]. Названия девяти долин указывают на маршруты Чингис хана во время его охотничьего похода: *Indzagat* (досл. ‘с благородными оленями’), *Üčōtei* (досл. ‘с остановкой на ночь’), *Caḡātai*

(*досл.* ‘степь покрытая снегом’), *Gegētei* (*досл.* ‘с рассветом’), *Narin* (*досл.* ‘узкая долина’), *Burgaltai* (*досл.* ‘с клубящимся снегом’), *Barūn Narin* (*досл.* ‘западная узкая долина’), *Oyōr* (*досл.* ‘дно, низменность’) и *Tor*’ (*досл.* ‘круглая долина’) [12, с. 9–10]. Названия рек совпадают с названиями населенных пунктов, расположенных вблизи этих рек и действительно, в этих местах проживает коренной народ сартулов.

1.6. Сартульские племена

Сартулы отличаются друг от друга по племенам. Несмотря на малочисленность населения, сегодня известно девятнадцать различных сартульских племен. Племена *tabangūd*, *taišūd*, *atagan*, *xatigan*, *uryānхан* и *saljūd* совпадают с халхаскими. Племя *galdzūd* встречается среди хоринских бурят. Только одно племя *xūlmēn*, отсутствует среди монгольских народов и, возможно, связано с туркменским, как отмечает Бураев [4, с. 110], что, скорее всего, стоит под вопросом.

1.7. Материалы по сартульскому диалекту

Начиная с конца 1990-х годов, моя мама – известная бурятская поэтесса и журналист Раднаева Галина Жигмытовна – по происхождению сартулка, начала собирать фольклорные материалы у себя на родине по разным селам и деревням Джидинского района. До сегодняшнего дня всего издано пять томов на сартульском диалекте с литературным бурятским переводом под общим названием «Хатан Эжы Зэдэмнай» («Мать-королева Джида»), которые включают в себя различные предания, легенды, рассказы, старинные песни, поговорки и пословицы и т. д. [7; 8; 9; 10; 11]. Кроме этого, издано семь томов сартульского материала на русском и литературном бурятском языках [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18]. Основная масса бесценных материалов была собрана от представителей старшего поколения, большинство из которых уже ушли из жизни. Кроме этого, у нас около 100 аудиокассет, записанных в 1990-х годах Раднаевой от носителей сартульского языка, оцифрованных в формате mp3.

В данный момент я работаю над научной транскрипцией сартульских текстов и их переводом на английский язык. В будущем стоит задача подготовить научное исследование, в котором будут рассмотрены фонетические, морфологические, лексические и синтаксические особенности сартульского диалекта, а также написать словарь с этимологическими наблюдениями, что, возможно, поможет исследовать контактные связи с другими тюркскими, тунгусскими и монгольскими языками и диалектами. На данном этапе уже издана одна статья на английском языке [21].

2. Основные лингвистические особенности

Ниже представлен предварительный анализ нескольких лингвистических особенностей сартульского диалекта, которые указывают на общие и различные характерные черты с халхаским и бурятским языками в области фонетики, морфологии и лексики.

2.1. Фонетические признаки

2.1.1. Общие фонетические характерные черты с халхаским языком

● сохранение согласного звука *s, тогда как в литературном бурятском *s происходит фарингализация и изменение в -d в конце слова:

сартул. *ṣar* ‘луна, месяц’ ~ письм.монг. *sara*; халх. *sar*; лит. бурят. *hara*;

сартул. *toṣ* ‘масло’ ~ письм. монг. *toṣun*; халх. *tos(on)*; лит. бурят. *toho(n)*;

сартул. *üms-* ‘одевать/ся’ ~ письм.монг. *emüs-*; халх. *öms-*; лит. бурят. *ümdē-*;

- редукция конечных гласных:

сартул. *nas* ‘жизнь’ ~ письм.монг. *nasun*; халх. *nas(an)*; лит. бурят. *nahan*;

сартул. *münx* ‘вечный’ ~ письм.монг. *möngke*; халх. *mönx*; лит. бурят. *münxe*;

- деаффрикация аффрикат *č > c, *j > dz:

сартул. *sagān* ‘белый’ ~ письм.монг. *ᠰаᠭан*; халх. *sagān*; лит. бурят. *sagān*;

сартул. *dzon* ‘народ’ ~ письм.монг. *ᠵон*; халх. — ; лит. бурят. *zon*;

2.1.2 Общие фонетические характерные черты с бурятским языком

- изменение гласной *-ö->-ü- на первом слоге, как и в литературном бурятском языке:

сартул. *müngön* ‘серебро’ ~ лит. бурят. *müngen*, халх. *möngö(n)*, письм. монг. *mönggen*;

сартул. *xüwš* ‘тайга’ ~ лит. бурят. *xübše*, халх. *xöwš*, письм. монг. *köbči*;

- развитие гласного *i как в бурятском, тогда как в халхаском произошла закономерная регрессивная ассимиляция:

сартул. *nyū-* ‘прятать’ ~ лит. бурят. *nyū-*, халх. *nū-*, письм.монг. *niyu-*;

сартул. *idyē* ‘еда’ ~ лит. бурят. *edyē(n)*; халх. *idē(n)*; письм.монг. *idege(n)*;

Хотя некоторые формы подверглись перелому *i, как и в халхаском:

сартул. *max* ‘мясо’ ~ халх. *max*; лит. бурят. *myaxa(n)*; письм. монг. *miqa*;

2.1.3. Собственные фонетические особенности сартульского диалекта

- изменение конечного *-d > -s:

сартул. *nās-* ‘играть’ ~ лит. бурят. *nāda-*; ср. письм.монг. *naᠶad-*, халх. *nād-*;

сартул. *bürgs* ‘орел’ ~ бурят, халх. *bürged*, ср. письм.монг. *bürgüd*;

- изменение звука *gi > dī:

сартул. *šindī* ‘part. как’ ~ лит. бурят. *šengi*; ср. письм. монг. *singgi*; халх. — ;

сартул. *yandī-* ‘звучать’ ~ бурят., халх. *yangi-*; письм. монг. *yanggi-*;

- изменение звука *ki > ti:

сартул. *salṭī* ‘ветер’ ~ лит. бурят. *halxi(n)*; письм. монг. *salkin*; халх. *salxi(n)*;

сартул. *centir* ‘голубой’ ~ лит. бурят. *senxir*; письм. монг. *čengkir*; халх. *cenxer*;

- спорадическое изменение *VbV > VgV:

сартул. *ügel* ‘зима’ ~ лит. бурят. *übel*; письм.монг. *ebül*, халх. *öwöl*;

сартул. *tügöd* ‘Тибет’ ~ лит. бурят. *tübed*; письм.монг. *töbed*; халх. *töwd*.

3. Морфологические особенности

3.1. Окончания множественного числа

В отражении фонетического изменения *d > s*, окончание общемонгольского множественного числа +*d* [Porpe GWM §265] изменилось в +*s* в сартульском диалекте, а другое окончание +**nUGUd* [Porpe GWM §275], представленное в литературном бурятском как +*nŪd*, в сартульском имеет суффикс +*nŪs*, например:

сартул. *xüwšs* ‘сыновья’, ср. лит. бурят. *xübūd*, письм. монг. *köbegüd*;

сартул. *nüxs* ‘друзья’, ср. лит. бурят. *nüxed*, письм. монг. *nököd*;

сартул. *bātarnūs* ‘герои’, ср. лит. бурят. *bātarnūd*;

сартул. *dold’nūs* ‘волны’, ср. лит. бурят. *dolginūd*;

3.2. Притяжательные местоимения

Притяжательные суффиксы местоимений употребляются в бурятском языке последовательно и не подчиняются гармонии гласных. Фонетически сартульские формы близки к халхаским, а морфологически совпадают с бурятской структурой, т. е. к падежным окончаниям добавляются притяжательные суффиксы:

Таблица 1

Притяжательные местоимения

	общемонг.	лит. бурят.		сартул.	
1SG	<i>minu</i>	<i>minī</i> +(m)ni	<i>abamni</i> ‘мой отец’ <i>debtēni</i> ‘моя тетрадь’	<i>menī</i> +im	<i>edžim</i> ‘моя мать’ <i>nerim</i> ‘мое имя’
2SG	<i>činu</i>	<i>šinī</i> +šni	<i>abašni</i> ‘твой отец’ <i>ežišni</i> ‘твоя мать’	<i>čenī</i> +čen’	<i>duruičen</i> ‘твое жела- ние’ <i>nerčen</i> ‘твое имя’
3SG	<i>tere inu</i>	<i>terenei</i> +n’	<i>abim</i> ‘его/ее отец’ <i>nomim</i> ‘его/ее книга’	+im’	<i>namrim</i> ‘его/ее осень’ <i>edžim</i> ‘его/ее мать’
1PL	<i>manu</i>	<i>manai</i> +(m)nai	<i>ažalnai</i> ‘наша ра- бота’ <i>bülemnai</i> ‘наша семья’	<i>manai</i> +mnē	<i>golomnē</i> ‘наша река’ <i>saramnē</i> ‘наш месяц’
2PL	<i>tanu</i>	<i>tanai</i> +tnai	<i>ažaltnai</i> ‘ваша работа’ <i>ežitnai</i> ‘ваша мать’	<i>tanē</i> +tnē	<i>ačiyetnē</i> ‘ваша ми- лость {+iye ACC}’ <i>xüwüintnē</i> ‘ваш сын’
3PL	<i>tede inu</i>	<i>tedenei</i> +n’	<i>hurgūlin</i> ‘их школа’ <i>xešēln</i> ‘их урок’	+n’	<i>bātarnūsan</i> ‘их ге- рой’ {+nūs PL}

4. Лексические особенности

Предварительный анализ показал, что семантически большинство сартульских слов имеют монгольское происхождение и совпадают со словами бурятского и других монгольских языков. Лишь несколько слов отсутствуют в других бурятских диалектах и в халхаском. Например, к ним относятся такие термины родства как ‘старшая сестра’: сартул. *adyā*; ср. бурят. *egeše*, халх. *egč*, общемонг. *egečī*; ‘старший брат’: сартул. *awgai*, ср. бурят. *axa*, халх. *ax*, общемонг. *aqa* (ср. общемонг. *abayai* ‘старшая сестра или жена старшего брата’). Интересно, что в сартульских сказаниях буддийских лам называют *iwai*, что в халхаском значит ‘сознание, понимание, бдительность’, а в литературном бурятском это слово используется с отрицательным значением *ubaigüi* ‘высокомерный, бесцеремонный, бесстыдный’. Сартульское слово ‘умница’ *xücū*, также употребляемое со значением ‘трудный, тяжелый’ (ср. халх. *хесū*), используется по аналогии в бурятском *berxe* ‘трудный сложный’, а также ‘умница’.

5. Заключение

Сартульский диалект с фонетической стороны является разновидностью собственно монгольского и принадлежит к внешнемонгольской группе вместе с халхаским, хотогойтским, дархатским и дариганга диалектами, а с морфологической и синтаксической сторон совпадает с литературным бурятским. Во многих случаях различия показывают, что обычно сартулы не понимают халхаский (совре-

менный монгольский) язык, а их язык далек от литературного бурятского. Предварительный анализ доказывает, что необходимо провести подробное лингвистическое описание этого уникального диалекта.

Литература

1. Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. Текст: непосредственный.
2. Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты. Опыт диахронного исследования. Текст: непосредственный. Новосибирск: Наука, 1992. Текст: непосредственный.
3. Будаев Ц. Б. Буряад диалектнүүдэй үгэнүүдые сасуудхаһан толи: сравнительный словарь бурятских диалектов. Текст: непосредственный. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. Текст: непосредственный.
4. Цыдендамбаев Ц. Б., Бураев И. Д. Сартульский говор. Исследование бурятских говоров. Выпуск 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1965. С. 108–150. Текст: непосредственный.
5. Бураев И. Д., Шагдаров Л. Д. Бурятские диалекты / Буряты / ответственные редакторы Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. Москва: Наука, 2004. С. 235–241. Текст: непосредственный.
6. Менжигиин Д. Д. Буряад ороной сартуул уг изагууртан. [Сартульские племена Бурятии]. Закаменск: Закаменская типорграфия, 1991. Текст: непосредственный.
7. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) Хатан Эжы Зэдэмнай. [Королева-мать Джида] Сартуул дуунууд. [Сартульские песни]. Т. 1. Улан-Удэ: Нонпарель, 2005. Текст: непосредственный.
8. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) Хатан Эжы Зэдэмнай. [Королева-мать Джида] Ульгэр, домогууд. [Сказки и легенды] Т. 2. Улан-Удэ: Нонпарель, 2005а. Текст: непосредственный.
9. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) Хатан Эжы Зэдэмнай. [Королева-мать Джида] Ульгэр, домогууд. [Сказки и легенды]. Т. 3. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2007. Текст: непосредственный.
10. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) Хатан Эжы Зэдэмнай. [Королева-мать Джида] Ульгэр, домогууд. [Сказки и легенды]. Т. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2007а. Текст: непосредственный.
11. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) Хатан Эжы Зэдэмнай. [Королева-мать Джида] Юрөөлнүүд. Онһон, хошоо үгэнүүд. Таабаринууд. Ажиглалтанууд. Түргэн жороо үгэнүүд. Түргэн ухаанай үгэнүүд. Урданай дуунууд. Ёһо заншалнууд. [Благопожелания. Пословицы и поговорки. Загадки. Заметки. Скороговорки. Мудрости. Старинные песни. Традиции.] Т. 5. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2007б.
12. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) Эхо времен. Сагуудай суурян. Т. 1. Улан-Удэ: Новап rint, 2013. Текст: непосредственный.
13. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) Время, изменившее мир. Дэлхэе хубилгаһан саг. Т. 2. Улан-Удэ: Новап rint, 2013а. Текст: непосредственный.
14. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) Память ушедших времен. Из жизни замечательных людей. Үе сагуудай мүнхэ дурасхаалһаа. Суута хүнүүдэй ажабайдалһаа. Т. 3. Улан-Удэ: Новап rint, 2015. Текст: непосредственный.
15. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) Отблеск времени... Из жизни замечательных людей. Үе сагайн зэрэлгээн... Суута хүнүүдэй ажабайдалһаа. Т. 4. Улан-Удэ: Новап rint, 2015а. Текст: непосредственный.
16. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) Жизнь во имя народа... Из жизни замечательных людей. Зонойнгоо түлөө...Суута хүнүүдэй ажабайдалһаа. Т. 5. Улан-Удэ: Новап rint, 2015б. Текст: непосредственный.

17. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) Вечный круговорот времен. Из жизни народа. Үе сагуудай мүнхэ эрьесэ. Арад зоной ажабайдалхаа. Т. 6. Улан-Удэ: Новапринт, 2017. Текст: непосредственный.
18. Раднаева Г. Ж. (Санджэ-Сурун) На стыке времен. Из жизни народа. Үе сагуудай уулзуур дээрэ. Арад зоной ажабайдалхаа. Т. 7. Улан-Удэ: Новапринт, 2018. Текст: непосредственный.
19. Рассадин В. И. Присаянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ РАН, 1996. Текст: непосредственный.
20. Janhunen Juha Mongol dialects. In: Janhunen, J. (ed.) The Mongolic languages. London & New York: Routledge, 2003. P. 177–192.
21. Khabtagaeva Bayarma. Sartul Buryat dialect: preliminary analysis. / Ragagnin, Elisabetta & Khabtagaeva, Bayarma (eds.) Endangered languages in Northern Asia. Leiden & Boston: Brill. 2022. P. 166–186.
22. Kim Stephen S. Santa. In: Janhunen, Juha (ed.) The Mongolic languages. London & New-York: Routledge, 2003. P. 346–363.
23. Poppe Nicholas. *Die burjätische Sprache*. In: Poppe, N. et al. (ed.) *Mongolistik*. Leiden: Brill, 1963.
24. Poppe GWM = Poppe, Nicholas. *Grammar of Written Mongolian*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991.
25. Skribnik Elena. *Buryat*. In: Janhunen, J. (ed.) The Mongolic languages. London & New York, 2003. P. 102–128.

ABOUT THE SARTUL DIALECT OF THE BURYAT LANGUAGE

© **Baiarma Khabtagaeva**

PhD. habil.

Senior Researcher at the University of Naples “L’Orientale”

(the Orientale University)

Naples, Italy

baiarma@hotmail.com

Abstract. The article is a brief linguistic overview of the Sartul dialect of the Buryat language and its modern linguistic situation. The analysis is based on linguistic data obtained from field materials collected by my mother Galina Radnaeva in the 1990s.

Keywords: Altaistics, Mongolian studies, Buryat dialects, Sartulian dialect.

УДК 930 (510)

**«СВЕТИЛЬНИК РАССУЖДЕНИЙ» КЕНСУР АГВАН НИМЫ (1907–1990)
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АТИШИ В ТИБЕТЕ**

© **Хартаев Владимир Владиславович**

младший научный сотрудник,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, г. Улан-Удэ

buda2004@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается деятельность индийского буддийского учителя Атиша Дипанкара Шриджняны (982–1054) в сочинении «Светильник рассуждений» выдающегося бурятского буддийского деятеля Кенсур Агван Нимы (1907–1990). Это сочинение принадлежит историческому жанру тибетской литературы чойчжун и описывает историю буддизма в Индии, Тибете, Монголии и России. Основное содержание данного трактата посвящено тибетской буддийской школе Гелук, в частности, его основателю — выдающемуся ученому-схоласту, реформатору тибетского буддизма Дже Цонкапа Лобсан Дагпе (1357–1419), а также основному его труду «Большое руководство к этапам пути пробуждения». В отрывке сочинения Агван Нима, выбранном для данной статьи, рассматривается эпизод, связанный с обстоятельствами приглашения великого учителя Атиши и других индийских ученых монахов в Тибет.

Ключевые слова: Атиша, Индия, Тибет, Кенсур Агван Нима, история, Викрамашила, Дром.

Благодарности

Работа выполнена в рамках госзадания: «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII — начала XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия, № 121031000302-9».

Сочинение выдающегося буддийского деятеля XX века Кенсур Агван Нимы «Светильник рассуждений» [тиб. chos 'byung lung rigs sgron me], которое составлено в 1965 г., относится к тибетскому историческому жанру чойчжун¹. Оно посвящено истории буддизма в Индии, Тибете, Монголии и России. Основное внимание в этом трактате уделено основателю школы Гелук в Тибете Дже Цонкапа Лобсан Дагпе (1357–1419). Атиша был известным индийским буддийским ученым монастыря-университета Викрамашила в Индии, основателем школы Кадам в Тибете. Школа Гелук стала продолжателем традиции этой школы (другое название школы — новая Кадампа). На основе сочинения Атиши «Светильник на пути к просветлению» был написан главный труд Цонкапы «Лам-рим ченмо» (Большое руководство к этапам пути пробуждения), где рассматриваются три уровня личности практикующего буддиста и методы достижения пробуждения [4, с. 9]. В отличие от Гой лоцава Шоннупэла, Агван Нима не пишет о жизни и деятельности великого индийского пандиты [3, с. 184], а акцентирует внимание на трудных обстоятельствах его приглашения из Индии в Тибет. Вероятно, причиной является то, что этим самым автор пытается донести до адептов, чтобы они по достоинству ценили учителя Атишу, и у них зародилась большая вера в него. Одной из главных

¹ Чойчжуны — это трактаты, посвященные возникновению и распространению буддизма, тибетской медицины, мистическим культам и т. д.

практик школы Гелук является почитание учителя. Основной значимой информацией из этого отрывка сочинения, по нашему мнению, является изложение линии преемственности школы Кадам [1, с. 84–85].

Атиша пришел в Тибет после гонений на буддизм в лице тибетского царя Ландармы (799–842) в IX веке. В этот период в Тибет приглашались индийские учителя, но они не снискали должного авторитета среди верующих. Также развивалась монашеская традиция, которая не принимала тантрический буддизм¹. Все эти обстоятельства привели к упадку буддизма в Тибете [2, с. 54].

Свое повествование об Атише Агван Нима начинает с описания трудностей по поводу его приглашения в Тибет. Царь Тибета Лха лама Еше Од отправил 21 юношей для приглашения истинного индийского ученого в Тибет, чтобы возродить чистую линию передачи учения. Из них в живых остались только двое (остальные умерли из-за жары). Это переводчики Ринчен Цзанпо (958–1055) и Лэгдэн Шераб, которые были хорошими знатоками Дхармы. Они рассказали царю о Дипамкара Шриджняне (Атише), индийском пандите (санск. ученый), который отрекся от царского трона во имя учения Будды. Если пригласить именно его, объяснили они, это принесет пользу учению Будды в Тибете. Все мудрецы Тибета были согласны с этим [1, с. 70–71]. Тибетский царь отправил за учителем Гьяцонга Сенге с восемью спутниками, с большим количеством золота, но они также потерпели неудачу. Тогда царь сам отправился искать золото, чтобы пригласить Атишу. Царь карлогов (народ, исповедовавший ислам) был против приглашения индийского пандиты и восстановления учения в Тибете. Он взял в плен царя Лха ламу Еше Ода, и сказал, что, если он не откажется от идеи пригласить Атишу, то он его убьет. Племянник Лха ламы Чанчуб Од пришел вызволять своего дядю. Царь карлогов ответил, что освободит царя в том случае, если ему принесут золото равное весу пленного царя. Чанчуб Од смог найти золото, но оно было равно весу тела царя без головы. Однако царь карлогов не согласился отпускать царя без полного веса равную телу Лха ламы Еше ода. Тогда Чанчуб Од встретился с царем и пояснил, что в случае войны против царя карлогов погибнет много воинов, сам же Лха лама может переродиться после смерти в низших мирах. На что царь ответил, что он уже стар, и ему осталось жить не больше десяти лет. Поэтому он рад послужить на пользу учению Будды. Он приказал, чтобы все золото поднесли Атише, чтобы пригласить его в Тибет и рассказали ему историю о произошедшем. [1, с. 72–73].

Затем царь Чанчуб Од, молясь Трем Драгоценностям², сделал тибетское гадание «Мо», чтобы определить, кто бы мог отнести золото для приглашения Атиши. Выбор пал на Нагцо-лоцаву [тиб. nag tsho lo tssha ba], который в то время пребывал в Золотом дворце Гунтан. Царь пригласил его в Нгари. Опасаясь его отказа, он посадил приглашенного на высокий трон и сказал: «Ты должен упросить Атишу прибыть в Тибет, скажи ему так: «Наши предки, а также высшие министры и цари смогли принести в Тибет учение Будды. Однако сейчас оно пришло в упадок. Мы неоднократно посылали с золотом, чтобы пригласить вас, но наши попытки были безуспешны. Наш царь сам пошел искать золото, чтобы отправить его в Индию для этой цели, но был пленен злым правителем одной из областей и расстался

¹ В тантре адепт представляет себя просветленным существом, это ускоряет достижение пробуждения вплоть до одной жизни.

² Будда, его Учение и Община монахов.

с жизнью. Прояви свое сострадание и не откажи в нашей просьбе» [1, с. 73–74]. Нагцо-лоцава согласился, царь передал ему 700 золотых монет со словами, адресованными Атише: «В Тибете не так просто найти золото. Это золото — почти все богатство Тибета. Если ты откажешься прибыть в Тибет, значит твое сострадание невелико». Так Нагцо отправился в путь.

Когда Нагцо со своими спутниками достигли Непала, им повстречался высокий мужчина и сказал следующее: «Ваш путь далек, если будете говорить: «Кланяюсь Трем Драгоценностям, пусть распространится святое учение Будды трех времен в Снежной стране (Тибет), то достигните цели». На вопрос: «Кто вы?», он ответил, что позже узнаете. Это было проявление Дромтопы, который очищал препятствия, возникающие на пути у Нагцо. Постепенно путники дошли до Викрамашилы¹ [тиб. *bri ka ma shi la*], где встретились с Гьяцонгом-Сенге [тиб. *rgya brtsong seng gi*]. На вопрос, откуда они идут, те ответили: «Из Нгари». Тогда он посоветовал никому не говорить, что хотят пригласить Атишу. Он также сказал, чтобы дали унцию золота уважаемому старейшине Радхакришнану, чтобы тот представил учителя. В благоприятный момент Нагцо Лоцава все же смог встретиться с Атишой, и все рассказать ему. Таким образом, удалось пригласить Атишу. Но он сразу не мог уехать, поскольку был связан обязательствами перед индийской общиной. Затем он обратился к Таре², стоит ли ему ехать в Тибет. На что получил ответ, что это безусловно будет полезно для Учения Будды, но срок его жизни уменьшится на 20 лет, вместо 93 он доживет до 73 лет. Позже, под видом долгосрочного паломничества в святые места Бодхгаи, Атише удалось отправиться в Тибет через Непал, где его встретил царь Тибета с 300 спутниками. Этот эпизод свидетельствует о том, что Атиша был настоящим «бодхисаттвой», что даже сокращение срока жизни во имя учения Будды не пугало его. Также здесь мы узнаем, что у него была трансцендентальная связь с Зеленой Тарой, к которой он мог обращаться по возникающим вопросам³.

Атиша придерживался вегетарианской диеты, поэтому приготовил еду для Дромтонпы в виде зерна и масла. Дромтонпа не съел масла, сделал из него светильник, который мог гореть всю ночь и поднес к подушке (изголовью) Атиши. Затем он стал это делать не переставая, каждый день до конца жизни учителя. В тот вечер Атиша передал Дрому много посвящений и принял его в ученики.

Затем из Пуренга они прибыли в Кыронг, который находился в Маньюле. Далее они хотели через Непал попасть в Индию, но там шла война, и они не смогли пройти. Дром настаивал, чтобы они вернулись в Тибет. Нагцо же хотел, чтобы они пошли в Индию и был опечален, что путь был перекрыт военными действиями. Тогда Атиша сказал, что нет в этом его вины и не стоит ему беспокоиться. Это очень обрадовало лоцаву и таким образом Атиша возвратился в Тибет. Агван Нима пишет, что, поскольку на пути в Индию случились препятствия, в этом была большая заслуга тибетцев.

¹ Буддийский университет в Индии, существовал в течение VIII–XII веков.

² Зеленая Тара — буддийская богиня, просветленное существо женской формы.

³ Существует история о том, что когда Атиша тяжело заболел, к ней пришла Тара и сказала, что если он прочитает «восхваление 21 тары» 10 000 раз, то он выздоровеет. Но Атиша сказал, что не сможет прочитать 10 000 раз такую длинную молитву, поэтому Тара сочинила и предложила прочитать обращение Таре из 4 строк, тогда он смог прочитать ее 10 000 раз и выздоровел. Эта молитва ныне очень распространена среди тибетцев.

Из-за того, что Атиша не смог прибыть в Индию, отправили посыльного с письмом с сообщением об этом. Вместе с ним была отправлена копия сочинения Атиши «Светильник на пути к пробуждению», которую он написал в Тибете, а также немного золота. В письме говорилось о том, что согласятся ли они, чтобы Атиша остался в Тибете, когда ситуация с войной улучшится, поскольку это принесло бы пользу большому количеству живых существ.

В то время в Индии было такое правило, согласно которому каждый год собрание пандит изучали новые книги. Книги, в которых не содержалось ошибок, представляли царю, и автор вознаграждался. Мудрецы Индии, изучив сочинение Атиши, пребывали в большом воодушевлении, поскольку всего на трех страницах ему удалось уместить все положения о сутре и тантре. Мудрецы провозгласили, что Атиша, находясь в Тибете, приносит пользу не только тибетцам, но и индийцам. Атиша не давал таких учений в Индии, поскольку индийцы были очень грамотны. Из Индии Ратнакришнан ответил на письмо, в котором говорилось, что пусть Атиша остается в Тибете сколько пожелает ради блага живых существ, тем более что он сам этого хочет. Но было только одно условие — Атиша сам должен написать собственный комментарий на его сочинение. Нагцо-лоцава очень обрадовался этому, и огромный груз ответственности перед старейшиной упал с его плеч.

Затем Агван Нима пишет, что Атиша прибыл в Центральный Тибет и повернул там колесо учения. В общей сложности Атиша провел в Тибете 17 лет: в Нгари — 3 года, в Нетанге — 9 лет, 5 лет в Центральном Тибете. В конце сочинения Агван Нима пишет о развитии линии преемственности школы Кадам в Тибете.

Рассмотрев отрывок из сочинения «Светильник рассуждений» Кенсур Агван Нимы, посвященный Атише, можно сделать заключение, что оно очень краткое, но достаточно содержательное в основных вопросах распространения буддизма в тот период. Основная часть посвящена некоторым попыткам приглашения великого пандиты в Тибет, которые в конце концов увенчались успехом, и Атиша смог прибыть в Тибет и послужить на пользу учения Будды. В этой части сочинения мы узнаем, в каких именно местах пребывал Атиша, сколько лет и какие были у него ученики. Также не маловажным является то, что автор сочинения, Агван Нима дает линию преемственности школы Кадам в Тибете.

Литература

1. Agvan Nyima. *ngepa dongyi mkhas grub chen pod pal ldan 'bras spungs bkra shis sgo mang gi gdan rabs don gnyis pa tje btsun ngag dbang nyi ma'i gsung 'bum bzhugs so*. 1–2 volumes (ka kha). Delhi: DREPUNG GOMANG LIBRARY, MUNDGOD, 2003a. 710 p. (in Tibetan).
2. Пабонка Ринпоче. Освобождение на вашей ладони; перевод с английского С. Хоса; научный редактор А. Терентьев. Москва: Сохраним Тибет, 2014. Книга 1. 616 с. Текст: непосредственный.
3. Шоннупэл, Гой-лоцава. Синяя летопись. История буддизма / перевод с тибетского Ю. Н. Рериха; перевод с английского О. В. Альбедилы, Е. Ю. Харьковской. Москва: Изд-во АСТ, 2018. 800 с. Текст: непосредственный.
4. Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения I Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности / перевод с тибетского языка А. Кугявичуса; под общей редакцией А. Терентьева. Санкт-Петербург: Изд-во Нартанг, 1994. 387 с. Текст: непосредственный.

**"LAMP OF REASONING" KENSUR AGVAN NIMA (1907–1990) AS A SOURCE
FOR STUDYING THE ACTIVITIES OF ATISHA (982–1054) IN TIBET**

© **Vladimir V. Khartaev**

junior researcher of The Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Ulan-Ude
buda2004@mail.ru

Abstract. The work examines the activities in Tibet of the Indian Buddhist teacher Atisha Dipankara Srijnana (982-1054) in the work “The Lamp of Reasoning” by the outstanding Buryat Buddhist figure Kensur Agvan Nima (1907–1990). This work belongs to the historical genre of Tibetan literature, Choizhung [tib. ‘chos ‘byung], and describes the history of Buddhism in India, Tibet, Mongolia and Russia. The main content of this treatise is devoted to the Tibetan Buddhist school of Geluk, in particular its founder — the outstanding scholastic scholar, reformer of Tibetan Buddhism Je Tsongkhapa Lobsan Dakpa (1357–1419), as well as his main work “The Great Guide to the Stages of the Path of Awakening.” The excerpt from Agvan Nima's essay selected for this article examines several attempts to invite Indian scientists to Tibet, but all of them failed. Even the king of Tibet, Lha Lama Yeshe Od, sacrifices his life for the sake of teaching. His nephew Changchub Od becomes the next king of Tibet and manages to invite Atisha with the help of Nagtso Lotsawa. As a result, Atisha was able to come to Tibet, write the main work “The Lamp on the Path to Awakening” and spread the teaching there together with his main Tibetan student Drom for 17 years.

Keywords: Atisha, India, Tibet, Kensur Agvan Nima, history, Vikramashila, Drome.

ЧИСЛА В ФОЛЬКЛОРЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

© Цыренжапова Дарима Доржиевна

магистрант,

кафедра филологии Центральной Азии¹

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Россия, г. Улан-Удэ

tsyrenzhapova00@inbox.ru

Аннотация. Числа в фольклоре монгольских народов обладают особой символикой, наделены сакральной семантикой, мифологическими и культурологическими значениями. В данной статье автор приводит примеры монгольских пословиц, поговорок, загадок, благопожеланий, улигеров, в которых содержатся числовые обозначения.

Ключевые слова: числа; монгольские языки; пословицы; поговорки; загадки; благопожелания, улигеры.

Фольклор из всех сфер творческой деятельности монголов представляет собой исключительно самобытное явление, впитавшее в себя многовековую музыкально-поэтическую, речевую, культурную традиции монгольского народа. В фольклоре заключено все многообразие морально-этических представлений народа и осязательно прослеживается языковая картина мира.

Фольклор монгольских народов содержит героические эпосы, улигеры, сказания, а также сказки, загадки, пословицы, поговорки, скороговорки, считалки. Ранее в работах делались попытки детально раскрыть числа, встречающиеся в фольклоре монгольских народов, и установить символику этих чисел. В данной статье представлены примеры устного народного творчества, фольклора монгольского и бурятского народов, в которых содержатся числовые обозначения.

Числа в фольклоре монгольских народов обладают особой символикой, наделены сакральной семантикой, мифологическими и культурологическими значениями. Числа наделяются неким дополнительным смыслом, приобретают определенную коннотацию. Числовые обозначения в жанрах фольклора монгольских народов довольно часто встречаются, как, впрочем, и в фольклоре других народов. Это можно назвать универсальным явлением. Рассмотрим употребление числовых обозначений на примере пословиц и поговорок монгольских языков.

Пословицы и поговорки являются древнейшими жанрами устного народного творчества монгольских народов. У монголов и бурят бытует огромное количество пословиц, многие из которых в обоих языках совпадают или имеют сходный смысл и языковую организацию. Большинство пословиц имеет переносно-обобщенное значение благодаря своеобразным речевым приемам. В создании таких значений большую роль играют ассоциативные представления, противопоставление различных явлений, употребление сопоставлений, обобщений, гипербол. Все эти абстрактные понятия присутствуют в пословицах так, что назидание в них выражено не прямо, а через конкретный образ, и смысл пословицы раскрывается в

¹ Научный руководитель — О. Ф. Золтоева, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Центральной Азии Восточного института БГУ им. Доржи Банзарова

результате аналогий, сравнений. Потому в пословицах присутствуют числа и единицы величин, позволяющие усилить напряженность и выразительность речи, сделать выводы либо однозначными, либо многозначными по содержанию, сжатыми и четкими по форме [1, с. 67]. В них закреплены народные знания о величинах, числах, способах сопоставления, сравнения, обобщения, аналогии. Приведем примеры таких пословиц и поговорок:

монг. Аавын хүү адилгүй, арван хуруу тэгшгүй.

У одного отца дети разные, у одной руки пальцы разные.

монг. Аалзны мөрөөр арав хонох, хорхойн мөрөөр хорь хонох.

Передвигаясь паучьим шагом, заночуешь десять раз, передвигаясь как червяк, заночуешь двадцать раз.

монг. Авсан нь нэг тамтай, алдсан нь арван тамтай.

Взявший — с одним грехом, потерявший — с десятью.

бур. Мянга дахин дуулаһанһаа, нэгэ дахин харахада дээрэ.

Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать.

монг. Аймхай хүн арав үхнэ, айдаггүй хүн нэг үхнэ.

Трусливый умирает десять раз, а отважный — один раз [3, с. 44].

Загадки являются одним из видов фольклора, которые имели широкое распространение у монгольских народов, и занимали особое место в развитии логического мышления и математических представлений. Их загадывали на свадьбах, в состязаниях улигершинов, в хороводных играх, на посиделках для взрослых и детей. В устном творчестве монгольских народов существуют различные виды загадок: загадки-повествования, загадки-вопросы, загадки-триады, загадки-тетралогии, загадки-повторы, загадки-песни и др. Среди загадок существует много загадок с числами, которые называются числовыми загадками — *тоотой таабаринууд*.

В дореволюционное время записью загадок не занимались, первые числовые загадки были извлечены из рукописей этнографа М. Н. Хангалова. Среди народных загадок наше внимание привлекают загадки — триады — триединые загадки, которые И. Н. Мадасон назвал *гурбалжан таабаринууд*, и отнесены к одному из видов числовых загадок. В монгольском фольклоре их называют просто «тройка» — *гурван* или «жителейская тройка»-*ертөнцийн гурван*. «Загадка-триада состоит из двух частей: первая — это загадка в собственном смысле, представляющая собой вопросительное или повествовательное выражение. Это выражение, называя тему, требует ее раскрытия в трех образах, отражающих какие-нибудь явления, «триединой загадки» [2, с. 45].

Монгольская народная триада:

Ертөнцийн гурван худал «Три глупости»

Тэхийн эвэр тэнгэрт хүрнэ гэдэг нэг худал.

Одна глупость, что рога дикого горного козла достигают до неба.

Тэмээн сүүл газарт хүрнэ гэдэг нэг худал.

Одна глупость, что хвост верблюда достигает до земли.

Тэнэг хүн ноён болно гэдэг нэг худал.

Одна глупость, что дурак станет начальником [2, с. 49].

Огромным педагогическим потенциалом самодеятельного народного творчества монгольских народов обладают *билэг дэмбэрэлийн үгс* (добрые слова — благопожелания). В них содержатся неисчерпаемые ценности и богатый материал для нравственно-духовного становления человека.

В монгольском фольклоре существует немало благопожеланий, в которых верблюд является главным персонажем. Особое отношение к верблюду среди монголов проявляется в обращении с новорожденным верблюжонком, и его рождение было особой радостью. Приведём пример благопожелания:

*Буур тавихад: Запуск самца — верблюда в караван:
Холбоо хоёр бөхтэй
С двумя крупными горбами
Гоо сайхан биетэй
Статное тело имеешь,
Гучин хуруу зогдортой
С гривой величиною в тридцать пальцев
Түмэн тэмээний эзэн
Во главе десяти тысяч верблюдов,
Хундан улаан буур болоорой.*

Становись самым плодовитым самцом.

Однозначно, что числа у монгольских народов имели особое значение и сохранились в народном фольклоре в содержании пословиц, загадок, поговорок, благопожеланий и улигеров. В фольклорных жанрах содержится многообразие морально-этических представлений народа и через познание глубинного смысла фольклора люди приобщаются к своей культуре, традициям и обычаям.

Литература

1. Балдаев С. П. Устное народное творчество бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. С. 67–69. Текст: непосредственный.
2. Дугаржапова Л. Д. Математика монгольских народов в школе: учебно-методическое пособие для учителей / редактор А. Мекей; Министерство образования и науки Республики Бурятия, Монгольский государственный университет. Улаанбаатар: МУИС-ийн хэвлэхүйлдвэрт хэвлэв, 2008. 377 с. Текст: непосредственный.
3. Түмэн таабари. Суглуулбари. Улаан-Удэ, 1981. С. 43–50.

NUMBERS IN THE FOLKLORE OF THE MONGOLIAN PEOPLES

© **Darima D. Tsyrenzhapova**

Master's student
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
tsyrenzhapova00@inbox.ru

Abstract. Numbers in the folklore of the Mongolian peoples have a special symbolism, endowed with sacred semantics, mythological and cultural meanings. In this article the author gives examples of Mongolian proverbs, sayings, riddles, good wishes and uligers with numerical designations.

Keywords: Numbers; Mongolian languages; proverbs; sayings; riddles; good wishes; uligers.

**ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПИСЬМЕННОГО ПАМЯТНИКА
«СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ» В КИТАЕ В XX в.**

© Этагорова Аюна Баировна

магистрант,

кафедра истории и регионоведения стран Азии и Африки¹,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

ayuna.bsu@gmail.com

Аннотация. В статье мы предприняли попытку кратко изложить историю исследований монгольского письменного памятника «Сокровенное сказание монголов» китайскими учеными в XX веке. В статье представлена периодизация исследований данного письменного памятника, проанализированы результаты исследований китайских ученых в области перевода, а также результаты дискуссий относительно авторства и даты создания «Сокровенного сказания монголов».

Ключевые слова: Сокровенное сказание монголов, история исследований, Китай, XX век.

«Сокровенное сказание монголов» — выдающийся письменный памятник, написанный в XIII веке. Это чрезвычайно ценный источник для изучения древней монгольской истории, общественного строя, философской и политической мысли, старомонгольского языка. Согласно исследованиям, оригинальный текст «Сокровенного сказания монголов» был написан на уйгуро-монгольском языке, однако оригинал был давно утерян. Таким образом, до наших дней дошли только три версии памятника, транскрибированные китайскими иероглифами — 15-томное издание из сборника «Юнлэ Дадань» (永乐大典), 12-томная рукопись Гу (顾广圻本) и издание Е Дэхуэй (叶德辉本) (другое название издание Гуань Гутан — 观古堂本) [2].

Исследования памятника в Китае начались в XIV в., и получили новый толчок развития с конца XIX века. Следующий временной промежуток — с конца XX в. — считается периодом расцвета исследования.

В целом, Wojjigin Haiyan полагает, что в истории изучения «Сокровенного сказания монголов» выделяется три этапа исследований:

- 1) этап сбора данных (данный этап относится к периоду династии Мин);
- 2) этап компиляции текста и его перевода (данный этап относится к периоду династии Цин);
- 3) этап современных исследований (с начала XX в. и до наших дней) [1, с. 155].

Нам интересен третий этап, анализ которого мы постараемся в рамках данной статьи представить, и выяснить, какие аспекты изучения «Сокровенного сказания монголов» находятся в фокусе внимания китайских ученых.

Первый аспект, который вызвал у научного сообщества бурную дискуссию, связан с вопросом, является ли «Сокровенное сказание монголов» историческим

¹ Научный руководитель — И. Г. Актамов, кандидат педагогических наук, доцент кафедры Истории и регионоведения стран Азии Восточного института БГУ им. Д. Банзарова

или литературным источником. Так, ученый Чэн Дэгун (Цэнд-гун) из Внутренней Монголии впервые в 1917 г. перевел на монгольский язык версию «Сокровенного сказания» Е Дэхуэя. Согласно исследованиям, перевод Чэн Дэгуна был достаточно кратким, и в нем отсутствовали стихи, которые были в оригинале на китайском. Другие же утверждают, что стихотворения, возможно, были просто переделаны в длинные тексты. По мнению Чэн Дэгуна, «Сказание» представляет собой исторический материал, поэтому наличие или отсутствие стихотворений не имеет значения. Такой же точки зрения придерживался историк Ван Говэй своих работах «Послесловие к «Сокровенному сказанию монголов»» (1926 г.), «Записки о Монголии» (1927 г.) и др.

Таким образом, до середины XX в. ученые Внутренней Монголии КНР считали данный памятник историческим источником.

В 1947 г. в Монголии был издан перевод на современный монгольский язык «Сокровенного сказания» Цэндийн Дамдинсурэном, в предисловии которого было указано, что памятник является не только историческим документом, но и классической монгольской литературы, основанной на устной словесности, и прекрасно демонстрирует стилистические особенности монгольского языка. Данный факт способствовал тому, что в китайском научном сообществе мнение о «Сокровенном сказании» начинает меняться. В дальнейшем идея о литературной природе «Сокровенного сказания» продвигалась такими учеными, как Чжан Жунган и Ян Мин. Литературная ценность «Сокровенного сказания» выражалась в следующих моментах: во-первых, уникальный языковой стиль, который оказал в дальнейшем большое влияние на монгольский язык и, во-вторых, оригинальная художественная композиция, которая свидетельствует о высоком уровне развития монгольской литературы в XIII в. С тех пор природа «Сокровенного сказания монголов» была признана двойственной [1, с. 156–158].

Также стоит отметить, что в научном сообществе существовала проблема множества версий памятника, поэтому в различных версиях так или иначе существуют различия и ошибки. Особый вклад в решение данной проблемы внесли ученые Элдэмтэй и Оюун-Далай. Они начали изучение памятника с сопоставления различных изданий, для того чтобы составить версию памятника с меньшим количеством ошибок и опечаток. В итоге в 1980 г. вышло «Скорректированное издание «Сокровенного сказания монголов»», которое было хорошо принято академическими кругами внутри страны и за рубежом [4, с. 18–20].

Еще одним важным вкладом Элдэмтэя в изучение «Сказания» является составление работы «Комментарии к словам из «Сокровенного сказания монголов»», которая представляет собой сборник архаичных сложных слов и пояснение к ним. Данный труд, написанный Элдэмтэем, Оюун-Далаем и Асаралту, является одним из важных достижений в изучении «Сокровенного сказания» и монголоведения [2].

В 1980-е годы в Китае начинают появляться другие переводы различных версий «Сказаний» на современный монгольский язык на уйгуро-монгольской графике и китайский язык.

Одновременно китайскими учеными проводились исследования по восстановлению монгольского текста «Сказания» на уйгуро-монгольском письме. Большой вклад в это дело внес Иринчин в 1987 г. [3, с. 15].

В 1996 г. в Китае вышел первый научно-исследовательский труд в виде монографии — «Очерк о “Сокровенном сказании монголов”» под авторством Чжэнь Цзиня. Работа состоит из двадцати глав. В данном труде изучается проблема связи «Сказания» с другими историческими источниками и материалами, также обсуждаются вопросы о названии, авторе и дате создания памятника [4, с. 20].

Что касается вопроса об авторстве «Сказания», в китайских академических кругах существуют разные мнения. Некоторые учёные считают, что «Сокровенное сказание монголов» не было написано единолично. Эту точку зрения впервые выдвинул Иринчин.

Проблема даты создания «Сказания» также является достаточно спорной. Самая общепринятая дата среди историков считается 1240 г. Первыми, кто был уверен, что «Сказание» было написано в 1240 г., были учёные династии Цин Сюй Сун, Ли Вэньтянь и др.

Существует теория о том, что датой написания может быть и 1228 год. Первым человеком, предположившим, что «Сокровенное сказание» было написано в 1228 году, был Дин Цянь, ученый поздней династии Цин. В 1927 году Чэнь Биньхэ в своих комментариях к «Сокровенному сказанию» выдвинул возражения против теории Дин Цяня. В 1990 г. Чжэнь Цзинь в своей статье «Анализ датировки составления «Сокровенного сказания монголов»» путем изучения трех частей памятника: предисловия, основной части и заключения, автор выдвигает теорию о том, что труд был написан в 1228 году [4, с. 19–20].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что на протяжении всего XX в. китайские ученые достаточно активно проводили исследования данного важного письменного памятника в разных аспектах. Следует также выделить переводческую работу китайских ученых. Несомненно, исследования в отношении «Сокровенного сказания монголов», проводимые китайскими учеными, расширяют, углубляют монголоведные исследования и вносят значительный вклад в мировое монголоведение.

Литература

1. Бэйэчжицинь Хай’янь. Столетие литературных исследований «Сокровенного сказания монголов» в Китае // Исследования национальной литературы. 2019. № 3. С. 155–158. Текст: непосредственный.
2. Булаг. Изучение «Сокровенного сказания» в Китае // *Mongolica*: к 750-летию «Сокровенного сказания». Москва: Наука; Восточная литература, 1993. С. 87–98. 343 с. Текст: непосредственный.
3. Три поколения монголов, которые расшифровали «Сокровенное сказание монголов» // Обзор текущих событий Южной Монголии. URL: https://smginc.blogspot.com/2010/07/blog-post_8548.html (дата обращения: 04.11.2023). Текст: электронный.
4. Улань. Краткий обзор филологических исследований «Сокровенного сказания монголов» // Академический семинар, посвященный 850-летию со дня рождения Чингисхана. Китайское монгольское историческое общество, Университет Внутренней Монголии. 2012. С. 8–20. Текст: непосредственный.
5. У-юньгаова. Исследовательский статус «Сокровенного сказания монголов» в Китае // Направления исследований в истории Китая. 2001. № 3. С. 16–21. Текст: непосредственный.

**FROM THE HISTORY OF RESEARCH ON THE WRITTEN MONUMENT
"THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS"
IN CHINA IN THE 20TH CENTURY**

© **Ayuna B. Etagorova**
Research Assistant,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
ayuna.bsu@gmail.com

Abstract. This article aims to summarise the history of research conducted by Chinese scholars on the Mongolian written monument "The Secret History of the Mongols" during the twentieth century. The article provides a periodisation of the research on this written monument and analyses the findings of Chinese scholars in the field of translation. Additionally, the article discusses the authorship and date of creation of the "The Secret History of the Mongols."

Keywords: The Secret History of the Mongols, research history, China, 20th century.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Абдиев Т. К.</i> Кыргызско-бурятские лексические параллели	6
<i>Абдикарим Нурзия, Төкенқызы Гүлназ.</i> Казах, монгол хэлнүүдийн нэр томъёо орчуулах зарчимуудыг харьцуулсан судалгаа. Сравнительное исследование принципов перевода терминов в казахском и монгольском языках	12
<i>Бахшыева Т. Л.</i> Ареалы топонимов тюркского происхождения в Азербайджане	19
<i>Гусейнова А. И.</i> О словарных статьях к слову 'мать' в словарях азербайджанского и монгольского языков	24
<i>Дашибалова Д. В., Галданова А.</i> Антропонимы в легенде о Мандухай Сэцэн-хатун и в романе Ш. Нацагдоржа «Мандхай хатан»: сравнительный анализ	28
<i>Жамсаранова Р. Г.</i> Историческая антропонимия хори-бурят	34
<i>Загарпэрэнлэй Т., Содномжамц Д.</i> Даахийн бичээс. Руническая надпись в местности Даахь	42
<i>Нармандах Халтар, Цолмон Ширнэн.</i> Цахим орчны харилцан яриа ба сэтгэл хөдлөл. Диалоги и выражение эмоций в интернет-пространство	54
<i>Пүрэв Алимаа.</i> Обыденная фразеология монгольского языка	65
<i>Тагарова Т. Б.</i> Фонетический строй сойотского языка: описание В. И. Рассадина	73
<i>Тишин В. В., Нанзатов Б. З.</i> Бурятская историческая фонетика в русскоязычных документах XVII в.: к вопросу об абсолютной хронологии развития	79
<i>Трофимова С. М.</i> Скотоводческая лексика в языке тофаларов и бурят (на материале названий домашних животных)	86
<i>Тушинов Б. Л.</i> Краткий обзор биографий Дже Цонкапы из Монгольского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН	89
<i>Селютина И. Я.</i> Дешифровка древнетюркских рунических памятников Монголии и Алтая (к 110-летию В. М. Надеяева)	96
<i>Хабтагаева Б.</i> О сартульском диалекте бурятского языка	105
<i>Хартаев В. В.</i> «Светильник рассуждений» Кенсур Агван Нимы (1097–1990) как источник по изучению деятельности Атиши в Тибете	112
<i>Цыренжапова Д. Д.</i> Числа в фольклоре монгольских народов	117
<i>Этагорова А. Б.</i> Из истории исследований письменного памятника «Сокровенное сказание монголов» в Китае в XX в.	120

CONTENT

<i>Abdiev T. K.</i> Kyrgyz-buryat lexical parallels	6
<i>Abdikarim Nurzia, Tokenkyzy Gulnaz.</i> Comparative study of the principles of translation of terms in the kazakh and mongolian languages	12
<i>Bakhshiyeva T. L.</i> Areas of toponyms of turkic origin in Azerbaijan	19
<i>Huseynova A. I.</i> About dictionary entries for the word ‘mother’ in the dictionaries of the azerbaijani and mongolian languages	24
<i>Dashibalova D. V., Galdanova A.</i> Anthronyms in “The legend of Manduhai Setsen Khatun” and in Sh. Natsagdorj’s Novel “Mandhai Khatan”: comparative analysis	28
<i>Zhamsaranova R. G.</i> Historical anthroponymy of khori-buryat	34
<i>Zagarperenley T., Sodnomzhamts D.</i> The Daahi inscription	42
<i>Narmandakh Khaltar, Tzolmon Shirnen.</i> E-conversation and emotion	54
<i>Purev Alimaa.</i> Everyday phraseology of the mongolian language	65
<i>Tagarova T. B.</i> Description of the phonetic structure of the soyot language by V. I. Rassadin	73
<i>Tishin V. V., Nanzatov B. Z.</i> Buryat historical phonetics in russian-language documents of the 17 TH century: on the problem of the absolute chronology of its development	79
<i>Trofimova S. M.</i> Pastoral vocabulary in the language of tofalars and buryats (Based on the names of domestic animals)	86
<i>Tushinov B. L.</i> A brief overview of the biographies of the Je Tsongkhapa from the Mongolian fund of the center of oriental Manuscripts and Xylography of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences	89
<i>Selyutina I. Ya.</i> Decryption of the ancient turkic runic monuments of Mongolia and Altai (to the 110th anniversary of V. M. Nadelyaev)	96
<i>Khabtagaeva B.</i> About the sartul dialect of the buryat language	105
<i>Khartaev V. V.</i> "Lamp of reasoning" Kensur Agvan Nima (1907–1990) as a source for studying the activities of Atisha (982–1054) in Tibet	112
<i>Tsyrenzhapova D. D.</i> Numbers in the folklore of the mongolian peoples	117
<i>Etagorova A. B.</i> From the history of research on the written monument "The Secret history of the mongols" in China in the 20th century	120

Научное издание

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО МОНГОЛЬСКОМУ И ТЮРКСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ
ПАМЯТИ В. И. РАССАДИНА**

(Улан-Удэ, 15–16 ноября 2022 г.)

Редактор
Н. Б. Бадмацыренова
Компьютерная верстка
Т. А. Олоевой

Св-во о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 29.02.2024. Формат 70x108 1/16.
Усл. печ. л. 11,03. Уч.-изд. л. 8,3. Заказ 16. Тираж 100. Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
имени Доржи Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
gio@bsu.ru

Отпечатано в типографии Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а